

N. 17° B. E. 1822.

ЛОРДЪ БЕЙРОНЪ.

ВЫБОРЪ
ИЗЪ СОЧИНЕНІИ
ЛОРДА БЕЙРОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

155455 Издавъ

М. КАЧЕНОВСКІЙ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечананці, до выпуска въ продажу, представлень были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департаментна Министрства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Августа 18 дня 1821 года. *Е. Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Давыдовъ.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стран.
Осада Коринѳа. - - -	3
Калмарь и Орла. - - -	56
Мазепа. - - -	69
Джяурь. - - -	106
Абидосская невѣста. - -	177

**ВЫБОРЪ
ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ
ЛОРДА БЕЙРОНА.**

Осада Коринѳа.

Въ 1715 году Великій Визирь, желая положить себѣ путь въ Морею и овладѣть главнымъ ея городомъ (Наполи ди Романіа), осадилъ сперва Коринѳъ. Послѣ многократныхъ приступовъ, гарнизонъ Венеціанскій ослабѣлъ до такой степени, что Губернаторъ, не видя возможности сопротивляться превосходной силѣ, принужденъ былъ вступить въ переговоры о сдачѣ. Въ самое по время какъ съ обѣихъ сторонъ соглашались объ условіяхъ, сдѣлался пожаръ въ Турецкомъ шанѣ: пороховой магазинъ взлетѣлъ на воздухъ и семь сотъ человекъ лишилось оныхъ жизни. Сіе происшествіе, случившееся впрочемъ само собою, привело въ бытность невольныхъ: они не хотѣли болѣе слышать о переговорахъ, сдѣла-

ли опчаянной приспущь, и въ тошъ же день овладѣли Коринѣомъ. Почши весь гарнизонъ и Губернапоръ Миношши преданы были смерти. Оспавшіеся въ живыхъ солдашы, съ Чрезвычайнымъ Проведипоромъ Аншоно Бембо, взяпы въ плѣнь непріятелемъ. (*Hist. des Turcs*, vol. III, pag. 352.)

Н. В. Главный городъ въ Мореѣ нынѣ уже не Наполи ди Романіа, а **Триполица**, мѣсто пребыванія Паши и правительсва. Наполи лежишъ близъ Аргоса. Я посѣщаль сіи при города въ 1810 году и въ 1811 мѣ. Пупешествуя по Греціи, восемь разъ переѣзжалъ я Коринѣской перешеекъ, слѣдуя шо изъ Ашпики въ Морею черезъ горы, шо по направленію ошъ Аѣинскаго залива къ Лепантскому. Сіи дороги весьма непоходяшъ одна на другую, но обѣ прекрасны, обѣ окружены живописными видами. Пущь черезъ море нѣскольکو однообразенъ: но какъ земля всегда передъ глазами, и весьма часшо надобно плышъ у самаго берега; шо острова Саламина, Егина, Поро и другіе, равно какъ и самой маперикъ, предспавдяюшъ великолѣпныя картины.

I.

Годы и вѣки, дыханія бурь и опустошенія браней прошекли надъ Коринѣомъ; но онъ еще возвышается, какъ пвердыня, предназначенная защищать свободу. Ярость вѣтровъ, удары землетрясеній не возмogli поколебать древней скалы его — средопочнаго камня спраны, хопя упривившей свою славу, но еще сохранившей оспалпокъ гордоспи. Перешеекъ, двойнымъ печеніемъ волнь безпреспанно пѣснымъй, пропивуполагаепъ на шеспвю моря непобѣдимую преграду: волны или съ ирескомъ сокрушаюпся, ударяясь о несокрушимую высоту берега, или ревушь, пресмыкаясь у его подножія. Но если бы вся кровь, на сихъ берегахъ пролишая — съ шого дня, когда Тимолеонъ обагриль ихъ кровію своего брата, даже до постыднаго поражения Царя Персовъ, — если бы вся кровь, копорою сія земля убійспвъ напипана, вдругъ изверглась изъ ея упробы: новый океанъ червлеными

своими волнами покрылъ бы переищемъ, нынѣ далеко вдавшійся въ море. Если бы можно было собрать въ одну груду бѣлыя кости всѣхъ людей, пожавшихъ здѣсь войною: тогда увидѣли бы возносящуюся до небесъ пирамиду, равную горѣ *Акрополису*, которой гордая вершина скрывается подь облаками.

II.

Двадцать тысячъ копій сверкающъ на горѣ *Киееронъ*, и съ самой высоты ея даже до обоихъ береговъ возносялся шалпы военные. Луна сіяетъ передъ Мусульманскими рядами, построеными въ боевомъ порядкѣ. Каждое полчище *Спаговъ* сполитъ подь предводительствомъ брадахаго Паши, и на всемъ пространствѣ, которое взоръ лишь окинутъ можеть, видно ополченіе сыновъ *Опшомановыхъ*. Между ними примѣшны и Арабы съ послушнымъ вѣдлудомъ, и Татаринъ искусный управляющъ бышрыми конемъ своимъ, и Туркоманъ, которой, оставивъ свое спадѣ, воо-

ружился мечемъ ужаснымъ. Громы пушекъ раздаются въ горахъ, подобно гуламъ небеснаго грома. Уже и ревъ морскихъ волнъ неслышенъ болѣе среди заглушающихъ звуковъ: покрытые пуши изрыпы; ядро, сей посланникъ смерти, съ зловѣщимъ свистомъ испоргается изъ мѣднаго своего влагалища и спремившя поколебашь огражденія твердыни, уже головныя сокрушишь. Но и осажденные умѣютъ оповѣстивовать нападению невѣрныхъ, и осажденные въ свою чреду посылають гибель къ невѣрнымъ сквозь щучи дыма и пыли.

III.

Кто сей вражескій воинъ, при нападенияхъ всегда первый? Изъ всѣхъ чиншелей Аллы онъ овыпнѣйшій въ ненависномъ искусствѣ браней; горды и люшь вождь сей, обыкшій веспи прямо къ побѣдѣ; онъ вдругъ на всѣхъ мѣснахъ, и вездѣ головъ показашь новый подвигъ; шуда успремляешь своего коня, гдѣ брань кипишь

самая кровопролитная. Видишь ли упорно защищаемую бойницу, — онъ сходилъ съ коня и одушевляеши мужество въ опсупающихъ опъ огня войнахъ. Онъ ужасиѣ всѣхъ, подъ знаменемъ Луны рапующихъ, предшесивуеши ли своимъ сподвижникамъ, или спускаеши въ рукъ своей пружину орудія огнеспрѣльнаго; вооруженъ ли копиемъ, или описываеши круги широкимъ мечемъ своимъ. Се Альпъ, опсупникъ вѣры, сынъ Адриапики.

IV.

Онъ получилъ жизнь въ Венеціи, гдѣ обипали его знаменишые предки; но бывъ изгнанъ, обрашилъ прошивъ опечесшва орудіе, полученное имъ онъ опечесшва, и нынѣ чело его покрышо чалмою. Кориѣ и Еллада, послѣ многихъ превратностей съ ними, подпали наконецъ законамъ Венеціи. Въ числѣ враговъ Хрисиансшва, опсупникъ Альпъ кипѣлъ яросшию, обладающею шѣми, копорыхъ память жестокой обиды засшавила приняши мо-

вую вѣру. Ни Венеція, ни достославное имя свободы уже не прогали уязвленнаго сердца. Обвинители подлые, скрывшіе имена свои, вложили доносъ въ разверзшыя челюсти льва Св. Марка (1), и Альпъ осужденъ была на погибель безъ предварительныхъ обвинѣній его изысканій: но онъ имѣлъ время спасти бѣгствомъ жизнь свою, обреченную къ подвигамъ рашнымъ; показалъ своему опечесству, чего лишилось оно, извергнувъ изъ нѣдръ своихъ такого человѣка, копорой, окружая Луну шоржествами побѣдъ, искалъ единственно мщенія, или смерти.

V.

Кумуржій (2) предводительствуетъ ополченіемъ Мусульманскимъ, — шопъ, копорый въ послѣдствіи времени украсилъ триумфъ Евгенія, когда палъ на кровавыхъ равнинахъ Карловица, палъ послѣдній и ужаснѣйшій изъ всѣхъ побѣжденныхъ. Онъ умеръ, не жалѣя о жизни, и проклиная побѣду Христіанъ, враговъ своихъ. Ахъ! слава Ку-

муржія, завоевапеля Греціи, не будеть ли грѣмѣнь дополь, пока вѣрныя Хрістовы чада невозвращають оупечесиву героевъ шой свободы, которую нѣкогда ему даровала Венеція? Вѣки прошекли уже съ шой поры, какъ Луна порабощила Грековъ.

Альпу вѣрено было начальство надъ передовымъ войскомъ. Превращенные въ пепель грады оправдывали сію довѣренность къ нему главнаго полководца; смертоносныя удары, наносимыя спрашною рукою Альпа, служили поручишельствомъ за вѣрность его къ новому исповѣданію.

VI.

Стѣна швердыни поколебалась, ж съ шрескомъ падали зубцы ея, непрерывно поражаемыя изъ огнедышущихъ жерлъ Турецкихъ. Извергнушая бомба пробиваетъ зданія Коринѣа, разбросанныя обломки ихъ покрываютъ землю, и вдругъ пламя испоргается изъ убійственнаго шара подобно огню волкановъ, или же спремишся къ своду не-

бесъ подобно безчисленнымъ метеоро-
рамъ. Сгущаются облака черного дыма;
солнце лучами своими не можетъ
проникнуть паровъ сѣрныхъ, скрыва-
ющихъ кругъ его опъ взоровъ человека.

УП.

Не мщеніемъ однимъ одушев-
лень опшупникъ, не одно мщеніе
заснавляетъ его учить. Мусульманъ
искусству досягнуть до осажденныхъ
пушемъ пролома. Въ спѣнахъ Коринеа
обищаетъ дѣва, кошорую надѣется
онъ похитить у опца неумолимаго,
невосхопѣвшаго мѣтъ его своимъ за-
шемъ, когда еще носилъ онъ Хрістіян-
ское имя. Въ то время неправедное
обвиненіе непринудило еще Альпа из-
мѣнить своему опечеству. Незналъ
онъ никакихъ еще заботъ, безопасно
гулялъ по Венеціи въ своей гондолѣ,
предавался забавамъ карнавала, и при-
ходилъ къ дому своей возлюбленной
веселилъ ее сладоспными звуками се-
ренады въ часы безмолвія ночнаго.

VIII.

Франческа не почиталась вовсе нечувствительною. Всѣ благородные Венеціане искали руки ея, и ни одному изъ нихъ небыло дозволено заключить съ нею священнаго союза. Но Ланціоппо (*) убѣждалъ къ берегамъ Мусульманскимъ, и съ той самой поры успанной дѣвы неукрашались болѣе улыбкою; она сдѣлалась блѣдною, задумчивой, чаще приходила молишься во храмы, рѣдко посѣщала пиршества и собранія; по крайней мѣрѣ ея поникшіе взоры показывали равнодушіе къ сердцамъ, побѣжденнымъ ими. Франческа переслала оплечахся изящствомъ своихъ нарядовъ; голосъ ея ушрапилъ всю очаровательность тона, опъ копорой казался онъ спольнѣжнимъ; ноги ея уже не были споль легкими въ оныхъ веселыхъ шацахъ, прекращаемыхъ однимъ лишь наскупленіемъ ушра.

(*) Прежнее имя Альпа.

IX.

Когда Собіескій смирялъ гордыню Луны подь стѣнами Буды и на берегахъ Дуная; въ то время вожди Венеціи опшоргли опъ Имперіи Конспаннинополя всю спрану, проспирающую опъ Папры до моря Евбейскаго. Облеченный власпію Дожа, Минопши посланъ былъ въ Коринѣъ, когда миръ, давно изгнанный изъ Греціи, начиналъ улыбапья къ сей несчастной обласпи. Вѣроломное перемиріе, котораго разрывъ былъ условнымъ знакомъ къ изгнанію Хріспіянъ, еще продолжалось, когда Минопши прибылъ съ своею дочерью. Съ того времени какъ Менеласва супруга, оставивъ своего Царя и опечеспво, показала смерпнымъ, какія несчастія бываюпья слѣдспвіемъ любви преспушной, съ того времени еще въ Греціи не являлось красопы, которая могла бы оппорипь преимущеспво у несравненной Франчески.

X.

Продомъ въ снѣгѣ сдѣланъ. На зарѣ слѣдующаго дня Турки, соединивши всѣ свои силы, должны совершить послѣдній приступъ къ полуразрушенной оградѣ. Каждому изъ нихъ назначено свое мѣсто: обреченные пойдуть впередъ; сіе полчище храбрыхъ соспавлено изъ Таларъ и Турковъ: ничто несравнится съ ихъ отвагою; всѣ они дышатъ презрѣніемъ къ смерти. Искусство ихъ — прокладывая мечами путь въ рядахъ неприятельскихъ; погибая же, они почищаютъ себя шлемъ счастливыми, что по крайней мѣрѣ плѣла ихъ послужатъ спусценями для воиновъ, за ними идущихъ.

XI.

Наспала полночь. Сребровидный кругъ луны сіяетъ надъ вершиной Киверона; океанъ развиваетъ блестящія свои волны; лазуревый сводъ неба усыянъ звѣздами, какъ бы свѣтлыми осноровами другаго океана, висящаго надъ

головами смертныхъ. Кто, созерцавший сверкающую, сихъ свѣщилъ ясность, кто можешь низвести взоры свои на землю безъ печальнаго сожалѣнія, безъ желанія окрылишься, чптобы направилъ свой полетъ къ онымъ сферамъ небеснымъ?

Покой царствовалъ на водахъ, копорыхъ пѣна, едва приводила въ движеніе кремни берега, и копорыхъ шумъ уподоблялся журчанію шихаго попка; въспры на зыбяхъ дремали; флаги пресцали развѣваться, и надъ копями, копорые окружались висящими ихъ сгибами, сіяло знамя мѣсяца.

Одинъ лишь окликъ спража иногда нарушалъ безмолвіе ночи; иногда раздавались гордые ржанія коня, повторяемыя онгоголоскомъ между холмами. Но глухой шумъ, подобный шелесу древесныхъ листвевъ, внезапно услышанъ въ пробужденномъ спанѣ: то былъ голосъ Муеццина, призывавшаго воиновъ къ молитвѣ полунощной. Сей голосъ раздался, какъ

поржественная гласность невидимого; которая звуки дышавшие сладостнымъ, меланхолическимъ доброгласиемъ: такіе звуки, неясственные и продолжительные, звуки неизъяснимые музыкальной человеческой, испоргаются изъ уединенной арфы, когда струны ея движущіяся дуновениями въпра. И сей голосъ воинамъ Коринскимъ показался пророческимъ знаменіемъ ихъ гибели; даже осаждающіе содрогнулись, какъ бы пораженные однимъ изъ ихъ предчувствій неизъяснимыхъ; которые внезапно объемлютъ сердце, заставляющія его леденѣть отъ ужаса и потомъ сильно бишься отъ стыда, при чувствіи сего непроизвольнаго страха. Такъ медленный звонъ погребальный приводитъ насъ въ прелесть даже и въ то время, когда возвѣщаетъ кончину незнаемаго нами человѣка.

XII.

Шаперъ Альповъ раскинутъ былъ на берегу моря: молитва окончана, всякой шумъ прекратился. Альпъ раз-

спавиль новыхъ спражей, и обозрѣлъ мѣсна ихъ; его повелѣнія были даны, были исполнены. Течешь послѣдняя ночь прудовъ безпокойныхъ; завпра мщеніе и любовь съ избыткомъ награждать его за долговременное ожиданіе. Еще нѣсколько часовъ, и начнешя кровопролитіе: нужно пригото- вить себя, нужно воспользоваться временемъ отдыха. Но сіи мысли вращающя въ душѣ его подобно волнамъ, движимымъ порывами бури. Альшь одинъ; онъ стоишь посреди спана. Не воспоргъ изувѣрства заставляешь его ждашь неперцѣливо шого дня, въ кошорой водрузишь онъ луну на верхахъ Коринескихъ; онъ понесеть жизнь свою не въ слѣпомъ чаяніи небесныхъ Гурій, обѣщанныхъ Магомешомъ; онъ не чувствуешь въ себѣ ни шѣхъ побужденій пламенной любви къ опечешву, ни шой храбросши испушленной, кошорья заставляють счастливаго гражданина нещадить своей крови, презирашь всѣ опасосши

для милой родины. Альпъ не иное что какъ опустушникъ, поднявшій оружіе противъ своего опечества: онъ одинъ изъ всѣхъ воиновъ неимѣетъ ни сердца, ни руки, на которыя могъ бы возложить свою надежду; за нимъ идуть, пощому что онъ храбръ и обогащаетъ ратниковъ корыстями побѣды. Передъ нимъ пресмыкаются, ибо онъ умѣетъ управляя обыкновенными умами: но Мусульмане еще не могли совершенно забыть его Христіанскаго происхожденія; завидуютъ даже славу, которую приобретаетъ Христіанинъ подъ именемъ Мусульманскимъ; все еще помнятъ, что страшный вождь сей въ юности своей былъ величайшимъ врагомъ Магомеша.

Варвары невѣдали, что можетъ дѣлать гордость, умѣвшая подавить все прочія чувства. Не знали они, какъ измѣняется, какъ ожесточается ненависть сердца самыя нѣжныя, и до какой степени бываетъ испуленъ щось, кого попребности мщенія за-

спавила приняшь новую вѣру. Но они повинуются: потому непрудно управляшь людьми жестокими, кшо умѣешь показашь себя еще болѣе ихъ дерзновеннымъ. Такого рода власшь царя четвероногихъ надъ шакаломъ. Сіе животное открываетъ слѣды добычи, приводитъ ее подъ лапу льва, копорый немедленно умерщвляетъ ее и пожираетъ. Шакаль насыщается оспашками жерлвы.

XIII.

Голова Альпа пылала; сердце билося въ немъ судорожнымъ движеніемъ. Тщепно ищетъ онъ мѣсна удобнаго, гдѣ могъ бы вкусишь удовольствіе отдыха; сонъ опъ него убѣгаетъ: послѣ минутой дремоты онъ пробуждается внезапно и ощущаетъ бремя упомленія; чалма бользненно шягошитъ чело его, и броня, подобно свинцу, давишь его сердце. Но прежде сонъ часпо смыкаль вѣжды Альпа, хопя, какъ нынѣ, ложился онъ весь вооруженный

безъ покрова, безъ мягкаго изголовья, на землѣ болѣе жесткой, подъ небомъ менѣе чистымъ. Тщепно взываетъ онъ къ покою; перяешь перьяне, не можешь дожидаться дня въ шатръ своемъ и направляешь стопы къ берегу песчаному, на кошоромъ тысячи воиновъ наслаждались опдыхомъ. Мягче ли былъ одръ ихъ? Для чего Альпъ не вкушаетъ сна, кошорымъ дозволено пользоваться послѣднему изъ его воиновъ? Опасностей у нихъ болѣе нежели у военачальника, и труды ихъ несравненно тяжоснѣе! Между пѣмъ какъ они въ спокойномъ снѣ мечпаютъ о добычѣ, кошорая имъ обѣщана, одинъ вождь, среди бѣдныхъ людей, уснувшихъ, можешь бышь, въ послѣдній разъ въ жизни, одинъ вождь ихъ носишь въ груди своей мучительное безпокойство и завидуешь судьбѣ своихъ подчиненныхъ.

XIV.

При свѣжести ночи онъ почувствовалъ нѣкошорое облегченіе въ ду-

шѣ своей. Воздухъ былъ приятенъ, не смотря на пищу совершенную, и влажная роса лилась небеснымъ бальсамомъ на пламенное чело Альпа. Онъ, проходя черезъ спанъ военный; видѣлъ передъ собою губу и выдавшіяся неправильныя конечности Лепантскаго залива. На вершинѣ горъ Делфійскихъ блиспаетъ снѣгъ, уважаемый льпнимъ зноемъ. Вѣки неиспреблѣтъ его, какъ испреблѣютъ они родъ человѣческій! Исчезаютъ рабы и шираны, уступая могуществу лучей солнца, между тѣмъ какъ пропившися имъ сіе тонкое, бѣлое покрывало, которымъ навсегда запланы горныя вершины, и которое переживетъ и высокія деревья и гордыя башни. Свѣй снѣгъ безсмерпный, лежащій наравнѣ съ облаками, кажется гробовымъ покровомъ, которой свобода просперла на любимой землѣ своей, не бывши еще изгнанною. Она съ прискорбіемъ оспавляетъ сіи мѣста, гдѣ вдохновенные пророческимъ ея геніемъ воспѣвали славу героевъ; плачущая,

она удаляешь, умедляешь стопы свои
каждой разъ, когда попираешь ногами
невоздѣланныя поля или низверженныя
жершвенники. Она гопова воззвать
къ сынамъ Греціи, гопова указашь на
славныя профей ихъ предковъ. Но,
ахъ! голосъ ея слабъ; уже невозвра-
тился нощъ день, вѣчныя памяши
доспойный день, копорый озаряль по-
раженіе Персовъ и зрѣль Спаршанца,
умирающаго съ улыбкою.

XV.

Не смотря на пресступную измѣ-
ну, въ душѣ Альпа не испребилась па-
мяшь времянь знаменилныхъ. Мыслен-
но сравниваетъ онъ прошедшее съ на-
стоящимъ; думаетъ о доспославной
смерти за священное дѣло пролившихъ
кровь свою на тойже самой землѣ,
копорую нынѣ попираетъ онъ среди
ночныхъ пѣней. Альпъ чувспвуетъ,
сколь ничпожною, сколь гнусною дол-
жна быль слава, приобретаемая из-
мѣнникомъ, копораго свяшопашспвен-
ная рука предводитишь варваровъ, ра-

иующихъ противъ его опечесства. Не таковы были герои, коихъ священ-
 ный прахъ покоился подъ его спопами. На сихъ самыхъ мѣстахъ подви-
 зались ихъ фаланги, и пѣла ихъ ни-
 когда не были оплохомъ бесполезнымъ. Они содѣлались жертвами своего обре-
 ченія; но не умерли они и умереть не могутъ. Зефиры, кажется намъ,
 повторають имена ихъ въ своихъ
 вздохахъ, воды журчаніемъ своимъ въ-
 щають объ ихъ подвигахъ и въ лѣсахъ
 раздается ихъ слава. Уединенный
 сполбъ, еще донынѣ возносящій сѣро-
 ватую главу свою, гордится, принад-
 лежа священному ихъ праху; пѣни
 ихъ обилуютъ на горахъ сихъ; па-
 мять бытія ихъ живенъ еще въ по-
 покахъ, и скромный ручей и гордая
 рѣка вращають имена ихъ съ волнами
 своими. Земля сія спонетъ подъ игомъ;
 не смотря на то, она всегда принад-
 лежатъ будетъ имъ и слава міра. Че-
 ловѣкъ, желающій опдичить себя под-
 вигомъ благороднымъ, обращается

къ Греціи, гордишься примѣрами ея героевъ, подъемлешь чело передъ шираномъ, и лепишь къ смерти или къ побѣдѣ.

XVI.

Безмолвно Альпъ мечталъ на берегу, благословляя въ душѣ своей прилипную свѣжесшь ночи. Никакимъ движеніемъ неколебалась поверхность сего моря, съ начала вѣковъ опшсупающаго, безъ приливовъ и опливовъ (3). Сколь ни была бы велика ярость вавовъ его, они немогущъ перейти за черпу оспанавливающей ихъ границы, и безсильная луна видишь ихъ неподверженными своему вліянію. Тихо ли время, свирѣпствуютъ ли бури, гордая, неподвижная скада презираешь ревущее колебаніе водъ, немогущихъ досягнушь ее. Бѣловатая полоса пѣны, въ печеніе многихъ вѣковъ неизмѣнившаяся, одною лишь узкою оплогоспшо опдѣляется опъ зеленаго дерна.

Альпъ все идешь вдоль берега, и уже приблизился къ самымъ снѣгамъ.

Коринеа; но онъ незамѣченъ спрегутыми ихъ воинами. Какъ могло спашься, что не палъ онъ отъ оружія неприятельскаго? Не уже ли есть измѣнники между Хрістіянами? Не изсохли ли руки у осажденныхъ? Не оледенѣли ли сердца ихъ отъ мороза? Миѣ неизвѣстно сіе; но ниже одна пуля со свиспомъ непролетѣла надъ головою опсшунника дерзновеннаго, хопя былъ онъ въ двухъ шагахъ отъ бойницы, закрывающей ворота со стороны моря, хопя слышалъ говоръ воиновъ, даже различалъ суровыя слова спражей, ровными спопами ходящихъ по помослу. Подъ спѣнами швердыни усмашриваетъ онъ жадныхъ псовъ, ропшно шперзающихъ разбросанныя шрупы. Прилѣжно занимаясь добычею, они недумають даемъ своимъ успрашить пришельца. Уже сняли они всѣ мясныя частши съ головы одного Тапарина, какъ снимаешся кора со зрѣлаго плода смоковницы; черепъ еще прошившися припулленнымъ зубамъ хищныхъ шва-

рей; еще лижутъ они кости трупа и насилу могутъ поднять зѣвъ, пресыщенный плотояденіемъ (4). Чалмы, по песку капившіяся, показали Альпу, что самые храбрые изъ воиновъ его служили тамъ пищею алчнымъ живошнымъ. Дорогая пикань, копорою обвину было чело сихъ воиновъ, опличалась зеленымъ своимъ цвѣшомъ съ багряными полосами, и носомъ волосовъ еспавалось еще на бритыхъ головахъ ихъ (5). Дальше на берегу одинъ коршунъ билъ крыломъ своимъ волка, похитившаго у птицъ плотоядныхъ остатокъ падалища, и копорому присущеніе псовъ запрещало приближиться къ шрупамъ, чтобы насытиться ими.

XVII.

Альпъ отвратилъ очи отъ ужаснаго зрѣлища; сердце его никогда не трепещало среди опасностей битвы: онъ лучше бы желалъ видѣть воина, издыхающаго въ попокахъ своей крови, пожираемаго палящею жаждою

послѣднихъ мукъ въ жизни, нежели быль свидѣлемъ тому, какъ лютые звѣри шерзають шѣла несчастныхъ, хопя лишенныя уже всякаго чувства. Поданный знакъ къ сраженію возбуждаеть гордость въ душѣ нашей; каковъ бы ни былъ видъ приближающейся смерти, мы знаемъ, что слава повторитъ имя падшаго на полѣ брани, знаемъ, что честь открытыми очами смолришь на храбрые подвиги: но горько, нестерпимо, когда все уже кончилось, попираешь ногами шрупы, еще ожидающіе могилы; горько и нестерпимо взирать, какъ земляные черви, хищныя птицы и дикіе звѣри стекаются оспаривать одинъ у другаго оспалки челоуѣка и веселились его смертію.

XVIII.

Близъ того мѣста древній храмъ развалинами, своими покрываль земную поверхность; двѣ или три колонны еще стояли, и шрава росла на мраморѣ, на границѣ: шаково неумоли-

мре время! Будущаго также не пощадишь оно, какъ не пощадило прошедшаго, и всегда естъ въ готовности у него сполно развалитъ, чпобы заславилъ насъ оплакивашь какъ бывшее, такъ и будущее. Чпó видѣли мы, шо увидяшь и дѣши наши — оспашки памятникы, уже несущесшвующихъ болѣе, обломки камней, воздвигнушихъ нѣкогда руками челоувковъ.

XIX.

Альцъ садитсѣ на подножїи колонны. Онъ повелъ рукою по челу своему, подобно челоувку, котораго мучитъ бѣдѣиенная греза; голова его преклонилась къ сердцу, котораго бїенїе могло бы служитъ признакомъ огневицы; дерсны его блуждали по челу, какъ персны музыканша въ безпорядкѣ пробѣгаютъ по бѣлоснѣжимъ клавишамъ, еще не нашедши желаемого звука. Углубленному въ печальную думу слышалось дуновение ночнаго вѣпра, подобное нѣжному, меланхолическому вздоху. Въ самомъ ли дѣлѣ

вѣтръ спонешъ въ разсѣяніи какого-либо камня? Альпъ поднимаетъ голову, смотришь на море: поверхность его была, какъ стекло, гладкая; смотришь на зелень дѣрева: ни одинъ сѣкель гибкой травы не колеблется. Откуда же сія тихіе звуки? Онъ обращаетъ взоръ свой ко флагамъ; ничто недвижеть ихъ сгибовъ, и древесныя листья Киверона висятъ въ совершенномъ покоѣ; самъ Альпъ на лицѣ своемъ неощущаетъ дуновения отъ слышанныхъ имъ звуковъ. Онъ обертываетъ голову: веришь ли собственному чувству зрѣнія? Передъ нимъ дѣва, сіяющая юностію и красотою.

XX.

Альпъ препенетъ, объятый ужасомъ, какого не ощутилъ бы передъ неприятелемъ. «Боже опцевъ моихъ! какъ онъ воскликнулъ: «что я вижу! Кто ты и откуда? что побудило тебя находиться такъ близко отъ Мусульманскаго шана?» И дрожащая рука его опрелекаетъ сотворить знаменіе

креста, уже преславшее быль для него священнымъ залогомъ спасенія. Едва неувлекся онъ чувствомъ сердца; но его удерживаетъ затвердѣвшая совѣсть. Альпъ нѣмѣетъ ошь изумленія, узнавая черты прекраснаго лица, нѣкогда споль ему любезнаго: предъ очами его была — Франческа, та Франческа, копорую желалъ онъ называть своею супругой.

Еще розами украшались ея ланишы; но розы не блистали уже прежнимъ румянцемъ. Куда улетѣли сія очаровательныя движенія губъ, сія прелестная улыбка, копорыми возвышалась нѣжная ихъ багряность? Лазурь спокойнаго океана неимѣла шой приятности, какая обилала въ несравненныхъ очахъ Франчески; но ея зѣницы неподвижны, какъ поверхность моря, и взоръ ея былъ ясенъ, но холоденъ. Флеръ едва закрывалъ бѣлолилейную грудь ея, и сквозь распущенные волосы Альпъ могъ видѣть

изящную круглоспъ рамень ея. Еще не сказавъ ни слова любезному, Франческа вознесла къ небу руку свою, споль блѣдную и прозрачную, что лучи мѣсяца, не отражаясь, сквозь ея проникали.

XXI.

„Оставивъ мѣста моего покоя,“ рекла Франческа „я пришла къ любимцу души моей, дабы насладишься счастьемъ и его содѣлать участникомъ моего блаженства. Не удержали меня ни спѣны, ни врапа, ни ряды спражей, и я достигла до шебя, не чувствуя страха. Самый левъ, какъ повѣсивуюшъ, убѣгаетъ отъ дѣвы, защищаемой единымъ своимъ цѣломудріемъ, и Господь, охраняющій невинность отъ грознаго опустошителя дубравы, соблаговолилъ въ милосердіи своемъ охранить и меня отъ рукъ невѣрныхъ. Къ тебѣ припекла я: но ежели щещно мое пришествіе; мы никогда, никогда не соединимся! Ты учинилъ ненави-

настивѣйшее беззаконіе, ошвергнувши
 «вѣру опцевъ твоихъ! Попри же но-
 жгами клятвопреступническую чалму
 ясію, огради себя знаменіемъ креста
 свяятаго — и ты будешь моимъ на-
 вѣки; изгладь пачно, копорымъ
 почернилось швое сердце — и завпра-
 шній же день соединишь насъ нераз-
 рывнымъ союзомъ.»

— Но гдѣ устроимъ ложе брач-
 ное? — таково былъ отвѣтъ Альца:
 гдѣ? Развѣ среди мертвыхъ и уни-
 рающихъ! Завпра мы предадимъ ме-
 чу и пламени чадъ Христіянства и ихъ
 молишвенные храмы; только ты и
 ближніе швыи получише пощаду: я
 произнесъ клятву. Но для насъ гошпо-
 во убѣжище безмятежное: шамъ со-
 единимся узами брака и всѣ горести
 наши предадимъ забвенію; шамъ назо-
 ву тебя супругою моею, когда еще
 одинъ разъ унижу гордыню Венеціи:
 ненавистные граждане ея должны были
 свидѣтелями, какъ сія рука, ими пре-
 зрѣнная, бичемъ изъ скорпіоновъ бу-

дети поражать шехъ, кои по внутреннюю пресупной зависии содѣлались мощми врагами. —

Франческа положила руку свою на руку Альфа; едва ощутивъ была шяжеснь ея: но ужась проникъ до самыхъ носней описупника. Сердце еѣ оледенѣло; онъ неподвиженъ онъ изумленія: хладная рука Франчески едва держала его руку; но онъ желалъ бы опшвесивъ ея, и никогда еще пожатіе ешлоъ любезными персями невозбудало подобнаго ужаса. Пламя чела его поухло и ледяное сердце чушь билось, когда, созерцая черны лица нѣкогда любимой дѣвы, усмаививалъ онъ, сколь велика была происшедшая въ ней перемѣна. Франческа все еще была прекрасною, но уже лишена шой выразишельности, шого луча небснаго, опъ кошораго сверкаетъ лице, какъ волны моря въ ясный день играють онъ лучей солнца. Губы ея были уже какъ смершь неподвижны, и

слова, изъ успѣ ея выходящія, уже несопровождались ихъ аромашомъ. Перси не воздымались опъ пихаго дыханія, и самая даже кровь, казалось, не текла уже въ ея жилахъ. Въ очахъ не было блеска, и опъ изнемогшихъ зѣницъ посылались одни лишь смутные взгляды, какіе видны въ очахъ чловѣка, мучишельнымъ сновидѣніемъ помимаго. Таковы мрачныя фигуры на спѣнныхъ шканяхъ, вѣяніемъ бороя колеблемыхъ: сіи лица бездушныя, но кажущіяся живыми, успрашають взоръ при блѣдномъ мерцаніи умирающаго свѣтильника. Видя ихъ во мракъ, думаеме, что онѣ сходятъ со спѣны, на которой начертанъ грозный ихъ образъ, и при колебаніи шкани опъ вѣпра вамъ кажулся сіи призраки ходящими.

„Ежели мнишь пы,“ вѣщаетъ Франческа „что многимъ жерпвуешь своей любви ко мнѣ; то да будетъ сіе по крайней мѣрѣ жерпвою любви твоей къ Небу! Свергни, я повпо-

ярю, опшлущицкскій покровъ сей съ
 »чела швоего, и поклянись явить по-
 »щаду сынамъ опечества. Иначе — ты
 »погибнешь: неузришь болѣ земли, на
 »которой недолжно тебѣ оспавашь-
 »ся; никогда неузришь ни меня, ни
 »неба. Склонись на мольбу мою!
 »Пусть жестокая участь была бы ка-
 »знию швоею: она средство къ оплу-
 »щенію нѣкоторой части изъ швоихъ
 »беззаконій. Двери милосердія могутъ
 »еще распвориться предъ шобою: раз-
 »мысли, или приготопись понеспи про-
 »клятіе Бога, котораго ты вѣроломно
 »оспавилъ; въ послѣдній разъ возведи
 »очи свои къ небесамъ, уже готовымъ
 »навсегда для тебѣ запвориться. Смо-
 »три на легкое, вблизи луны плыву-
 »щее облако: оно скоро оспавитъ ее
 »за собою. Ежели сердце швое не обра-
 »тится, прежде нежели воздушный
 »покровъ сей пропечетъ мимо ночна-
 »го свѣтила; Богъ и человекство по-
 »пребующъ своего удовлетворенія —
 »и спрашнымъ будешь осужденіе швое,

«но еще будетъ спрашивае въжостіа
янивоихъ неесчастій.»

Возводишь взоры Альпъ, и видишь
на сводъ небесъ облако; но въ сердцѣ
его скрывалась язва, и гърдыня его не-
преклонна. Гибельная страсть сія, по-
добно ярому пошоку, увлекаешь всѣ
прочія. Альпули просишь помилованія!
ему ли спрашишься прещеній робкіа
дѣвы! забышь обиды Венеціа, и съ
клятвою обещаешь пощаду сынамъ ея,
уже обреченнымъ къ погибели! Нѣтъ!
когда бы сіе облако ужаснѣе было шу-
чи громовой, когда бы грозило уничто-
жити опшпунника... да разразился!

Неподвижно и безмолвно взираешь
Альпъ на грозное знаменіе; облако про-
бѣжало, и открывшаяся луна въ пол-
номъ сіяніи предспала очамъ его. «Ка-
кова бы ни была моя судьбина,» про-
изнесъ опшпунникъ «я не умѣю пере-
мѣнить себя, и шерерь уже позд-
но. . . Гибкая шрость, поражаемая
«бурею, шрепещеть, клонится долу

«и возспаетъ снова; крѣпкій дубъ дол-
 »женъ преломиться. Пребуду пѣмь;
 »чѣмъ содѣлала меня Венеція — вра-
 »гомъ ея во всемя, кромѣ одной толь-
 »ко любви моей къ Франческа. Но ты
 »развѣ не въ безопасности, находясь
 »со мною? Убѣжимъ вмѣстѣ, Фран-
 »ческа!» Онъ обращаетъ голову, и
 Франческа уже не стало; видишь одинъ
 лишь мраморъ колонны. Не въ землю
 ли она сокрылась? не исчезла ли въ
 пространствахъ воздушныхъ? Альтъ
 не зришь ее болѣе, и незнаешь, что
 помыслишь.

XXII.

Ночь сплещаетъ; солнце готово
 яркими лучами озарить землю, какъ
 бы въ день торжественный; Аврора
 мало помалу снимаетъ съ долинъ сѣ-
 рое покрывало мраковъ: все предвѣ-
 щаетъ жаръ упоительный. Разда-
 ются грома трубы и лимпановъ; съ
 шумомъ распущенныя хоругви разви-
 ваются надъ вошами; слышны ржанія
 коней, звучныя движенія войска; слышны

вопли: къ оружію! къ оружію! Влася-
 ныя знамена (б) Пашей несущся передъ
 ихъ полчищами; мечи обнажены; вои-
 ны спояшъ въ боевомъ порядкъ; всѣ
 ждуть лишь только знака къ сраже-
 нію. »Татары, Спаги, Туркоманы!
 спѣшите къ полку передовому! Всад-
 ники! спрегите ущелія, окружите
 равнину, преградите путь бѣгущимъ
 изъ города! Ни одинъ Хрістіянинъ,
 старый и младенецъ, да не избѣгутъ
 назначенной имъ судьбины! Пѣшіе межъ
 шѣмъ да распроспраняють убійство у
 пролома и да проникнутъ въ средину
 Коринеа!«

Кони со скрежетомъ грызутъ броды
 свои и гордо возмешаютъ развѣвающую-
 ся гриву; удила ихъ покрыты бѣлою
 пѣной. Легкія копья направлены; вос-
 паляющая вервь курится; огнеспрѣль-
 ное жерло, къ швердынь, обращенное,
 гошова изрыгнувъ смерть и разру-
 шивъ уже допрысенныя спѣны; фа-
 ланги янычаръ идутъ, предводимыя
 Альпомъ. Руки его обнажены до ра-

мень, и мечь блистаетъ въ его десницѣ. Ханъ и Паши на мѣсцахъ своихъ; самъ Визирь на челѣ всего воинства.

»Раздастся въсповой громъ, и мгновенно все да двигнется; да не пощадится жизнь ниже одному изъ жителей Коринва, да не оставялся въ живыхъ ни служитель въры передъ олпаремъ своимъ, ни вельможа въ своихъ чертогахъ! да разрушатся дома, да не останется камень на камни въ Коринѣ! Богъ и пророкъ! Алла га! да крикъ сей достигнетъ до свода небеснаго!»

»Здѣсь проломъ!» восклицаетъ Курмуржій: »здѣсь лѣстницы для восше-»спвія на спѣны! въ рукахъ вашихъ»мечи! вы ли не побѣдите? Кпо»первый сокрушитъ хоругвь враже»скую; шопъ всего шребуи опъ моей»щедрости. Все получилъ.«

Такъ вѣщаль Визирь безпрепепный; бряцанія опъ сопрясенныхъ мечей, опъ копій и радостные клики восторженнаго воинства послужили вмѣ-

ство оплѣла. . . . Молчаніе. . . . Раздался вѣсповой выспрьль.

XXIII.

Слая жадныхъ волковъ устремляется на быка, ярмою неукротеннаго; ихъ неспрашивъ ни сверкающій огонь очей его, ни рыканія грознаго гнѣва; нищенно попираетъ оль копытами, нищенно окровавленными рогами возмещаетъ дерзнувшихъ бытъ первыми въ сраженіи. Такъ Мусульмане устремляючися къ твердынь; такъ отважнѣйшіе изъ нихъ падаютъ подъ ударами осажденныхъ; полпа воиновъ ихъ усплала землю; брони ихъ, какъ стекло, сокрушены убійственнѣйшымъ шаромъ, еще роющимъ земную поверхность, на которой повержены имъ тѣла невѣрныхъ; цѣлые полки ихъ низложены, подобно класамъ, копорые серпомъ жнеца посѣчены на браздахъ нивы.

XXIV.

Неподвижный утѣсь, долго подмываемый потоками воды весеннихъ,

зрѣть наконецъ огромныя отломки
 ашпорженными опъ своей подошвы;
 съ громовымъ прескомъ они капяпса
 въ волны, и, подобно лавѣ, низвер-
 гаюпса въ Альпійскія долины. Такъ
 жипели Коринеа, ослабленныя долго-
 временной осадюю, изнемогли опъ ча-
 стыхъ нападений войскъ Мусульман-
 скихъ. Спрашно было ихъ сопрошив-
 ление; но преодолѣла сила неверныхъ,
 и Хрисііане пали, пѣснимые въ ря-
 дахъ своихъ, пали не опспуая.

Единая смерть безмолвспивовала
 на семь позорищъ кровопролитія; уда-
 ры поражающихъ, споны побѣжден-
 ныхъ, клики побѣды мѣшались съ гро-
 момъ огнеспрѣльныхъ орудій. Ближ-
 ніе грады съ безпокойспвомъ прислу-
 шивались ко спукамъ, даже до нихъ
 доспигавшимъ; не вѣдали они, къ кому
 улыбаелса Форшуна — ко врагамъ ли
 ихъ, или къ союзникамъ; не вѣдали,
 радовашса, или скорбѣть должно при
 сихъ спрашпыхъ вопляхъ, кошорые
 ехомъ съ ужасными звуками пере-

сылаемы были между горами. Саламина, Мегара, самый даже Пирей слышали, какъ повѣспвуютъ, звуки сей роковой битвы.

XXV.

Мечи обагрились отъ конечнаго острія даже до рукоятки. Городъ взятъ уже, и началось расхищеніе. Пронзительные вопли раздаются изъ домовъ, въ которыхъ воины ищутъ добычи. Слышенъ ускоряемый топотъ бѣгущихъ; они скользятъ по ручьямъ крови, наводнившимъ улицы. Но здѣсь и тамъ, лишь шолько дозволяетъ гдѣ положеніе мѣста, десять или двѣнадцать изъ числа осажденныхъ воиновъ соединяются, сходятъ дружно подъ стѣною, гордо сопротивляясь неприятелямъ, наносятъ смертельные удары и съ оружіемъ въ рукахъ сами падаютъ мертвы. Въ одной изъ сихъ дружинъ мало-численныхъ замѣченъ спарецъ съ бѣлыми власами, но съ мѣшцами крѣпкими; храбро выдерживалъ онъ нападеніе дерзавшихъ къ нему приближаться.

ся, и трупы низложенныхъ Турковъ соспавляли передъ нимъ половину круга. Еще не получилъ онъ ни одной раны, и хопя опспукая сражался, но досель не далъ врагамъ окружить себя. Признаки многихъ язвъ подъ его бронею свидѣтельствовали, что давно уже знаешь онъ опасности военные; но всѣ раны получены имъ были въ другихъ сраженіяхъ. При масшипой сшароспи онъ имѣлъ еще силу спояль прошивъ юныхъ воиновъ, а удерживаемые имъ враги были многочисленнѣе бѣлыхъ волосовъ его. Мечъ его не у одной мапери похищилъ сына, еще не родившагося въ то время, какъ Миноппи въ первый разъ пролилъ кровь чшищелей Магомеша. Когда же и самъ онъ ушрапилъ возлюбленнаго первенца; о, тогда горесшь его содѣлалась пагубою многимъ родищелямъ! Если шъни удовлетворяются кровопролищемъ, то не сполько имѣла закланныхъ жерпвъ шънь Пашпрокла, сколько погнбло ихъ на полось, опдѣляющей Азію опъ Евро-

ны (7). Юноша погребень на томъ берегу, гдѣ въ продолженіе вѣковъ столько много герои обрѣли свои могилы. Чтѣ же оспалось опъ нихъ, чтѣ возвѣстипъ намъ ѳ смертпн героевъ сихъ и о мѣстѣ ихъ погребенія? Ни одного камня надгробнаго! Прахи ихъ разсыяны; но Пoesія хранитъ ихъ безсмертпѣ.

XXVI.

Слышу раздающіеся клики: Алла! Приближается толпа Мусульманъ самыхъ храбрыхъ, самыхъ рѣшительныхъ. Мощная десница начальника ихъ обнажена даже до рамени. Сія рука, ведущая воиновъ, всегда гопова наноситъ удары, и по симъ ударамъ познается онъ во время сѣчи. Иные опличаютъ себя блестящею бронею, рождающею въ неприятель надежду приобрьспи драгоцѣнную добычу; иные мечъ свой украшаютъ богатою рукояпью: но ужаснѣ ли опъ того лезвее меча ихъ? Не по чалмѣ великолѣпной жалаепъ Альпъ бытъ узнаннымъ въ сраженіяхъ, но по рукѣ своей, обна-

женной и покрытой кровью. Идишь
 въ средину кипящей съчи: памъ, а не
 гдѣ-либо, найдешь Альна; ничье зна-
 мя неподвержено полюкой опасноти,
 какъ его знамя, и ничей флагъ Му-
 сульманскій неувлекаетъ споль
 далеко за собою храбрыхъ. *Делисовъ.*
 Альнова хоругвь подобна кометѣ, гро-
 зящей бѣдствіями. Гдѣ сполько ни ви-
 дна ужасная рука его, памъ храбрѣй-
 шіе изъ воиновъ или еще сражаются,
 или едва лишь переспали сражаются.
 Тамъ слабый душею шщешно проситъ
 жизни у неумолимаго Тапарина; памъ
 герой умираетъ безмолвно, и побѣж-
 денный, онъ гнушается униженіемъ,
 еще заноситъ руку для послѣдняго
 удара, забывая слабость свою подни-
 маетъ, и — падаетъ на обагренную
 землю.

XXVII.

Старый Миношши еще сопротив-
 лялся. Альнъ остановляется и кри-
 чить къ нему: „Сдайся, Миношши!
 „спаси жизнь себѣ и дочери!“ — Ни-

когда, подлый отступникъ! никогда, хотя бы даруемая побоею жизнь была безконечна. — „Франческа! любезная сердцу моему Франческа! надобно ли, чтобы она была жертвою швоей гордыни?“ — Она' въ безопасности. — „Гдѣ же она?“ — На небѣ, неприспупномъ для швоей души въроломной; она далеко отъ себя — тамъ, между дѣвами святыми. — И Миношпи улыбнулся съ жестокою радостію, когда увидѣлъ, что Альпъ смятенный, потрясся отъ послѣднихъ словъ его, что едва не упалъ онъ, какъ бы внезапно сраженный неприятельской рукою. „О небеса!“ восклицаетъ отступникъ: „когда не спало ее между живыми?“ — Вчера; отъшпшуваетъ Миношпи: и я не съшую объ ея смерти. Никто изъ дѣпей моихъ небудетъ въ оковахъ Магомеша, или отступника въры. Приблизься и защищай себя! —

Тщелно произнесенъ былъ вызовъ: уже и Альпа не спало между живыми. Когда Миношпи изрекалъ жестокия

слова свои, услаждавшія мстящій духъ его, болѣе нежели утѣшилъ бы его мечъ, вонзенный въ сердце измѣнника; въ то самое время изъ ближняго преддверія, гдѣ горсть храбрыхъ опчаянно защищала входъ храма, налепль убійственный свинецъ на Альпа. Вождь сей палъ на землю, прежде нежели могли увидѣть кровь, брызнувшую изъ раны смертельной. Ударъ и паденіе были дѣломъ одного момента. Молнія сверкнула изъ очей Альпа, и мракъ внезапно осыпалъ его препещущее шѣло. Сіе мгновенное шрепетаніе было послѣднимъ остаткомъ жизни проспертыхъ на землѣ членовъ. Трупъ поднимающъ: грудь, чело его обогрѣны и покрышы прахомъ; опъ блѣдныхъ губъ опдѣляющся куски запекшейся крови; пульсъ его безъ движенія. Никто не слышалъ послѣдняго его вздоха; ни однимъ словомъ, ни однимъ судорожнымъ всхлипомъ не ознаменовался переходъ его опъ жизни къ смерти. Еще немогла блеснуть въ немъ

одна лишь мысль о молитвѣ, какъ душа его уже оставила шло — безъ надежды получить небесное прощеніе. Онъ пребылъ опсшупникомъ до послѣдней минуты.

XXVIII.

Клики враговъ Альпа смѣшались съ воплями его воиновъ: сѣи издающъ крики бѣшенства, шѣ восклицая торжествующъ. Сѣча возобновляется: мечи, копя переплелись крестообразно, и войны кахлятсѣ по лицу земному. Мужественно защищаетъ Миношпи каждой шагъ змаи, копорую приужденъ успунашь во градѣ, въренномъ его охраненію; оспашомъ преданнаго войска соединяетъ свои съ его усилями. Еще можно оградиться въ церкви, изъ копорой вылетѣтъ свинецъ, опсшупившій опсшупнику за побѣжденныхъ: шуда врибъгаешъ Миношпи съ воинами, оспавляя кровавой ручей за собою. Они опсшупающъ, но неверстающъ сражашься, и нахо-

дять минутный отдыхъ за крѣпкими
столпами священнаго убѣжища.

XXIX.

Ахъ! сколь крапкокъ былъ сей от-
дыхъ! Въмѣстѣ съ числомъ Мусульманъ
увеличивается и ихъ отважность; съ
такимъ безразсудствомъ, съ такимъ
ожесточеніемъ наступаютъ они на
Хрістіянскихъ воиновъ, что самое
многолюдство дѣлается пагубнымъ для
дерзновеннѣйшихъ изъ сыновъ Оммо-
мана. Улица, которая вела къ послѣд-
нему убѣжищу защитниковъ Коринѳа,
была столь тѣсною, что Турки, сра-
жаясь между колоннами храма, шщеп-
но усиливались обратиться вспять
по слѣдамъ своимъ, и погибали отъ
невозможности спасенія бѣгствомъ;
но еще не закрывались очи погиба-
ющихъ, какъ на пѣлахъ ихъ являлись
новые метатели. Воины еще болѣе
ужасные заступали мѣста падшихъ,
и толпа ихъ не рѣдѣла отъ кровопро-
литія. Свѣщальники, коими украшают-
ся олтари Хрістіянскіе, дрожащими

сіяніемъ лучей своихъ не могутъ проникнуть облаковъ дыма, сихъ изверженій огнеспрѣльнаго орудія. Уже Опшоманы передъ дверьми храма; мѣдныя верей прошиваяся ихъ усиліямъ, и изъ всѣхъ опверспій сквозь разбиныя окна свинцовый градъ несетъ къ нимъ смерщельныя раны. Но — преддверіе колеблется на своемъ основаніи; желѣзо устукаетъ силь; верей ревутъ скрипомъ своимъ и сокрушаются: дверь падаетъ. Совершилось! Кориней въ рукахъ вражескихъ!

XXX.

Остановившись на ступеняхъ олтаря, Миношпи почти одинъ переживаетъ всѣхъ храбрыхъ, невозможшихъ спасти Коринеа; онъ непреставалъ угрожалъ преслѣдовавшимъ его Туркамъ. Надъ главою его возвыщается образъ Богоматери, ивореніе небесной киши; изъ свѣтлаго взора ея лиетъ благость, Сей образъ, поставленный надъ жертвенникомъ, возносилъ къ Божеству челоувческія мысли — Прене-

порочная Матерь Бога-Младенца, держа на лонѣ своемъ Предвѣчнаго, обклабялась къ молишвамъ смертныхъ, и какъ бы общавала благоговѣйныя мольбы ихъ принесши ко престолю Всемогущаго. Среди кровопролитія, обогрившаго церковь Божию, Миношши возводилъ очи къ Пресвятой Дѣвѣ; воздыхая, ограждаетъ себя спасительнымъ знаменіемъ креста Господня, и береть съ олпнаря горящій свѣшильникъ. Со всѣхъ сторонъ окружень онъ пламенемъ и желѣзомъ Мусульманскимъ.

XXXI.

Подъ украшеннымъ мусією помощомъ въ ископанныхъ подземельяхъ покоились мерпвецы вѣковъ пропекшихъ; имена ихъ начертаны были на гробницахъ: но кровавыя пяпина не дозволили бы прочиташъ ихъ. Изваянные гербы, песпроша разноцвѣтнаго мрамора уже невидимы были подъ оспапками изломанныхъ мечей и щлемовъ. Сщолько же шруповъ простер-

то было надъ сими сводами подземелья, сколько подъ ними находилось гробовъ, распавленныхъ въ печальномъ порядкѣ. Но война проникла и въ убѣжища подземныя; подлѣ сихъ пѣлъ изсохшихъ она положила кучу разрушительной селишпы. Здѣсь Хрістіяне во время осады хранили военные свои припасы: къ нимъ вела спезя вещества огнеспрѣльнаго, и въ нихъ было послѣднее, но ужаснѣйшее пособіе противу добѣдителей.

XXXII.

Турки усремляются во внутренность храма: ошатаокъ Хрістіянъ еще прошивуспавишь имъ безполезную храбрость. Невозмоги ушопилп жажды мщенія гибелью многихъ неприятелей, варвары ошсѣкаюшъ члены ошъ пѣлъ уже убишыхъ, ошдѣляюшъ головы ошъ бездушныхъ шруповъ; они повергаюшъ долу изваянные лики Угодниковъ Божіихъ, расхищаюшъ въ придѣлахъ богатыя принощенія вѣрныхъ, и враждуюшъ меж-

ду собою за драгоценные сосуды, благословенные десницею святыхъ Перво-священниковъ. О зрѣлище достославное! Чаша, хранилище великихъ и страшныхъ Таинъ, еще стояла на жертвенникѣ, и блескъ священнаго сосуда поразилъ жадные очи воиновъ Мусульманскихъ. Въ сей самый день служилъ Божіа престола раздавалъ изъ онаго освященіе душъ христіанскими рапшикамъ, приготавливая ихъ ко сраженію. Двѣнадцать драгоценныхъ свѣщниковъ стояло окрестъ олшаря въ удивительномъ порядкѣ. Кому достанется сія послѣдняя добыча, послѣдняя и самая богатая?

XXXIII.

Уже Тапаринъ простираетъ святошапштенную руку свою ко священному сосуду, какъ вдругъ Миношпи приблизилъ пламенникъ къ селипрѣ. Колокольня, своды, олшари, святыня, драгоценныя принадлежности богослуженія, побѣдители, Христіане, мерзвые, живые — все взлетѣло и

съ оспашками храма. Почти весь городъ разрушенъ до основанія; спѣсны низверглись; воды моря опспутили вспяшь на короткое время; горы поколебались какъ бы при землетрясеніи опъ подземнаго удара. Сей ужасной взрывъ бросилъ къ самому своду неба тысячи безобразныхъ обломковъ посреди неизмѣримаго пылающаго облака. Дождь пепела низпадаетъ на землю, очерняетъ широкое пространство перешейка, или рисуется множество круговъ на вспревоженномъ морѣ.

Опдѣленные члены богатырей разбросаны на равнинѣ. Кому принадлежали они? Хрістіянамъ, или Магомепанамъ? Да увидяшь ихъ мапери, и онѣ да скажутъ! Нѣкогда съ любовію улыбались онѣ къ малюшкамъ своимъ, спящимъ въ колыбеляхъ; тогда не думали, что наспанетъ день, въ которой сіи нѣжные члены предспавялп опшрашительное зрѣлище. Едва немногіе сохранили еще наружность чело-

вѣческую: Дымящіяся бревна, обожженные или окровавленные камни покрываютъ дальнія окрестности. Всѣ живыя существа, услышавъ громъ сего ужаснаго разрушенія, вдругъ исчезли. Птицы изъ лѣсовъ улѣтели; псы дикіе съ воемъ побѣжали опть полуиспребленныхъ шруповъ. Велблуды оставили своихъ спражей; послушный конь, въ далекъ опть Коринеа проводившій шягоспную бразду нивы, мгновенно сбросилъ свое иго; вѣрный товарищъ всадника, распоргши подвязные ремни свои и поводы, спрѣлоу помчался по долинь; обипаштели болотъ огласили воздухъ печальнымъ своимъ крикомъ, и волки завыли въ пещерахъ, въ кошорыхъ опголоски повшорили оглушающій громъ опть взлетѣвшаго Коринеа; шакаль (8) въ далекъ спонепъ, и жалобные вопли его подобны крику плачущаго младенца; орель, вздувъ перья, оставилъ гнѣздо свое — онъ успремился къ солнцу и скалъ убѣжища, преслѣдуемый ды-

момъ черныхъ паровъ , препятствующихъ ему видѣть землю.

- (1) Въ Венеціи обыкновенно такимъ образомъ поступали шайные доносчики , когда хотѣли погубить своихъ неприятелей.
- (2) Епо славный Али Кумуржій , любимецъ прехъ Султановъ и Великій Визирь Ахмета III. Онъ выгнать Венеціанъ изъ Пелопонеса — въ одну кампанію; но спустя годъ послѣ того , Кумуржій былъ тяжело раненъ въ Пепервардинскомъ сраженіи , на равнинѣ Карловицкой , въ самое то время , когда усиливался онъ собрать своихъ тѣлохранителей. Кумуржій умеръ на другой день. Послѣднимъ распоряженіемъ его былъ приказъ отрубить головы Генералу Брейнеру и другимъ военнопленнымъ Нѣмцамъ. Издыхающій варваръ воскликнулъ при семъ случаѣ : »Ахъ ! для чего не могу епагоже сдѣлать со всѣми невѣрными собаками !« И епо были послѣднія слова его — слова , достойныя Калигулы ! Ни съ чѣмъ не лзя сравнить его высокоумія ! Ему сказано было , что прошивъ него идетъ Принцъ Евгенийъ , великій полководецъ. »Тѣмъ лучше !« отвѣ-

чалъ Кумуржій: «я сдѣлаюсь еще искуснѣе, и на его же счетъ.»

- (3) Извѣстно, что Средиземное море не имѣеть приливовъ и опливодовъ, опредѣленныхъ, или примѣтныхъ.
- (4) Я самъ былъ свидѣтелемъ совершенно подобнаго сему зрѣлища подѣшными Серала въ Константинополѣ, во впадинахъ камня, изрытыхъ водами Босфора. О семъ также упоминаеть и г. Гобзоузъ въ описаніи своихъ путешествій. Епо были прутья казенныхъ янычарь..
- (5) Суевѣрные Турки думаютъ, что Магометь понесеть ихъ въ рай, схвативши за епу косму, по еспъ за длинной пучокъ волосъ, обыкновенно на срединѣ головы оспавляемый ими.
- (6) Хвосты конскіе, называемые бунчуками.
- (7) Рѣчь идееть о морскомъ сраженіи, бывшемъ при Дарданеллахъ между Венеціями и Турками.
- (8) Боюсь стихотворной своей вольности, переселивъ шакала изъ Азіи въ Грецію, гдѣ, признаеться должно, я невидаль и неслышалъ сего живошнаго. Но въ развалинахъ Ефесса я видаль тысячи шакаловъ; они любяеть жить въ оспашкахъ древнихъ зданій, и спаями слѣдуютъ за войскомъ.

КАЛМАРЪ И ОРЛА.

(Подражаніе Оссіану.)

Какъ любезны намъ дни молодости
пропекшей! Спарецъ ощущаетъ сла-
достное удовольствіе, объ нихъ вос-
помяная. Въ сумерки жизни онъ лю-
битъ мысленно возвращаться къ ча-
самъ упренней зари своей. Часомъ бе-
реть копіе въ дрожащую руку, и вос-
кликаетъ: „Ахъ! нѣкогда сіи мышцы,
нынѣ слабыя, совсѣмъ иначе пошря-
сали оружіемъ въ присутствіи моего
родителя.“

Нынѣ уже поколѣнія героевъ! но
ихъ слава предана вѣчности согласны-
ми звуками арфы; ихъ души парятъ
на крыльяхъ вѣтровъ. Посреди спо-
новъ бури они внимаютъ пѣсямъ о
своихъ подвигахъ, и веселятся въ об-
лачныхъ своихъ черпкахъ. Храбрый
Калмаръ между ними. Здѣсь, подъ
сѣрымъ камнемъ лежатъ прахъ его,
но самъ герой рыщетъ по полямъ
воздушнымъ на хребтѣ вихря; и но-
сился на горломъ аквилонѣ.

Калмаръ увидѣлъ свѣтъ въ спра-
жѣ Морвенской. Онъ былъ однимъ изъ
военныхъ перуновъ Фингала. Слѣды
его были слѣдами крови на полѣ сра-
женія. Сыны Локлина обращались въ
бѣгство передъ грознымъ копіемъ Кал-
мара: но крошечка дышала въ его
взорахъ; но свѣтлорусые волосы, пре-
лестно по раменамъ его извиваясь,
блистали какъ метеоры ночные. Ни
единая дѣва неизвлекла вздоха изъ его
сердца: онъ весь преданъ былъ дружбѣ,
соединявшей его съ Орлю, черновла-
сымъ воиномъ, коего рука уже повер-
гла въ прахъ многихъ героевъ. Друж-
нѣ мечи одинаково дѣйствовали на
полѣ брани. Ничто невозможно поко-
ришь гордаго Орлу: онъ любилъ одно-
го Калмара. Оба жили вмѣстѣ въ
Ойпонской пещерѣ.

Сваранъ оплываетъ изъ Локли-
на, и синія волны приносятъ его къ
берегу. Сыны Ерина падаютъ подъ
ударами ужасной руки его. Фингаль
взываетъ къ своимъ воинамъ: океанъ

покрывается ихъ ладіями; знамена ихъ развѣваются на холмахъ зеленыхъ: они припекли на помощь къ сынамъ Ерина.

День смѣняется наступившею ночью; чело мѣсяца закрывается облаками. Мрачныя тѣни окружають оба войска и пылающіе дубы освѣщаютъ долины. Сонъ смежилъ вѣжди сыновъ Локлинскихъ, и они мечпають уже о кровопролитномъ сраженіи, которое было имъ обѣщано; въ сонномъ видѣніи грозно попрясають они копіями и преслѣдують бѣгущихъ сыновъ Фингала. Воины Морвена еще бодрствуютъ: Орла охраняетъ безопасность спана; Калмаръ съ нимъ неразлучно: оба вооружены убійственнымъ желѣзомъ. Фингаль призываетъ къ себѣ военачальниковъ, и герои окружили Монарха. Сановитое чело его уже остѣнено сребристыми власами; но еще крѣпки были Фингаловы мышцы. Спроситъ благоговѣла предъ силою Героя. »Сыны Морвена!« произмесь оны: »зав-

пра пойдёмъ прошиву неприятелей; но гдѣ щипъ сыновъ Ерина? Еще невѣдаешъ онъ о близкомъ мщеніи нашемъ. Кушуллинъ находишся нынѣ въ черногогахъ Туры: кто гошовъ проникнуль сквозь спанъ Локлинскій? кто понесешъ вѣспъ къ Герою? Надобно идиши среди мечей вражескихъ; но я вижу тысячу окружающихъ меня воиновъ: перуны браней! кто пойдешъ воззвашъ Кушуллина къ оружію? Опвѣчайте!»

»Мнѣ принадлежишь чеспъ сія, о сыны Треммора!» воскликнулъ Орла черновласый: »мнѣ одному она принадлежишь! Спрашишся смерпи? Мнѣ завиденъ сонъ храбрыхъ; впрочемъ не велика и опасность: упомянутые враги опдыхають, и я иду искашь Кушуллина. Если погибну; да раздадутся лирные звуки бардовъ, и да буду погребенъ близъ волнь Любаря.« — Но одинъ ли погибнешъ? возразилъ Калмаръ прекрасный: не уже ли хочешъ оставишь своего друга,

предводителъ Ойпона? Рука моя сильна въ сраженіяхъ; допущу ли, чпобъ ты умеръ при ея бездѣйствии? Нѣтъ, Орла, нѣтъ! Вмѣстѣ преслѣдовали мы козь горныхъ; вмѣстѣ сидѣли за столомъ пированія: да будущъ же общими и опасности наши. Мы дѣлили между собой пещеру Ойпона: раздѣлимъ же и могилу, кошорая ждетъ насъ на берегахъ Любара. —

»Калмаръ!« отвѣчаетъ предводитель Ойпонскій: »надобно ли тебѣ подвергать себя Еринскимъ ударамъ? Пусть я одинъ погибну! Опець мой обираетъ въ черпогахъ воздушныхъ; онъ будетъ гордиться мною, онъ будетъ счастливъ, когда предстану предъ него я, покрытый Локлинскою кровью. Голубо-окая Мора гошовишь пиршественную прапезу въ Морвенѣ. Она прислушивается къ щороху звѣролова, черезъ кустарникъ идущаго, и ей кажется, будто слышитъ шумъ оиъ ногъ идущаго Калмара. Не допустимъ же ее по-

впоряшь: Калмарь палъ подь копіемь Локлинскимь: онъ умерь съ жєспокимь Орлюю; съ предводилемь, копораго знали по мрачному челу его! Надобно ли, чпобы голубья очи Моры полпемндлись слезами? Надобно ли, чпобы усна ея проклинали Орлу, виновника смерти Калмара? Живи, Калмарь, живи и поспавь надо мною оброслшій мжомъ камень: живи, и опмспи за меня на сынахъ Локлина. Да соединишь ся съ бардами при моей гробницѣ: гимнь смерти, изъ успь Калмара, будешь сладостень уху Орлы; шѣнь моя улыбенешся, услышавь похвальныя себѣ пѣсни.“

„Орла!“ сказалъ сынъ Моры: „могу ли я воспѣвать гибель моего друга? Могу ли славиль доблесь его, вину моей горести? Нѣшь, сердце мое выражалосьбы одними лишь спонами: створьбь душевная издаешь одни лишь слабые, опривисные звуки. Орла! моя душа и швоя вмѣспѣ будупь внимашь гимнамъ славы; одно облако будешь об-

»щимъ для нихъ жилищемъ въ простран-
»ствахъ воздушныхъ. Барды неразрыв-
»ными узами соединяють имена Кал-
»мара и Орлы.«

Оба удаляются изъ сонма пред-
водищелей, и направляють шлопы свои
къ Леклинскому спану. До половины
сгорѣвшіе дубы издають уже мерцаю-
щій пламень. Звѣзда сѣвера указываетъ
пусть друзьямъ, доброхотислвующимъ
берегу Туры. Царь Сваранъ снптъ на
холмѣ; воины его лежатъ, въ беспор-
рядкѣ разсѣявшись; они во снѣ глубо-
комъ, щипы подѣ ихъ головами; въ
нѣсколькихъ шагахъ блиспають мечи,
разложенные въ видѣ связокъ; огни
мало по малу исчезали, и густой дымъ
вился надѣ головнями. Повсюду господ-
слвуешъ молчаніе; лишь изрѣдка слыш-
ны вздохи вѣлперка надѣ окреслными
скалами. Тихо идуль герои черезъ не-
приящельское войско; они уже на поло-
винѣ своей дороги, какъ вдругъ взо-
рамъ Орлы предспавляется Машонъ,
спящій на щипѣ своемъ. Очи героя

засверкали опть ярости внезапной; онъ подъемлеть копіе, и Калмаръ свѣшлорусый къ нему вѣщаетъ: „Почшо гнѣвъ являешся на челѣ швоемъ, предводишель Ойшонскій? Мы среди непріяшелей; оспанавливалъсь шеперь не время.“ — Но время наносишь удары мщенія! опвѣчаешъ грозно взирающій Орла: Машонъ Локлинскій спишь; видишь ли копье его? Оно еще и шеперь обагрено кровію моего родишеля! Скоро ги мое обагришь кровію Машона! Но разишь ли во время сна его? Нѣшь, онъ долженъ ощушишь ударъ, кошорой повергнешъ его въ могилу; онъ долженъ знашь шого, чья мшпящая рука принесешъ его на жершву. Слава моя нежаждешъ крови спящаго непріяшеля. Вспань, Машонъ! вспань! Сынъ Коннала зовешъ шебя; вспань, и сражайся!“ Машонъ пробуждаешся во мгновение ока; но пробуждаешся не одинъ: многіе воины слышали голосъ Орлы. „Бѣги, Калмаръ! бѣги опсюда!“ говоришь сынъ Конна-

ловъ: „Мапононь погибнешь отъ руки моей, и я умру счастливымъ. Но мы окружены сынами Локлина; скройся во мракъ ночи!“

Орла заноситъ мечь, и Мапоновъ шлемъ сокрушился, и его щипъ падаетъ на землю; сынъ Локлина издыхаетъ, вращаясь въ крови своей у подножія дуба. Спрумонъ видитъ его паденіе, и ярость закипѣла въ сердцѣ Спрумона. Онъ бросается на Орлу; но копіе Калмара вонзается ему въ око, и врагъ испускаетъ послѣдній вздохъ у Мапонова шрупа. Кто видѣлъ, какъ яростно воздымающіяся волны океана впереди двухъ кораблей сѣвера? Такъ Локлинскіе воины успремились на двухъ героевъ. Корабли пропиваясь волнамъ свирѣдымъ, дерзновенно разсѣкаютъ горькую влагу и являющіяся среди бѣлѣющей пѣны: шакъ герои Морвена открываютъ себѣ путь среди толпы неприятелей, которые оловсюду на нихъ нападали. Звуки оружія доспигаютъ до слуха Финга-

лова : онъ ударяетъ въ щипъ свой , и сыны мгновенно передъ нимъ предспа- ли , и воины его разсыпались между низкими кустами. Рио препенетъ опъ радости; Оссіагъ покрытъ спраш- нымъ своимъ оружіемъ ; Оскаръ по- прысаетъ копіемъ своимъ ; флаги Фил- лана развѣваются по воздуху. Торже- ствующая смерть рыщетъ по окрова- вленной равнинѣ. Побѣда благоприял- ствуетъ Морвену.

Восшокъ румянится за холмами , и свѣтъ упреній незаряетъ ни од- ного живаго непріятели : вся равнина покрыва уснувшими сномъ смерпнымъ. Легкій вѣперокъ близкаго моря игра- етъ кудрями безпробудныхъ. Коршу- ны кружатся надъ своей добычей , из- давая печальные крики.

Кто сей воинъ? Его свѣплорусыя кудри колеблются на груди окрова- вленной? Блистая , какъ чужеземное злопо , онъ переплелся съ гебеновы- ми кудрями , осѣняющими чело друга :

оба покрыты мрачною завѣсою смерти. Кто сіи воины? Калмаръ, склоненный на выю Орлы; шoki ихъ крови слилися, подобно багрянымъ ручьямъ, испоргаясь изъ ранъ широкихъ. Въ мрачномъ взглядѣ Орлы еще видна свирѣпость: его нѣпъ уже болѣе, но очи его еще сверкають грозою: рука его сплелася съ рукою Калмара, еще удержавшаго дыханіе жизни. „Возспань, о сынъ Моры!“ вѣщаетъ къ нему Царь Морвенскій: „я могу, я долженъ исцѣлить раны героя. Возспань! Калмаръ еще будешь преслѣдовать дикихъ козъ на холмахъ Морвена.“

— Небудешь! отвѣтствуетъ сынъ Моры: Орла не пойдешь уже на ловишву съ Калмаромъ. И чпѣ для меня ловишва безъ Орлы? Кпѣ раздѣлишь съ Калмаромъ добычу сраженій? Нѣпъ Орлы! Душа швоя была свирѣпа, любезный Орла! но для меня ея нѣжность уподоблялась приятной росѣ ушра. Душа швоя для другихъ была грознымъ пламенемъ грома; для ме-

ня сіяла она тихимъ блескомъ серебрянаго свѣшила ночи. Опдайте мечь мой Морь: да хранился онъ повѣщенный въ опустѣвшемъ моемъ домѣ; онъ обогрился кровію вражескою: но, ахъ! онъ немогъ спасти Орлы. Да положашь меня въ могилѣ друга, и наши имена вмѣстѣ да повшоряюся въ пѣсняхъ бардовъ. —

Оба друга преданы землѣ близъ водъ Любара. Чешыре сѣрыхъ камней показываюшь мѣсто кончины Калмара и Орлы.

Сваранъ побѣжденъ. Въѣремъ воиновъ своихъ воднамъ синяго моря. Въшпы несуть корабли наши въ Морвену. Барды воспѣваюшь героевъ:

„Кто сей призракъ, на облакахъ парящій? Чей образъ грозный блистаетъ среди багровыхъ огней въ часъ бури? Голосъ его слышенъ вмѣстѣ съ гулами грома. Епо Орла, епо мрачный вождь Ойпонскій: въ бѣгахъ не было ему равнаго. Миръ спрашной души пвоей, Орла! Твоя слава неумреть

вовѣки! И швоя слава, о сынъ голубо-
окой Моры, и швоя слава будешь
жишь безконечно: ты нѣженъ былъ
сердцемъ; Калмаръ; но мечъ швой
ужасалъ сопрошивныхъ. Онъ повѣшенъ
въ швоемъ жилищѣ, и шѣни Локлин-
скихъ воиновъ прилепають издавать
жалобные вопли передъ симъ желѣ-
зомъ, всегда для нихъ пагубнымъ.
Внимай, о Калмаръ, пѣснямъ о шво-
ей славѣ! Герои велять опголоскамъ
Морвенскимъ повторають швое имя.
Подними прекрасныя кудри свои, о
сынъ Моры, распели ихъ на радугѣ
и улыбайся къ намъ въ часы грозной
бури (*).«

(*) Лордъ Бейронъ къ епой спашьъ
Прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе:
»Наконецъ неоспаелся никакого со-
мнѣнія, что Макферсонъ не пере-
велъ, а самъ сочинилъ своего Оссиа-
на. Но кто бы впрочемъ ни былъ
авпоромъ сего шворенія, оно нико-

МАЗЕПА (*).

„Занимавший тогда сіе мѣсто былъ одинъ Польскій шляхшичь, но имени Мазепа, родомъ изъ воеводства Подольскаго; онъ служилъ пажемъ при дворѣ Яна Казимира, и шамъ получилъ нѣкоторое понятіе объ изящной словесности.

„Когда сдѣлалась извѣстною непопулярная связь, которую имѣлъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ съ женою одного шляхшича; раздраженный мужъ велѣлъ, раздѣвши его до нага, привязать къ дикой лошади и спусить въ поле. Конь поскакалъ въ Украину, къ мѣсту своего рожденія, и примчалъ туда Мазепу, полумертваго, изнемогшаго отъ усталости и голода. Тамошніе жители оказали ему помощь; долго находясь между ними, онъ опличился во многихъ сшибкахъ съ Татарамъ. Превосходство въ свѣдѣніяхъ доставило ему отличное уваженіе между Коза-

гда непоперяетъ своего достоинства, и мое слабое произведеніе можетъ быть понравился ревностнымъ почишателямъ мнимаго Шотландскаго Барда.“

(*). Съ немногими пропусками. *Изд.*

ками; молва объ немъ со дня на день распространилась болѣе, и Царь сдѣлалъ его верховнымъ начальникомъ Украйны.« *Voltaire, Hist. de Charles XII.*

„Подъ Королемъ, бѣгущимъ и преслѣдуемымъ, убита лошадь; Полковникъ Гіеша, израненный и весь испекшій кровію, далъ ему свою. Такимъ образомъ во время бѣгства два раза сажали на лошадь сего завоевателя, которой не могъ ѣздить верхомъ во время сраженія.« *Id. ibid.*

„Король поѣхалъ другою дорогою, сопровождаемый нѣкопороми всадниками. Тамъ изломалась его карета, и онъ долженъ былъ пересѣсть на лошадь. Къ довершенію несчастія, въ лѣсу онъ сбился съ дороги; шутъ мужество не могло уже болѣе замѣнить испощенныхъ силъ его, боль раны сдѣлалась несносною опъ безпокойства, лошадь упала подъ нимъ опъ усралоспи, и Король нѣсколько часовъ пролежалъ подъ деревомъ, находясь въ безпрерывной опасноспи достаться въ руки побѣдителей, которые вездѣ его искали.« *Id. ibid.*

Г.

Тамъ, на равнинахъ Полшавы, ошавленный счастиемъ, Король Швед-

скій узрѣлъ пораженіе своего войска; памъ видѣлъ онъ, какъ храбрѣйшіе изъ рашниковъ окресль его падали подь мечемъ непріяпельскимъ. Могущество и слава, даруемая войною — споль же непоспоянныя какъ и люди, копорые ищупъ ихъ — перешли на спорону Царя побѣдоноснаго, и спѣны Москвы избавились опъ опасности.

Настанеть день, еще ужаснѣйшій и болѣе достопамятный, когда пылающія башни сего преспольнаго града освѣпяшь спыдъ и пораженіе врага, болѣе славнаго и болѣе спрашнаго; онъ будупъ свидѣтелями совершеннаго низложенія, когда роковые перуны грянушь въ завоевашеля и въ изумленныхъ его воиновъ.

II.

Такова еудба сраженій! Уязвленный, покрытый кровію собспвенною и кровію храбрыхъ, коихъ шысячи обреклися охраняшь своего Короля въ бѣгствѣ, преслѣдуемый Карль лепишь черезъ поля и рѣки. Ни одинъ изъ

окужающихъ недерзаетъ произнести укориженнаго слова предъ чесполобимъ и униженною гордыней, не дерзаетъ даже и въ то время, когда истина могла бы свободно говорить предъ властью.

Конь убитъ подъ Карломъ: Гіена опдаетъ ему своего и идетъ умирать въ плѣну у Рускихъ. Новый конь сей долго переноситъ успалось; наконецъ и онъ падаетъ изнеможенный. Надлежало случиться, чшобы посреди лѣса, копораго густой мракъ освѣщается одними лишь огнями разсѣяной въ разныхъ мѣстахъ воинской спражи и сверкающими сигналами окужающаго ее неприятеля, — надлежало случиться, чшобъ именно здѣсь одинъ изъ великихъ міра, обезсилвъ опъ успалоспи, опдыхаль, на голой землѣ просперный. Ело ли шѣ лавры и толь одръ покоя, за копорые народы сражаются, испребляющъ одинъ, другаго?

Монарха кладушь у корня дикаго дерева; онъ изнемогъ опъ бипвы и опъ послѣшнаго бѣгснва; язвы его болѣзненны, члены окоспенѣли; ночь была мрачная и холодная; лихорадочная дрожь недаешъ вкусншь мгновенную сладость покоя. Но Карлъ переносншь бѣду свою съ царскою пвердо-спню. Въ крайнемъ злосчаснн онъ умѣешъ преодолѣвашъ мучншельную боль, умѣешъ заспавншь ее безмолв-спвовашъ: онъ господспвуешъ надъ собою, какъ прежде господспвовалъ надъ народами.

III.

Полководцы его при немъ. . . . увы! только немногіе, съ той поры какъ опъ бѣдспвія одного лишь дня число ихъ весьма уменьшилось! По крайней мѣрѣ они умерли славно, какъ храбрые, какъ рыцари. Пережившіе ихъ, нынѣ печальные и безмолвные, проспнершы лежатъ подлѣ Государя и близъ вѣрныхъ коней своихъ: опаснспшь дѣлаешъ равными человѣка и животное--

новарищей въ бѣдспвенной долѣ. Въ
 числѣ ихъ Мазепа, Гешманъ Украйны,
 воинъ хладнокровный и мужеспвенный,
 голловиць посшелю себѣ подѣ древнимъ
 дубомъ; самъ онъ сполько же крѣпокъ
 и почпи спольже спарь, какъ сей
 царь дубравы; но козачій предводишель,
 хопя изнемогшій силами ошѣ понесен-
 ныхъ шрудовъ, незабыль о вѣрномъ
 конѣ своемъ: чиспиць его, спелелъ
 подѣ него лисшья, ласкасць его знако-
 мымъ прикосновеніемъ длани къ бедру
 и къ гривѣ, оппускаешъ ремни, выни-
 маешъ удила. Съ радосшію видипць,
 что конь его началъ щипать свѣжую
 зелень, боявшисъ прежде, чтобы ушом-
 ленное живошное неопказалось опъ
 корма, омоченнаго росою ночи. Но
 конь былъ крѣпокъ сполько же, какъ
 и господинъ его; былъ сполько же не-
 разборчивъ касашельно пици и крова.
 Быспрый какъ вѣшеръ, гордый и вмѣ-
 сль послушный, онъ исполнялъ всѣ
 желанія своего всадника; воскормлен-
 ный подобно конямъ Таларскимъ, онъ

вонимать голосъ его, и среди толпы людей узнавалъ своего повелителя; въ темную ночь, когда все небо закрыто облаками, онъ закаша солнца до восхода, онъ гошовъ ходить по слѣдамъ своего всадника, какъ лань боязливая, крошко и смирно.

IV.

Послѣ уже Мазепа о себѣ самомъ помышляетъ: спелеть на землѣ епанчу, спавить копье къ шволу дуба; осмаприваетъ, въ исправности ли оружіе, наполнена ли заправка веществомъ огнеспрѣльнымъ; прикрѣпляетъ кремень въ куркъ ослабѣвшій; въ послѣдній разъ окинувши взглядомъ черенъ и ножны своей сабли, онъ достаетъ изъ походной сумы пищу, приглашаетъ Короля и другихъ поварницей взять участіе въ умѣренной прапезѣ — нимало неспѣсясь пѣмъ замѣшательствомъ, въ какомъ иногда находящаяся дворскіе вельможи при великолѣпномъ пиршесствѣ. Карлъ съ улыбкою принимаетъ его пригла-

шеніе: обезсилѣвщій герой жопгль на-
зашься веселымъ, неунывающимъ: ни
опъ ранъ, ни опъ жестокихъ неудачъ
своихъ.

„Мазепа!“ говоритъ Государь:
„всь мои войны, я увѣренъ, подобно
тебѣ мужеспвенные и опважные, мо-
гутъ хвалились, что не опспали
опъ тебѣ своими подвигами во мно-
гихъ сшибкахъ, въ быспромъ походѣ,
на чель опряда фуражировъ; но я
долженъ признахься, что со времянь
Македонскаго героя небыло въ мѣрѣ
такой прекрасной, такъ хорошо со-
спавленной пары, какъ ты съ сво-
имъ Буцефаломъ. Блескъ славы Скиѣ-
скихъ всадниковъ помрачается передъ
лучезарнымъ сіяніемъ твоей славы;
всякой признается въ епомъ, кто
только видаль, какъ ты на конѣ сво-
емъ скачешь черезъ поля и рѣки.“

— Да будешь проклята школа,
въ которой учился я на конѣ ѣздиць!
— сказалъ Мазепа.

„Почему же такъ?“ возразилъ Карль: „ты сдѣлался весьма искуснымъ наѣздникомъ!“

— Ахъ! отвѣчалъ Гепманъ: теперь долго было бы рассказывать, а намъ остается скакать еще не одну милю; и не одинъ еще разъ достанется обнажать саблю, прежде нежели конямъ нашимъ будетъ можно щипать праву Днѣпровскаго берега — не смотря что неприятель въдесятеро насъ сильнѣе. Государь! вамъ нуженъ опдыхъ; я спану на спражѣ при вашемъ войскѣ. —

„Нѣтъ!“ отвѣчалъ Король: „я хочу слышать твою исторію. Почему знаешь? можешь бышь она подарить меня сномъ, копораго глаза мои напрасно ищущъ!“

V.

— Очень хорошо, Государь! продолжалъ Мазепа: въ ожиданіи сего, я попышаюсь разбудить свою семидесяти - лѣтнюю память. Миѣ было, кажешся, двадцать лѣтъ отъ роду;

точно такъ, двадцать: въ Польшѣ царствовалъ Казиміръ, и тогда шестъ лѣтъ уже прошло, какъ я находился въ числѣ нажей при его особѣ. Янъ Казиміръ былъ Государь ученый, и на васъ непохожъ ни сколько: не любилъ войны; непокорялъ государствъ, чтобы послѣ терять ихъ; царствовалъ въ самой спокойной праздности, несмотря на шумныя пренія Варшавскаго Сейма. Недумайте однакожъ, чтобы и онъ неимѣлъ заботъ своихъ: Казиміръ любилъ Музы и красавицъ; наскучивши тѣми и другими, иногда жалѣлъ онъ, для чего живеть не въ лагерь; но душа въ немъ прояснялась по прежнему, и онъ объявлялъ любовь новой красавицѣ, или брался за новую книгу. Спрасить его были роскошныя пиры и праздники; вся Варшава спекалась удивляться великолѣпію двора его, драгоценнымъ уборамъ его дамъ, златошвеннымъ одеждамъ его придворныхъ. Казиміръ былъ Соломонъ Польши: такъ величали его всѣ пое-

шы, кромѣ шолько одного, которой, не получивъ пенсіи, сочинилъ саширу и хваспался пѣмъ, что онъ льспилъ неохотникъ и неумѣеть. Дворъ Казимира, однимъ словомъ, былъ всегдашнимъ зрѣлищемъ праздниковъ и каруселей; всѣ придворные писали вирши; самъ я попалъ было въ спихопворцы, и подъ своими елегіями подписывался *Несчастливымъ Тирсисомъ*.

VI.

Тамъ жилъ одинъ Воевода, попомокъ древней и знаменипой фамиліи; богатый, какъ рудникъ соли (*), или дорогаго мешалла; высокомѣрный даже до невѣрояпности, точно какъ бы онъ вышелъ изъ мозгу самаго Зевеса. Его знапность была шакова, и обладаемая имъ сокровища были такъ велики, что немногіе вельможи могли съ нимъ равняться. Спраспно любилъ

(*) Сравненіе можеть быть извинительное для жителя Польши, коея главное богатство состоитъ въ рудникахъ соли. *Соч.*

онъ разсмапривашъ свои драгоцѣнно-
сци, перебирашъ свои древнія харшій;
наконецъ поперялъ голову и увѣ-
рился, будто все ихъ достоинство
состоитъ въ томъ, что они принад-
лежатъ знаменишой его особѣ.

Жена его имѣла совсѣмъ другія
мысли: будучи моложе своего супруга
цѣлыми придцашью годами, она со
дня на день болѣе чувствовала всю тя-
гость власти его надъ собою. Тайныя
желанія смѣнялись надеждами; за ними
слѣдовали опасенія и . . . прощальныя
слезы въ дань добродѣтели; попомъ
соблазнительныя взгляды Варшавскихъ
въпрениковъ, серенады, вечерніе шан-
цы мало по малу довели красавицу до
того опаснаго пункта, при которомъ
самыя холодныя сердца гошovy быва-
ютъ смягчаться. . . .

VII.

Въ это время я былъ лажемъ и
лажемъ весьма недурнымъ собою; въ
семдесятъ лѣтъ, думаю, позволяшъ
мнѣ сказать откровенно, что въ весну

моей жизни немного было возмужалыхъ и молодыхъ въпрениковъ, благородныхъ и неблагородныхъ, которые могли бы поспорить со мною въ искусствѣ нравиться. Я былъ здоровъ, свѣжъ, веселъ; лицо имѣлъ я совсѣмъ не то, какимъ вы его теперь видите: тогда было оно споль же прелестное, сколько нынѣ кажется угрюмымъ. Время, заботы, пруды военные провели морщины на моемъ челѣ и ожесточили мою душу. Ахъ! видѣвшіе меня давно, теперь меня бы не узнали. Едва перемена произошла еще за долго прежде, нежели спаросить прикоснулась ко мнѣ хладною своею рукою; ибо, еслибъ сила, мужество и отважность ослабѣли во мнѣ опъ возраста, то я неразсказывалъ бы вамъ своей повѣсти въ поздній часъ ночи, подъ вѣшьями дуба.

Но я продолжаю: красота Терезы. . . мнѣ кажется, будто въ сію минуту вижу ее идущую мимо кашпановаго дерева — такъ живо ея образъ напечатлѣнъ въ моемъ сердцѣ!

Ненахожу словъ , чтобъ изобразить вамъ прелестный станъ Терезы; въ прекрасныхъ черныхъ очахъ ея было нѣчто Азіатское , какое видимъ въ Польшахъ, живущихъ у предѣловъ Турціи : они сіяли слабымъ блескомъ, какъ первые лучи новаго мѣсяца. . . . Свѣп- лое чело ея не рѣдко сравнивалъ я съ поверхностію числаго озера , позлащаемаго лучами солнца. Ея розовыя щеки , алыя губы. . . Но къ чему распроспраняться ! Я любилъ тогда, еще и теперъ люблю ее ; любовь , поселившись въ сердцахъ дикихъ, знаетъ однѣ лишь крайности. Сердца сіи любятъ вѣчно , и пѣнь минувшаго слѣдуетъ за Мазепою даже во дни его старости.

VIII.

Я вздохнулъ , увидѣвъ Терезу. . . Тереза произнесла ни слова , но она мнѣ отвѣчала : есть тысяча мановеній, есть тысяча взглядовъ, копорые видимъ и понимаемъ , но копорыхъ опредѣлить не можно. Ето искры мысли произвольной , искры , выры-

вающихся изъ души пламеньющей: . . .
 Вдали оплакивала я любовь свою, и робость недозволяла мнѣ приблизиться къ Терезѣ. Наконецъ я былъ ей предспавленъ; мы иногда имѣли время заниматья разговоромъ, ни въ комъ невозбуждая подозрѣній. Сколько разъ увлекался я желаніемъ признаваться ей въ чувспвахъ моего сердца! Но слова на предспущихъ губахъ моихъ замирали. . .

IX.

Я любилъ и былъ любимъ взаимно. Молва гласитъ, Государь, будто Ваше Величество никогда не испыталъ сихъ сладоспныхъ ощущеній сердца. Если это справедливо, я кончу испорію моихъ спраданій и моихъ удовольспвій: она должна показаться вамъ несмысленною, бесполезною; но не всѣ люди рождены царспвовать надъ спраспями, какъ царспвуете вы надъ ними и надъ народами. Чшожь до меня касается, я нынѣ, или лучше, я былъ Гешманъ, начальникъ многихъ тысячъ

воиновъ, копорыхъ водилъ къ самымъ ужаснымъ опасностямъ; но я никогда не могъ похвалиться тѣмъ, что имѣю надъ самимъ собою такую же власть, какую имѣлъ надъ другими.

X.

Тысячи взоровъ присматриваются за любовниками; тысячи глазъ любопытныхъ замѣчали наши движенія. . . . Въ одну прекрасную ночь я попался въ руки наемникамъ, копорые должны были схватить меня.

Пѣна у рта Воеводы клубилась отъ бѣшенства. Я неимѣлъ при себѣ никакого оружія; но пусть была бы при мнѣ шпага, пускай былъ бы я вооруженъ съ ногъ до головы: что могъ я сдѣлать противъ силы многолюдства? Мы находились тогда близъ замка, далеко отъ города и отъ всякой помощи. Только лишь разсвѣпало. „Теперь - то въ послѣдній разъ увижу солнце!“ сказалъ я самъ себѣ: „наспалъ послѣдній часъ моей жизни!“ Когда вели меня въ замокъ, я внутрененно по-

кался во всѣхъ грѣхахъ моихъ и по-
номъ спокойно ожидалъ своего жребія.
Послѣ ничего не могъ я узнать о судь-
бѣ Терезы; мы раздѣлены были вели-
кимъ пространствомъ.

Ясневельможный Воевода, какъ
можете себѣ представить, въ припад-
кѣ гнѣва бывалъ не очень ласковъ:
здѣсь же онъ имѣлъ справедливую при-
чину воспласть яростию. . . . И я по-
несчастію испыталъ на себѣ ея дѣй-
ствія!

XI.

„Привести сюда лошадь!“ закри-
чала Воевода, и лошадь приводятъ.
Его былъ благородный конь, рожден-
ный въ Украинѣ, и кошораго члены
одарены, такъ сказать, всею бы-
спрошою мысли; но еще дикій, ди-
кій какъ лань дубравы, пойманный
весьма недавно, онъ еще не испыталъ
ни оспропы шпоръ, ни удерживающей
руки всадника. Сына слепей подвели
къ мнѣ; грива на немъ вздымалась;
гордо проливмлся онъ, покрытый нѣ-

ною опть гнѣва и страха. Слуги при-
вязываютъ меня ко хребту его мно-
жесловомъ узловъ, и хлопнувши би-
чемъ, пускаютъ на волю животное...
Мы лепимъ; горные попоки не споль,
быстры, не споль спремипельны.

XII.

Мы лепимъ; во мнѣ едва держа-
лось дыханіе. Я немогъ примѣнить,
въ какую сторону мчался конь мой,
пескакавшій на разсвѣтъ; послѣдніе
звуки человѣческіе, до ушей моихъ
доспигшіе, были голоса враговъ мо-
ихъ, опть кошорыкъ я удалялся.
Вѣспрь доносилъ до меня шумныя вос-
клиданія ихъ и свирѣпый хохотъ.
Въ припадѣхъ неистовой ярости я сдѣ-
лалъ усиліе поворошить голову; ве-
ревка, державшая мою шею у гривы
лошади, лопнула, и я, нѣсколько
приподнявшись, послалъ къ нимъ про-
клятіе; но при шумномъ топотѣ ко-
ня вѣроятно неслыхали они, или не-
хотѣли слышать, и мнѣ жаль, что
неполучили они моей плащи. Сказалъ

правду, я воздалъ имъ уже нѣсколько лѣтъ послѣ, когда опъ сего замка, опъ мостовъ подъемныхъ, опъ всѣхъ его укрѣпленій не оспалось ни камня, ни двери, ни рва, ни рогатки. Ниже одного стебля правы неоспалось на поляхъ Воеводы! . . . Можно было нѣсколько разъ пройши мимо бывшей крѣпости, недогадываясь, что на помъ мѣстѣ находилась нѣкогда крѣпость. Я видѣлъ разрушеніе пылающихъ башенъ и зубцовъ дымящихся; видѣлъ, какъ горячимъ дождемъ падалъ свинець съ высоты по чернѣвшихъ кровель, копорыхъ и швердоспъ не защитила опъ моего мщенія. Жалкіе враги въ день исполненія жестокой казни надо мною никакъ не могли думать, что я, какъ бы на лучѣ молніи пущенный ими къ смерти, возвращусь нѣкогда съ десятью тысячами Козаковъ поблагодарить Воеводу за доспавленной мнѣ случай пушешествовать. . . .

XIII.

Я и конь мой лепѣли на крыльяхъ въпра, оставляя за собою селенія. Мы разсѣкали воздухъ, подобно пѣмь метеорамъ, копорые блеснувши, мгновенно исчезающъ, когда молнія съвера пробѣгаетъ по мраку ночи. Ни одного города, ни одного села на пути нашемъ; со всѣхъ сторонъ открывалась неизмѣримая равнина, окруженная чернѣющимъ лѣсомъ; полько лишь мелькали зубцы укрѣпленій, давно сооруженныхъ для защиты отъ набѣговъ Тапарскихъ; болѣе никакихъ слѣдовъ присутствія человеческого. За годъ прежде войско Опшомановъ проходило сими мѣстами, и гдѣ полько ни топтали землю кони Спаговъ, шамъ зелень немогла произрастать на окровавленной почвѣ. Небо было мрачно, сѣраго цвѣта; опзывались печальные; споны глухаго въпра: я желалъ бы опшѣпливовашъ на нихъ вздохомъ; но мы бѣжали такъ быспро, что я не могъ ни вздохнуть, ни про-

извесли молишвы; холодныя капли поща моего лились на блестящую гриву; конь ускорялъ бѣгъ свой, и ноздри его шумно пряслися отъ гнѣва и боязни. Иногда казалось мнѣ, что спремленіе спановицся менѣе быспрымъ; щещино! шѣло мое было самымъ легкимъ бременемъ для крѣпкихъ чреслъ живошнаго, и только лишь служило ему бодцами. При каждомъ движеніи моемъ, при каждомъ усилии освободить вспухшіе, спражущіе мои члены ярость и спрахъ дѣлались въ немъ сильнѣе. Я пыпался усмирить его своимъ голосомъ, уже ослабѣвшимъ; но каждой звукъ мой заспавлялъ его вздрагивать какъ бы при ударѣ бичемъ, и каждой разъ начиналъ онъ прыгать, какъ бы при звукѣ трубы военной. Между шѣмъ узы мои обагрялись кровію, шекшею изъ уязвленныхъ членовъ, и горло во мнѣ засохло отъ пламенной жажды.

XIV.

Приближаемся къ лѣсу обширному, котораго края сокрышы были ошъ моихъ взоровъ. Тамъ и здѣсь возносились высокія, подобно вѣкамъ спарыя деревья, которыхъ неподвижные пни усшояли бы даже проливу вѣтровъ, ревущихъ въ пущынь Сибири, все низлагающихъ на пущи своемъ; но сіи деревья находились не близко одинъ ошъ другаго, и юные ошпрыски кустами росли между ними. Нѣжныя ошраслѣ покрышы были всею роскошью зелени весенней; шогда еще далеко было до шѣхъ осеннихъ вечеровъ, которые, усшлая землю мерлвыми лиспьями краснаго цвѣпа, дѣлають ее подобною рашному полю, усшланному шрупамъ послѣ сраженія. . . Тупъ было широкое пространство порубленнаго лѣса, гдѣ изрѣдка возвышались мрачный кашпанъ, крѣпкій дубъ и пирамидальная сошна. Именно шѣмъ былъ я сшасшливъ, что сіи деревья сшояли ошдалены

одинъ опть другаго; ихъ вѣпви легко успунали намъ дорогу и неперзали моихъ членовъ. Еще доспавадо во мнѣ еилы переносишь боль ранъ, спянувшихся опть холода, и узы мои были шакъ крѣпки, что я не боялся паденія. Съ быстрою вѣпра проскакали мы черезъ лѣсъ, оставляя за собою и проську, и деревья, и волковъ, за нами бѣжавшихъ. Сии хищные звѣри преслѣдовали насъ съ шюю неупомимосшю, которая часпо доводитъ до изнеможенія и яросшь псовъ и рвеніе охотника. Они не оставили насъ и по восхожденіи солнца. Я замѣпилъ ихъ въ недалнемъ опть насъ распояніи, когда лѣсъ озарился лучами дневнаго свѣта, и во всю ночь слышалъ я легкой шелесшь гибкихъ ногъ ихъ. Если уже должно умереть непременно, ахъ! я желалъ бы лучше съ мечемъ или съ копьемъ въ рукъ погибнуть, но не прежде, какъ испребивши многихъ изъ числа сихъ враждебныхъ шварей! Когда конь былъ пущень, я желалъ

съ крайнимъ неперпѣніемъ достигнуть предѣла бѣга; напрошивъ шеперь я недо-
вѣрялъ уже быспропѣ его и силѣ. Тщешная недо-
вѣрчивость! онъ былъ дикой породы, гибокъ подобно козѣ гор-
ной, и мчался гораздо быспрѣе, нежели какъ снѣгъ падаетъ передъ дверью земледѣльца. . . . Опчасу болѣе разго-
рячаясь, приходя въ болшій ужасъ онъ сердился, какъ дупя, копорому опказали въ его желаніи, и рвался бо-
лѣе нежели какъ рвется своенравная женщина, копорая вышла изъ себя ошъ досады.

XV.

Лѣсъ оспался позади насъ. Солнце достигло уже, половины своего те-
ченія; но воздухъ былъ холоденъ, не смопря на лѣшнюю пору года. Мо-
гло спашься, и кровь заспывала въ мо-
ихъ жилахъ: продолжипельная боль самага храбраго чело-
вѣка приводитъ въ уныніе. Тогда не былъ я шѣмъ, чѣмъ
кажусь нынѣ; въ молодоспи моей пылкія
чувсшва души выривались наружу,

когда я не могъ еще опредѣлить имъ причины. Но ярось, ужась, спрданіе членовъ изможденныхъ, спужа, голодъ, но спыдъ и опчаяніе, но видѣшь себя нагимъ, привязаннымъ къ дикой лошади — не уже ли все ещо не могло убить испощенное мое шѣло? Покажется ли спраннымъ, что оно изнемогло подъ шяжкимъ бременемъ толикихъ бѣдствій? Я же происходила опъ шакого рода, въ кошоромъ кровь внезапно кипѣшь начинала, и кошораго ярось уподоблялась бѣшенству змѣи, придавленной ногою пупника неоспорожнаго.

Земля бѣжала, небо обращалось кругомъ надо мною. Каждую минупу казалось мнѣ, будто я падаю; но узлы мои были весьма шуго зашянушы. Сердце во мнѣ спѣснялось; голова моя кружилась; кровь по съ удвоенной скоростію билась въ жилахъ, по внезапно оспанавливалась въ головѣ моей. Небо казалось мнѣ колесомъ, безпрестанно вершящимся; деревья

шатались, какъ люди съ непрезвой головою. Яркость внезапноо блеска лишила глаза мои дневнаго свѣта. Никогда умирающій не спрадаешъ споль жестоко въ послѣднїя минуны своей жизни. Среди нестерпимыхъ мукъ своихъ я ощутилъ сгущеніе мрака, копорой опяшь рѣдѣлъ, и опяшь сгущался. Тщепно спараюсь удержашъ свѣтъ при очахъ моихъ и возбудилъ оледенѣвшїя чувства; я подобенъ былъ несчастному, преперпѣвшему корабликреніе плавателю, копорой, несясь на слабой доскѣ къ неизвѣстному берегу, по поднимается къ верху волнами, по совсѣмъ закрывается ими. Жизнь моя была не что иное, какъ мнимой блескъ, - въ сомкнутыхъ глазахъ свѣщаясь ночью, когда шѣло наше начинаешъ распалаться ошь горячки; она, казалось, уже совсѣмъ угасла; боль спановилась нечувствительною; но я ощущалъ въ себѣ нѣкоторое неизяснимое смяшеніе, мучительнѣйшее самой боли. Скажу ош-

кровенно: меня пугаетъ подобное состояніе, и я нехотѣлъ бы снова испытать его въ послѣднія минуты жизни.

XVI.

Вдругъ прихожу въ чувствіе. Гдѣ я? Ощущаю холодъ; но мысли мои все еще въ безпорядкѣ и шѣло въ одревѣнѣлости; съ каждымъ біеніемъ пульса жизнь мало по малу разливается по моимъ жиламъ; какъ вдругъ внезапный испугъ снова бросаетъ меня въ судороги, и густую леденѣющую кровь гонитъ во мнѣ къ самому сердцу. Страшные звуки раздаются въ ушахъ моихъ; я начинаю видѣть предметы, но весьма неясно и какъ бы сквозь полстную кору кристалла. Казалось, будто слышу плесканіе волнъ; узнаю небо, усыянное звѣздами. Ето была не мечта: конь мой переплываетъ чрезъ рѣку, быструю и широкую; мы находимся на срединѣ и направляемъ путь свой къ незнакомому, необитаемому берегу. Онь прикосновенія воды глу-

хая боль прекратилась въ моихъ окочевѣвшихъ членахъ, и благодѣтельная рѣка влила въ нихъ кратковременную силу. Конь мой гордо борется съ волнами, копорья разбивались о широкою грудь его. Доспигаемъ скользкаго берега; но я не могъ разсмотрѣть сей приспани спасенія: за мною все было мрачно и ужасно; передъ собою видѣлъ я только мракъ и ужасъ. Сколько часовъ дня или ночи провелъ я въ сей неизвѣспности, въ мучительномъ ожиданіи — ешаго сказать не могу, ибо едва зналъ я, что живу еще на свѣтѣ.

XVII

Конь пытается выскочить на берегъ, которой прошивился его усилямъ. Шерсть и грива на немъ свѣтятся отъ влаги; члены его препенушъ, изъ бедръ поднимается густое облако пара; въ немъ доспаетъ еще столько силъ, чтобы выбрасться на сушу. Небозримая равнина терялась въ мрачной отдаленности; взоръ не-

можешь измѣришь ее, какъ неможешь измѣришь бездны, представляющей намъ въ сонномъ видѣніи. Луна, съ правой стороны восходящая, тамъ и здѣсь открывала мнѣ бѣловатыя просторы и острова чернозема, разбросанные группами по мрачной пустынь. Но ничего не представлялось такого, что копя мало походило бы на хижину: ни отдаленнаго, пренецищаго блеска, ни свѣшляника гостепріимнаго, ни даже огня блудящаго, копорой бы утѣшилъ меня обманомъ обольстивъ мое горе!

XVIII.

Но силы коня моего начали истощаться; онъ шагаль опчасу медленнѣе, и едва держался на колеблющихся ногахъ своихъ; слабое дышя могло бы веспи его за собою. Ахъ! какая была мнѣ въ томъ польза, что конь пошерялъ свою дикость? Меня все еще держали на немъ крѣпкія узы; но еслибъ и свободны были мои члены — что пользы? Я былъ слабѣе изнемог-

шей лошади. Я захопѣлъ однакожь употребить возможные усилія, чпобы разорвать веревки — и сплянулъ ихъ шѣмъ еще крѣпче, и боль въ членахъ моихъ сдѣлалась нестерпимою. По крайней мѣрѣ я предвидѣлъ близкой конецъ бѣдспвенному путешествію.

Немногіе лучи, сквозь облака бленувшіе, означали восхожденіе солнца. Какъ медленно оно появлялось! Я уже думалъ, чпо день совсѣмъ ненаступитъ послѣ сего перваго свѣша, копорымъ мало по малу прогоняются ночныя шѣни. . .

XIX.

Наконецъ солнце появилось на горизонтѣ, и предъ яркими лучами его исчезли пары, носившіеся надъ обширною пустыней. Ахъ! для меня непредспавляла она ничего удѣшительнаго: неизмѣримая равнина, или рѣка, или дубрава — для меня все одно и то же. Ни слѣда человеческого, ни слѣда живопныхъ не было примѣшно на сей дикой почвѣ; самой даже

воздухъ былъ пустынный и безгласный. Я неслышалъ ниже одного жаскомаго, которое шумѣло бы на зелени, неслышалъ ни одной упренной пшички, которая привѣщивала бы солнце подъ кровомъ листвьевъ. Конь мой, съ тяжелымъ дыханіемъ, какъ бы незадолго передъ смертью, еще нѣсколько *верств* (*) пробѣгаетъ: вездѣ пустыня и безмолвіе. Наконецъ слышалось мнѣ ржаніе со стороны чернаго бора; я сперва почелъ было его въпромъ, ревущимъ въ вѣщвахъ елей; но вѣшь: спадо лошадей бѣжало къ намъ многочисленной полкою. Я хопѣлъ закричать, но уста мои онѣмѣли. Рѣзвые кони гордо скачутъ, къ намъ приближаясь. Чьи руки управляютъ ихъ браздами? Я видѣлъ тысячу коней, и ни одного всадника! Хвосты ихъ развѣвались по произволу вѣпра; никогда еще рука человѣческая

(*) Слово, употребленное самимъ авторомъ. *Пер.*

не прикасалась къ гордой ихъ гривѣ ; широкія ихъ ноздри никогда не покрывались уздою ; никогда еще удила не обагрjali губы ихъ кровью ; ноги ихъ небыли въ оковахъ , и ни шпоры , ни бичь некасались до ихъ бока . Епо кони свободные и дикіе , какъ волны океана , и земля спучилъ , подобно еху грома , подъ быспрыми ихъ спопами . Они приближающа , и упо- мленные ноги моего коня спановаятся живѣе , легче ; гопповый прыганъ опъ радости , онъ опвѣчаетъ имъ слабымъ ржаніемъ , и падаешъ . Еще нѣсколько минушь онъ препещешъ ; но зрачки его уже попускали , оледенѣли : онъ неподвиженъ ; въ первой и въ послѣдній разъ онъ носилъ на себѣ шажешъ . Конь мой издыхаетъ .

XX.

Между пѣмъ спадо пустынныхъ его брашневъ приближилось ; оно слышало послѣдній вздохъ его . Живошныя сіи , казалось , съ изумленіемъ смотрѣли на человека , которой окрова-

вѣнными узами привязанъ былъ къ ихъ поварищу. Оспанавливаюся . . . трепещушь . . . дышашъ безпокойно, нѣсколько минушь скачушь въ шу и въ другую сторону; приближаюся снова, опспуаюшь, озираюся на всѣ спороны. И вдругъ, въ слѣдъ за своимъ предводителемъ, котораго гебенная шерсть не песприлась ниже однимъ бѣлымъ пашномъ или половою, вспрыгиваюшь, отскакиваюшь прочь, пускаюшь изъ ноздрей своихъ пѣну, и быспро удаляюся въ лѣсъ, еспешвеннымъ побужденіемъ испуганные при видѣ челоуѣка.

Я оспался въ опчаяніи, привязанный къ шрупу несчастнаго поварища; ахъ! по крайней мѣрѣ онъ уже болѣе нечувствовальшой шяжеспи, которая была причиною его смерши, и опъ колпорой самъ я желаль бы его избавиль. Мы оба лежали на землѣ неподвижные, умирающій на умершемъ. Никакъ не могъ я думашъ, чшобы мое бѣдное шѣло, подъ опкрытымъ не-

бомъ , неимѣя при себѣ ничего , кромѣ шрупа , могло дожить до слѣдующаго дня.

XXI.

Съ утра до сумерекъ я оспавался въ семь печальномъ соспоянїи , и въ гореспи моей считалъ часы текущаго времени. Именно сполько еще оспавалось во мнѣ жизни , чшобы видѣшь захожденіе солнца , кошорое , думалъ я , въ послѣднїй разъ меня освѣщало... Оно садилось , а я неимѣлъ ни малѣйшей надежды; былъ увѣренъ , чшо праху моему суждено смѣшаться съ хладными оспатками шрупа , къ кошорому я привязанъ. Въ послѣднїй разъ обративъ пускнѣющіе взоры свои къ небу , между солнцемъ и мною замѣпилъ я ворона , съ нешерпѣніемъ ожидающаго благоприяшной поры , дабы начашъ плошоядную свою работу. Онъ леталъ надъ нами , садился въ ближнемъ распоянїи , снова поднимался. При сумракѣ вечера я видѣлъ распростершыя надъ моей головою крылья

хищной птицы, и она въ такомъ близкомъ распояніи опъ меня носилась, что я могъ бы ударить ее, когда бы имѣлъ силу и возможность; но слабое движеніе руки моей, слегка брошенный песокъ, умирающіе звуки, едва похожіе на голосъ человѣческой и съ усиліемъ выходившіе изъ моей горшани — все это вмѣстѣ нѣсколько пугало ворона, и прешло ему до насъ допронуться.

Что случилось послѣ, мнѣ неизвѣстно: едва лишь могу себя припомнить, какъ бы во снѣ видѣнную звезду, прияпно для глазъ моихъ сіявшую вдали прелещущимъ блескомъ; помню также ощущеніе холода, скорбное и смященное возвращеніе опъ безпамятства къ чувству; слѣдовавшую за тѣмъ тишину смерти; легкое дуновеніе, которое меня снова оживило; минувшее ощущеніе опрады, давленіе ледяного бремени въ груди моей, озареніе очей моихъ какими-то искрами свѣта, болѣзненное дыханіе, скорое бѣненіе серд-

ца, внезапную дрожь, вздохъ — и шолько.

XXII.

Пробуждаюсь. . . Гдѣ я? . . . Въ самомъ ли дѣлѣ человѣческое лице на меня смоприть? . . . Точно ли нахожусь подъ кровомъ хижины? . . . почно ли на мягкомъ ложѣ покояшся мои члены? . . . Не уже ли взоръ смертнаго успремленъ на меня съ такою благодѣпельною крошоспїю? . . . И я закрываю вѣжды въ недоумѣнїи, прекрапились ли, еще ли продолжающся мои спрашныя ожиданїя.

Молодая дѣвушка тонкаго спана, съ распущенными волосами, размашпривала меня, опершись на спѣну хижины. Пришедъ въ себя, я былъ пораженъ блескомъ и живоспїю черныхъ, нѣсколько дикихъ очей ея, на мои успремленныхъ. И я, въ свою очередь, вперилъ въ нее взоръ свой, желая увѣришся, не призракъ ли вижу передъ собою, и живу ли еще на свѣтѣ. Юная козачка улыбнулась, уви-

дѣвъ, что поднялись тяжелыя мои вѣжды. Я хопѣлъ говорить; языкъ не повиновался моей волѣ. Дѣвушка приблизилась, и приложивъ перспъ къ губамъ своимъ, дала знать, чтобы я хранилъ молчаніе, пока возстановленныя силы недозволятъ мнѣ изясняться; потомъ она положила руку свою на мои руки, приподняла изголовье подо мною, опощла опъ меня на концахъ пальцевъ, лихо опворила дверь, произнесла какія-то слова въ подголоса. Опвѣта не было. Дѣвушка вышла изъ комнаты, напередъ еще сдѣлавши знакъ рукою и ласковымъ взглядомъ, какъ бы давая разумѣть, что я ничего не долженъ бояться, что все здѣсь голово къ моимъ услугамъ и что она скоро возвратится. Горько мнѣ было оставаться безъ благодѣтельной незнакомки.

XXIII.

Она возвратилась назадъ съ опцемъ своимъ и съ матерью. . . . Что еще спану вамъ рассказывать? Надоб-

но ли упомляшь васъ повѣспію о приключеніяхъ моихъ между Козаками? Люди сіи нашли меня лежащаго безъ чувствъ на чистомъ полѣ, перенесли въ ближнюю хижину и возвратили жизнь шому, кто послѣ долженъ былъ сдѣлаться ихъ повелителемъ.

Волъ какъ сердитый спарикъ, думая совершивъ надо мною самую люшую казнь, думая уполивъ ею жажду своего мщенія, пуспилъ меня связаннаго, нагаго, окровавленнаго! Могъ ли предвидѣль онъ, что указаль мнѣ пущь къ булавъ Гепшманской? . . . Кто изъ смертныхъ угадаешъ будущую судьбу свою? Неспанемъ опчаявашься! Очень возможное дѣло, что завпра же кони наши спокойно будущъ щипашь зелень на берегу Днѣпра въ предѣлахъ Опшманской Порты. . . . Ахъ, какъ я порадоюсь, когда увижу воды Бориспена служащими преградою намъ пропиву неприятеля! Товарищи! желаю вамъ спокойной ночи.» —

И Гешманъ уснулъ подъ вѣтвями дуба, на поспланныхъ лиспьяхъ. Поспелая не показала ему ни жестокую, ни новую; мало нужды ему было до мѣста, до времени, когда сонъ покорялъ его своей власпи. Мазепа спитъ... Удивляешься, какимъ образомъ Карль XII забылъ изъявить благодарность Гешману за его повѣсть? Но Мазепа не имѣлъ никакой причины шому удивляться... Преданіе гласитъ, что Король уже давно почивалъ, и слѣдственно не могъ слышать конца повѣсти.

Д Ж Я У Р Ъ (*).

Отрывки (1) изъ одной Турецкой Повѣсти.

Повѣсть, откуда взяты предлагаемые здѣсь отрывки, содержала въ себѣ приключенія молодой невольницы, которую господинъ ея, по Турецкому обычаю, велѣлъ бросить

(*) Значитъ *невѣрный*. Турки такъ называютъ Хрістіанъ.

въ море, какъ нарушителницу вѣрно-спи. За нее опмстиль Венеціанинъ, бывший ея либимцемъ. Венеція вла-дѣла тогда Цикладскими островами. Незадолго передъ тѣмъ Рускіе по-корили было Морею, выгнавши изъ полуострова Арнаутовъ, сихъ же-спокихъ опустошителей: но Май-ношамъ недозволено было ограбить городъ Мизипру, и ето оспановило успѣхъ предпріятія. Непосредствен-но за тѣмъ Морея сдѣлалась шеап-ромъ всѣхъ ужасовъ военныхъ. Соч.

Ниже легчайшимъ дыханіемъ зе-фира непеспрыгся валы, гордо раз-спилающіеся подъ улесомъ, гдѣ по-коишся прахъ Ариспидова соперника. Памятникъ великаго мужа господству-ешь надъ спраною, которую нькогда рука его спасла отъ ига Персовъ. Из-далека замѣчается онъ плавапелемъ, вводящимъ ладію свою въ приспань. Когда увидимъ другаго Семистокла?...

Климанъ прекрасный! Тамъ каж-дая пора года улыбкой своею благо-пріяпспвуешь симъ плодоноснымъ островамъ, которые, опкрываясь взо-

ру съ высотъ *Колонны* (*), восхищающу душу и погружающу ее въ сладостную задумчивость!

Океанъ въ здѣшнихъ мѣстахъ дивится поверхности водъ, едва колеблемой волнами, въ копорыхъ отражаются вершины горъ, вѣнчающихъ сіи острова счастливые. Испеспрился ли мгновеннымъ порывомъ вѣтерка лазуревый кристалль моря, опдѣлился ли имъ цвѣпокъ оль своего стебля: шопъ же зефиръ на крыльяхъ своихъ мгновенно разноситъ по окрестностямъ приятнѣйшій запахъ. Именно здѣсь, на здѣшнихъ холмахъ и долинахъ, соловей бываетъ любовникомъ розы (**). Для сей - шо несравненной красавицы пѣвецъ ночи сочиняетъ нѣжныя свои арии, и спрасно любимая роза, царица садовъ, съ румянцемъ спыдливоспи внимаспъ пѣснямъ пламен-

(*) Мысль *Колонна*; въ древности назывался онъ *Сунійскимъ* (Sunium).

(**) На Востоку очень извѣстная басня о любви соловья и розы.

наго чувства; далеко отъ аквилонъ, отъ снѣговъ сѣверныхъ она цвѣтеть подъ ласкающимъ дыханіемъ весеннихъ зефировъ; признапельная къ щедрымъ дарамъ Природы, она испаряетъ благоуханіе, какъ еиміамъ благодарности, и блистая богатствомъ убора, въ свою очередь украшаетъ климатъ благошворительный. Есть множество и другихъ цвѣтловъ, которыми испещрены тамошнія долины. Тамъ рощицы приглашаютъ любящихся подъ свѣжія вѣтви; прохладные гроты представляютъ имъ скромное убѣжище: но, ахъ! они же служатъ вершепомъ для разбойника, скрывшаго ладью свою подъ навѣсомъ скалы и подстерегающаго, не явился ли мирный плавашель на морѣ. Звѣзда вечерняя засвѣпилась, раздаются ципра веселаго мапроса; ночной палль поспѣшно разсѣкаетъ влагу и быспро нападаетъ на безпечную свою добычу: веселые звуки смѣняющся горестнымъ стономъ 2).

Плачевенъ жребій спраны, копорую Природа сотворила доспойною бышь обипалищемъ боговъ, и копорую щедро украсила своими дарами! Надобно ли, чпобъ испребипель — челевѣкъ, угождая своей лишь волѣ, райскія мѣста сія превращаль въ дикую пустыню? Надобно ли, чпобы онъ попираль ногами блестящіе цвѣты сія, непробующіе прудовъ, неорошаемые попомъ чела его, распущіе для его удовольспвія, — цвѣпы, копорымъ нужна одна лишь его пощада?

Почпо же въ шакомъ климашѣ, гдѣ все дышелъ спокойспвіемъ и блаженспвомъ, почпо спраспи свирѣпспвуюшь съ люпою яроспію? почпо грабипельспва и убійспва господспвуюшь надъ очаровашельной спраною? Взирая на ужасную каршину, вы подумаеше, чпо адскіе души испорглись изъ заклеповъ шаршара, одолѣли вѣрныхъ серафимовъ, и гордо возсѣли на прешолахъ неба! Въ шакомъ соспоянніи счаспливая спрана Грековъ, и пѣ-

ково ненавистное тиранство опустошающихъ ее варваровъ!

Обрацалъ ли кто взоръ свой на женщину, недавно умершую? Въ первый день смерти, въ сей день, когда вмѣстѣ съ жизнью кончились всѣ опасности и скорби, но когда рука плѣнія еще не коснулась къ черпамъ лица, копорыхъ красота сохраняется и послѣ роковаго вздоха, — замѣчалиль вы сей видъ ангельскаго спокойствія, сію восхищительную безмятежность, сей слабой, но нѣжной румянецъ, копорой мѣщается съ помной блѣдно-пшю на неподвижныхъ ланипахъ? Ахъ, сіи печально закрытыя очи уже немещушь болѣе струль огненныхъ, уже непоражають сердце, непроливають слезъ, и оледенѣвшее чело возбуждають пренепь въ сердце плачущаго наблюдающаго, копорой, по видимому, боишься, чтобы смерть и его не заразила. Но еще нѣсколько минушь. . . Ахъ . . . какъ непродолжительны сіи минушы! Еще одинъ часъ, и всѣ недоумѣнія

исчезнушь; въ продолженіе сего краішкаго времени еще нехочешь онъ вѣришь, что судьба рѣшиительно произнесла приговоръ свой, созерцая такую кротость, такое спокойствіе въ послѣднемъ выраженіи сей головы бездуш-ной 5).

Таковъ видъ сего берега: епо Греція, но Греція уже не живая. Ледяное спокойствіе, мерзвая красота ея возбуждаешь въ насъ прелесть. Она льло безъ души; въ ней сохранилась еще та прелесть, которая не совсѣмъ исчезаетъ съ дыханіемъ жизни; но печальная красота ея представляешь унылымъ взорамъ однѣ лишь могильныя краски: епо послѣдній лучъ умирающаго сіянія, огонекъ носящійся надъ развалинами, послѣдняя мысль исчезнувшаго чувства, искра огня небеснаго, еще свѣщая, но уже несогрѣвающая любимой земли своей.

Олечесство храбрыхъ, которыхъ память пощажена спольшїями! . . . спрана, гдѣ и равнины полей и пещеры

горь были убъжищемъ свободы, или могилою славы! священный храмъ геройства! чтѣ оспалось опть швоего величія? Скажите, пресмыкающіеся невольники, не здѣсь ли Фермопилы? Выродки свободнаго народа, скажите, какое шамъ море? какой здѣсь берегъ? Не ешо ли заливъ, не ешо ли скала Саламины? Да будущъ же мѣста знаменитыя снова опечесствомъ Грековъ! Возспанъше и всомните подвиги опцевъ вашихъ! Во прахѣ могилъ опшищите искры огня, которымъ сердца ихъ пламенѣли! Кто изъ васъ погибнетъ въ битвахъ благородныхъ; того имя присоединится къ именамъ бессмертныхъ предковъ, и оно будетъ ужасомъ тирановъ! Герой сынамъ своимъ оставилъ славную надежду послѣдовать родителю, и они въ свою чреду предпочшуть смерть позору: дѣло правое, независимость оставленная опцами дѣтямъ въ наслѣдственное достояніе, рано или поздно воспоржешвуешь. Сія истина засвидѣтель-

спвована безсмершными скрижалями твоихъ льпописей, о Греція! льпописей, передъ коими спольшія благоговѣюшь. Между шѣмъ какъ деспоты, мракомъ вѣковъ скрываемыя, оставляють по себѣ однѣ лишь безыменныя пирамиды, сіе время, разрушившее колонну, воздвигнушую надъ могилою твоихъ героевъ, сохранило имъ памятникъ, превышающій величіемъ своимъ всѣ прочіе памятники — горы опечесшвенной земли ихъ. На нихъ Муза твоя указуетъ чужеземцу, какъ на гробницы безсмершныхъ.

Кто расскажетъ намъ продолжительную и печальную исторію о помраченномъ твоёмъ величїи? Ахъ! по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ вѣшнихъ враговъ твоихъ не могъ хвалиться одолѣніемъ твоей храбрости: ты сама ослабла, унизилась и подклонила выю подъ иго деспотовъ.

Что можешь рассказывать спранникъ, посѣщающій берега твои въ настоящее время? Представишь ли ему

хоть одну изъ повѣстей древнихъ временъ своихъ, которая наполнила бы воспоргомъ его душу? Будеть ли онъ способенъ издавать согласные звуки, достойные той Музы, которая воспѣвала подвиги сыновъ своихъ, когда ты сама еще раждала мужей, достойныхъ Греціи?

Люди возросшіе въ тѣхъ же долинахъ, сіи люди, которые могли бы пламенѣть огнемъ высокаго геройства, нынѣ робкіе обидшатели, невольники другаго невольника, пресмыкающіяся оупъ колыбели до могилы. . . 4).

Происшествіе, которое разскажутъ предпринимаю, случилось въ ихъ опечесствѣ; оно печально, и никле не опкажется мнѣ повѣришь, что слушавшіе въ первый разъ мою повѣсть, слушали ее со слезами.

Огромный утесъ, бросающій тѣнь свою на волны, издали походишь на ладью морскаго разбойника или вѣроломнаго Майнопа. Спрашась коварной засады, опасаясь упратишь свою

лодочку, рыболовъ никогда непри-
сшаешь къ сей гибельной бухтѣ; ушом-
ленный счапливою работою, медлен-
но Гонилъ онъ нагруженное добычею
судно и правилъ его къ Леонской
пристани, къ берегу болѣе надежному;
ему благоприятствуетъ свѣшло,
украшающее ночи въ спранахъ Во-
спока. . . .

Кто сей всадникъ, скачущій изо
всей силы? Вороной конь его неуспу-
паешь гебену чернымъ своимъ цвѣпомъ;
подобно перекапамъ грома надъ доли-
нами, спукъ быспраго бѣга вдали впо-
рился ехами грошовъ; пѣна удиль его
бѣлѣ пѣны волнь разъяренныхъ. Ти-
шина господствуетъ на равнинахъ
Океана; но далекъ покой опъ сердца
твоего, юный Джяуръ! Къ завшраще-
нему дню буря ужасная гошовилъ на-
рушилъ молчаніе моря; но въ груди
твоей свирѣтствуютъ бури, еще бо-
лѣе ужасныя. Я незнаю тебя, ненави-
жу землю, гдѣ ты родился; но я уз-
наю на лицѣ твоемъ черты, кошо-

рыхъ время немогло изгладить; несмотря на молодость швою и блѣдность, чело швое показываешь слѣды спрасшей пламенныхъ, уже пожиравшихъ швою душу; свирѣпый взоръ швой устремленъ къ землѣ, и быспрый бѣгъ подобенъ метеору зловщему; но я вижу въ тебѣ одного изъ невѣрныхъ, копорого сыны Магомешовы должны бы предашь смерти или извергнушь вонъ изъ среды своей.

Изумленные взоры мои долго слѣдовали за быспрымъ всадникомъ; и хотя скоро исчезъ онъ подобно призраку ночи, но видъ его оспался на печатльнымъ въ душѣ моей какъ темное воспоминаніе, и эхо, новпорявшее скоки борзого живошнаго, долго еще опзывалось въ моемъ слухѣ. Онъ пробѣжалъ мимо огромнаго камня, выдавагося надъ бездною моря, и въ скоромъ времени скрылся за утесомъ: всякой незнакомецъ ненавистпенъ тому, кто скрываетъ себя отъ человѣческихъ взоровъ, и убѣгающій въ часъ полу-

ночи проклинаешь сіяніе всѣхъ свѣпиль
 небесныхъ. Исчезая, онъ оборотилъ
 голову, какъ бы съ намѣреніемъ взгля-
 нушь въ послѣдній разъ; удержалъ
 коня своего; вдругъ поднялся, спав-
 ши въ спременахъ прямо ногами. . .
 Чего ищущъ глаза его въ оливной
 рощѣ? Мѣсяць свѣпиль надъ холмомъ;
 лампы въ мечепахъ еще непогасли;
 эхо не повшоряешь слишкомъ опъ
 него далекихъ радоспныхъ выспрѣловъ
 изъ ружей; но онъ могъ усмопрѣшь
 внезапной блескъ воспалепаго пороха,
 ибо нынѣшнимъ вечеромъ закапилось
 послѣднее солнце Рамазана и въ сію же
 ночь начинается Байрамъ для вѣрныхъ
 мусульмановъ 5). . . Но кто ты? что
 сдѣлалъ ты, чья одежда показывается
 чужеспранца? Опъ чего взоры твои
 споль свирѣпы? что тебѣ до мечепахъ
 и до праздниковъ нашихъ? . . . Какой-
 то ужасъ мгновенно показался на ли-
 цѣ его, на которомъ въ ту же мину-
 ту изобразилась рѣшительная не-
 зависимость — изобразилась не яркою вне-

запною краской гнѣва крапковременнаго, но блѣдностію мрамора, при бѣлизнѣ копораго мракъ могилы представляется еще болѣе печальнымъ. Голова его поникла и взоръ казался оледенѣлымъ; онъ поднялъ вверхъ руку, сдѣлалъ ею угрожающее движеніе; казалось, размышлялъ, бѣжашъ ли впередъ, скакашъ ли въ пупъ обратный; но онъ слышалъ ржаніе чернаго коня своего, дрожащаго отъ нешерпѣнія, и рука его упала на ефесъ сабли; ржаніе разсѣяло мгновенную задумчивость: шакъ нарушается внезапно сонъ зло-вѣщимъ крикомъ ночной пщицы.

Джяуръ вонзаесть шпоры и вспрыгнувшій конь помчался съ быспрошою *джеррида* б), брошеннаго сильною мышцей. Онъ проскакалъ мысь; ничпо непрерываесть молчанія на берегу моря; невидно уже гордой головы Хриспіанина; онъ оспановился на минушу, и вдругъ ринулся съ чрезвычайной быспрошою, шочно какъ бы отъ преслѣдующей смерти: ешопъ мигъ былъ

для души его годами воспоминаній, цѣлою жизнью скорби и цѣлымъ вѣкомъ пресупленій. Для мучимыхъ любовью, ненавистію, спрахомъ подобныя минуты представляють въ одной почкѣ всѣ огорченія минувшаго времени: и Джяуръ, чего не испыталъ онъ въ сей мигъ размышленія о самомъ себѣ? Сей мигъ, ничтожный въ сравненіи съ каждымъ возрастомъ, показался ему вѣчносію.

Далеко ли Джяуръ? Одинъ ли ускакалъ онъ? Чшо онъ сдѣлалъ? Да будешь прокляшь день его прибытія и его бѣгства! По грѣхамъ Гассана великолѣпный домъ его превратился въ могилу; Джяуръ примчался какъ *симумъ* (*), какъ сей предпеча опустошеній и смерти, кошораго пагубное дыханіе испребляешь все, даже кипарисъ, даже сіе печальное дерево, переживающее всѣ прочія, сего вѣрнаго

(*) Вѣперъ, гибельный для каравановъ.

друга людей умершихъ, печально высящагося надъ памятниками смерти.

Спойла Гассановы опустили; въ пышномъ дворцѣ его нѣтъ уже невольниковъ; уединенный паукъ расплзается сърую шкань свою по стѣнамъ комнашь; непопырь снаряжаетъ гнѣздо себѣ подъ сводами гарема, и сова завладѣла башнею цитадели; дикій песь, мучимый жаждою и голодомъ, приходилъ выпить на берегу высохшаго бассейна, коего мраморное дно уже болѣе непокрывается пропочною водою; на немъ, среди сухой пыли, прораспаетъ колючій репейникъ. Было счастливое время, когда чистая, прохладная влага, распроспраня свѣжестъ въ воздухъ и въ зелени пахучаго дерна, возносилась сполномъ серебрянымъ, чшобы низпадалъ въ брызгахъ каплями подобно росѣ благошворной! Опблески звѣздъ сверкали въ семь кристальномъ зеркалѣ, и очаровательный шумъ водомеша сладостно прерывалъ молчаніе ночи.

Сколько разъ Гассанъ въ младенческѣ своемъ игралъ на берегу сего фоншана! Сколько разъ гармоническій шумъ бѣгущей воды усыплялъ опрока на рукахъ его мащери! Здѣсь, близъ сего же мѣста прелестнаго и пѣсни одалискъ наполняли воспоргомъ душу Гассана въ юношескія лѣта его, и голоса ихъ казались еще приащнѣе, мѣшаясь съ журчаніемъ потока.

Но Гассанъ во дни старости своей уже небудеть вкушати здѣсь сладкаго сна въ часъ разсвѣта: испочники водъ сихъ изсякли, и собсвенная кровь болѣе уже не печель въ его жилахъ; никакой голось удовольствія, жалости, гнѣва уже въ садахъ сихъ нераздается.

Послѣдніе, повпоренные ехомъ, звуки были горестныя вопли опчаяной женщины! Съ тѣхъ поръ ничто ненарушаетъ угрюмой тишины въ семь обипалищъ пуспынномъ, кромѣ лишь спуга, производимаго вѣтромъ, когда порывы его успреляюща

на отворенныя окна. Пускай свирѣп-
спивують бури, пускай дождь льется
попоками: никло не помыслишь о
безопасности замка, ни чья рука не
запворитъ дверей въ немъ.

Пулникъ, спранспвующій по пу-
спынѣ, обрадовался бы, нашедши слѣды,
нанечашлѣнные на песокъ стопами ди-
каго; шакъ и посѣлишель дворца Гас-
санова съ радостію вспрѣшилъ бы здѣсь
даже голось несчастія. По крайней
мѣрѣ оно бы ему сказало: „ты не одинъ
въ семь мѣспѣ; другое существо, по-
добно тебѣ, пользуется даромъ жиз-
ни.“ Позлащенная внупренность мно-
гихъ покоевъ свидѣтельспвуетъ еще
о прежнемъ великолѣпїи. Сила разру-
шенія медленно дѣйспвуетъ на сіи
мраморные своды; но ужась, по види-
мому, не опходитъ опъ внѣшняго по-
рога: даже факиръ недерзнулъ бы ис-
капъ здѣсь убѣжища, и спранспвую-
щій дервишь, остановившись у две-
рей дома, ненашель бы въ немъ ни
подаенія, ни гостепрїимства; ни
одна рука дружелюбная не поднесла

бы хлѣба и соли пупнику упомен-
 ному 7). Богатый, бѣдный равно убѣ-
 гающъ оиъ опустѣвшаго жилища.
 Щедрость и состраданіе 8) изгнаны оп-
 сюда съ пѣхъ поръ, какъ Гассанъ по-
 гибъ между горами. Кровь, служившій
 нѣкогда убѣжищемъ челоуѣку, содѣла-
 ся мрачнымъ вершепомъ божества
 развалинъ.

Прежніе обитатели замка разбѣжа-
 лись, а принадлежащіе къ нему земле-
 дѣльцы оставили поля свои съ пѣхъ
 поръ, какъ Джяуровъ мечъ разсѣкъ
 голову Гассана.....

Толпа Мусульманъ приближается;
 мнѣ слышенъ ихъ попопъ: но никакой
 голосъ непоражаетъ моего слуха. Му-
 сульмане подходящъ: уже могу разли-
 чить на каждомъ изъ нихъ чалму и
 серебряныя ножны кинжала (9). Зеле-
 ная одежда начальника ихъ знаменуешь
 Емира (10). „Кпо пы?“ воскликнулъ
 оиъ. — „Мое почпительное привѣт-
 спвіе (11)“ шакъ я опвѣспивоваль „по-
 жажешъ вамъ, чпо я принадлежу къ сы-

»намъ Пророка; ноша, которая при васъ, и которую бережете вы съ такимъ щпаніемъ, должна быть драгоценною вещью. Охотно предлагаю вамъ свою лодку; на ней можете переправиться на другую сторону залива.« — »Хорошо!« сказала Емиръ: »опвяжи ладью и плыви съ нами вдаль отъ берега; не опускай паруса, и налягай на весла; ты долженъ остановиться тамъ, посреди утесовъ, представляющихъ подобіе бассейна между волнами. . . Довольно! можешь теперь дать отдыхъ рукамъ своимъ; уже мы на мѣспѣ«. . . .

И ноша, брошенная въ бездну морскую, мало по малу скрывалась; волна медленно опспупала къ берегу; наблюдательному взору моему показалось нѣчто движущееся на лазуревой равнинѣ. . . . Мѣсяць однимъ только лучемъ своимъ озарялъ колеблющуюся поверхность; я смолпрѣлъ, пока брошенный предметъ совсѣмъ не исчезъ, какъ исчезаетъ вершищійся камень, оставая по себѣ кругъ едва примѣ-

ный, который слѣсняется мало по малу, и наконецъ, превратившись въ цяпно бѣловагаго цвѣпа, мгновенно скрывается опть взоровъ. Тайна сего происшествія погрузилась въ океанъ; объ ней знаютъ одни лишь подводные духи; но, объятые ужасомъ въ коралловыхъ своихъ пролахъ, и они не дерзнули върять ея волнамъ поверхно-сли.

На зеленыхъ лугахъ Кашемирскихъ диня преслѣдуетъ несравненную царичу бабочекъ восточныхъ; она садится на цвѣлокъ, и младенецъ почиаетъ ее уже своею добычей: сердце въ немъ шрепещетъ, онъ проспираетъ дрожащую руку; но бабочка, взмахнувъ лазуревыми своими крыльями, улешаетъ, и юный ловець со слезами въ очахъ оспаешся на мѣспѣ. Не шакъ ли красавица, подобно бабочкѣ прелеспная и рѣзвая, играетъ желаніями возмужавшаго диняни? и его забота не состоитъ ли изъ щепныхъ надеждъ, опасеній, не въпреноснью

же, начинается, а оканчивается слезами? Но равное бѣдствие угрожаетъ и насѣкомому и юной красавицѣ, упривившимъ свободу: жизнь горестней ожидаетъ ихъ; прости миръ и счастье сердца! одно становится игрушкою дышати, другая плачетъ, жертва прихотей мущины. Предметъ драгоценный, предметъ, котораго ищутъ съ пламеннымъ неперпѣниемъ, лишается всей цѣны своей, когда его получили; съ каждымъ прикосновеніемъ ласкающей руки блекнутъ яркія, восхищительныя краски, и блескъ ихъ исчезаетъ: тогда обоимъ даютъ свободу улетѣть, или упасть на землю. Но гдѣ, въ какомъ мѣстѣ обѣ сіи жертвы найдутъ себѣ убѣжище? У одной изорваны крылья, сердце другой обливается кровью! Можешь ли бабочка порхать, какъ прежде, отъ нарцисса къ розѣ? Кто возвратитъ юной дѣвицѣ сладостныя улыбки невинности? Ахъ, ни одно сострадательное насѣкомое крылышкомъ своимъ не прикроетъ.

умирающаго! Красавица извиняетъ единственно свои лишь погрѣшности; всѣ несчастія чужія прогааютъ ея душу, но ни одной слезы не прольетъ она о спыдѣ обольщенной подруги. . .

Сердце, изнуренное угрызеніями совѣсти, подобно скорпіону, со всѣхъ споронъ огнемъ пѣснимому; кругъ суживается по мѣрѣ того, какъ расширяется пламя. Уже близкій жаръ поражаетъ его жестокою болью; уже муки его превращаются въ бѣшенство, и насѣкомое прибѣгаетъ къ послѣдному средству: ядовитое жало, на пагубу врагамъ употребляемое, никогда неязвило безъ роковыхъ послѣдствій. Скорпіонъ обращаетъ его пропивъ самаго себя, и всѣ муки свои прекращаетъ въ одно мгновеніе; такъ и человѣкъ виновный оканчиваетъ дни свои, если не хочетъ оспавалъсь живымъ среди пожирающаго пламени, какъ злобное насѣкомое; такъ истребляется и человѣкъ, преслѣдуемый совѣстію: земля опшвергаетъ его, небо

для него закрыто, мракъ господ-
 ешвуешь надъ его головою; подъ ногами
 своими онъ видить бездну отчаянія;
 его окружають пламя, и смерть гнѣ-
 здится въ его сердцѣ (12).

Мрачный Гассанъ убѣгалъ своего
 гарема; прелести красоть уже не
 плѣняли его взоровъ; зѣриная лодка
 ежедневно привлекала его въ дубра-
 ву; но душа его неучастливая въ
 удовольствіяхъ зѣроловства. Гас-
 санъ не убѣгалъ такимъ образомъ,
 когда Деила обила въ его сераф. . .
 Развѣ не памъ уже Деила? Одинъ
 Гассанъ могъ бы намъ сказать объ
 епомъ. Спранная молва носилась
 въ городъ; утверждали, что Деила
 скрылась ночью при концѣ Рамазана,
 въ то самое время, когда сіяніе ты-
 сячи лампъ возвѣщало съ высоты ми-
 наретовъ о наступающемъ Байрамѣ
 для всѣхъ спранъ, гдѣ поклоняюща
 пророку. Деила сказывала о себѣ, что
 идешь въ мыльню; Гассанъ искалъ ее
 памъ, но тщетно: переодѣвшись мо-

лодымъ Грузинцемъ, она обманула всѣхъ спражей; презирала гнѣвъ своего власпелина, уже находясь въ объ- яніяхъ клятвопресступнаго Джяура.

Гассана беспокоили шайныя пред- чувствія; но Лейла казалась такою нѣжною, она любила такую спраспную любовь, что влскомый излишней до- вѣренностію къ прекрасной невольницѣ, конечно заслужившей смертную казнь своею измѣной, въ самой день ея бѣг- шва онъ ходилъ въ мечеть на молиш- ву, ходилъ въ кіоскъ для препровожд- енія времени.

Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ его черные Нубійцы, впрочемъ весьма спрогіе, неусыпные блющители гаре- ма; другіе увѣряють, что въ ту же самую ночь, при блѣдномъ свѣшѣ *фин- гари* (*), видѣли Джяура, на черномъ конѣ своемъ во всю прыпъ скачущаго вдоль по берегу моря; но при немъ

(*) Епшо Фебея или Луна у воспомныхъ народовъ.

не было ни Грузинца, ни юной дѣ-
вицы.

Какъ описать красоту черныхъ
очей Лейлы? Въ очахъ серны нѣтъ ни
ной прелести, ни того очарователь-
наго изнеможенія; но око Черкешенки
сверкало подобно рубину *Джамшида*
(13), и душа изображалась въ каждомъ
изъ ея взглядовъ. О Магометъ! нѣтъ
немогъ бы помыслить, чѣмъ споль
совершенная красавица была только
лишь горстью брѣнной глины: *Леила*
имѣла душу, и я дерзну повпорить
слова сѣи даже среди ужаснаго *Алзира-*
та (14), по которому будемъ перехо-
дить черезъ огненное море. Я готовъ
ушверждать то же въ преддверіи са-
маго рая, когда небесныя гуріи спа-
нутъ призывать меня въ свою оби-
тель. Кто видѣлъ *Леилу*, тотъ пере-
спанъ вѣрять, что женщина есть
одинъ лишь прахъ ничтожный, плѣн-
ное игрище прихотей мужчины (15).
Изумленные муфтіи признались бы,
что лучъ божества сверкалъ подъ ея

длинными рѣсницами. Румянецъ ланипъ ея спорилъ съ багрянымъ цвѣтѣмъ. граната; волосы, подобно нависшему снеблю гіацинта, падали къ стопамъ ея, бѣлымъ какъ снѣгъ, еще не коснувшійся поверхности горъ, еще неуправившій бѣлизны своей отъ смѣшенія съ землею.

Величественно плывешь лебедь по водѣ прозрачной: такъ выступала прекрасная Черкешенка среди служащихъ ей женщинъ, надъ которыми возвышалась она всею головою. Ничего прелестнѣе, очаровательнѣе Лейлы не выходило изъ Франгеспана (*).

Гордо поднимаешь лебедь вздувшійся гребень свой и роскошнымъ крыломъ бьешь воду, когда человекъ подходитъ къ берегу его владѣнія: шакова полноша округлосшей, шакова бѣлизна выи у Лейлы; съ шакою важностію прешить она взгляду нескромному, дерзнувшему оспановиться на ея прелестяхъ несравненныхъ.

(*) Земля Черкесовъ.

Благородство и любезность неоплучны были при всѣхъ ея движеніяхъ; счастливъ, кому судьбою дозволено смягчить ея сердце! Но кому? Не тебѣ, о Гассанъ угрюмый, не тебѣ принадлежить имя счастливаго любовника.

Гассанъ отправился въ путь, сопровождаемый двадцатью вооруженныхъ служилыхъ; самъ Емиръ имъ предшествовалъ; у пояса его мечъ, копорой нѣкогда былъ обогреть кровію Албанцевъ, когда изъ пораженныхъ въ Парнейской долинѣ оспалось въ живыхъ нѣсколько сихъ мяшежниковъ единственно для того, чшобы обвиняющіе въ горахъ единомышленники ихъ узнали о погибели своихъ братьевъ. Писмодепы его получены въ даръ отъ Паши знаменитаго; золотая съ дорогими камнями оправа немѣшала имъ ужасать разбойниковъ. Гассанъ, какъ сказываютъ, отправляется получить новую супругу, болѣе вѣрную, нежели клятвопреступная Лейла, измѣнница,

которая неустрашилась убѣжать изъ гарема, убѣжать съ Джяуромъ!

Послѣдніе лучи солнца позлащали испочникъ, съ холма ліющій воду, всегда свѣжую и прозрачную, для горнаго жинеля. Торгующій Грекъ, любитель нѣги, здѣсь можетъ наслаждаться покоемъ, кѣнораго ящелно ищелъ посреди города, живучи въ сосѣдствѣ съ тиранами своими. По крайней мѣрѣ, желая сберечь сокровище, плодъ промышленности долготѣшной, здѣсь можетъ быть безопаснымъ ещъ любопытныхъ взоровъ. Если раболѣспвуетъ онъ въ городъ; за шо свобода улыбаелся къ нему въ здѣшней пусынѣ, и онъ безпечно вкушаетъ влагу, запрещенную для сыновъ Магомеша.

Тапаринъ предшеслвуетъ воинамъ Гассана; уже доснигъ онъ горныхъ ущелій; по желшой епанчѣ издали узнашь его неспрудно. Емиръ и свиша медленно движущся узкимъ рядомъ. Надъ головами ихъ возвышаелся ушесъ: коршуны оспряпъ на немъ

алчные, свои клювы, какъ бы угадывая, что у подошвы горы найдутъ обильный кормъ еще до появленія зарюшпенней. Недалеко отсюда слѣдъ зимняго полпока, высушеннаго палящими лучами солнца; воды его изрыли путь между песками, поросшими въ разныхъ мѣстахъ печальнымъ кустарникомъ; путь сей усянъ обломками сѣраго гранита, силою времени или перуномъ оппоргнувшими отъ хребта горъ, коихъ вершина скрывается между облаками. Кто изъ смертныхъ можетъ сказать, что зрѣтъ недосягаемую главу Ліакеры?

Емиръ и спутники его достигли до еловаго лѣса. „Бисмиллаъ (16)!“ воскликнулъ Чаушъ: „уже нѣтъ никакой опасности; наконецъ передъ нами равнина, и мы теперь же нуспимъ въ скачъ коней своихъ.“ Онъ сказалъ, и въ то же мгновение пуля мимо головы его со свисномъ пролетѣла; ѣхавшій впереди Ташаринъ упалъ мертвый на землю. Гассановы служилецъ

едва имѣли время схватить поводъ коней своихъ; они спѣшашъ сойши на землю; но прое и всадниковъ вовѣки уже небудушь гордиться на сѣдлахъ. Тщетно пребуюшь они мщенія передъ послѣднимъ вздохомъ, — пщешно; ибо поражены врагомъ невидимымъ. Спунники мгновенно доспаюшь оружіе, но они въ шо же время преклоняюшь голову къ гривамъ коней, желая избѣжашъ опъ пуль смертоносныхъ; нѣкоторые изъ нихъ ищущъ убѣжища за ушесомъ, чптобы не паспъ опъ руки врага, недерзающаго показашся. Одинъ Гассанъ беспрашный оспаешся на конѣ и понуждаешъ его къ движению; но раздавшіеся выспрѣлы извѣспили Гассана, чпто разбойники засѣли у конца ущелія, и чпто неоспалось никакого средства избѣжашъ опасности предстоящей.

Усы его вздулись (17), молнія бышенслва сверкнула опъ взоровъ. „Не спраши мнѣ со всѣхъ споронъ свиспяція пули;“ воскликнулъ

Гассанъ: „ужасы опасностей я видѣлъ, передь собою!“ Въ сію минушу непришель выходить изъ засады, и пребываетъ, чшобы дружина Гассанова положила оружіе; но гнѣвное чело Емира, но его угрозы страшнѣе вражескаго меча для его спущниковъ; ни одинъ изъ нихъ не дерзаетъ издасть покорнаго вопля. Всѣ разбойники выходятъ изъ лѣсу и всадники ихъ приближаются.

Кшо начальникъ ихъ, вооруженный сверкающимъ будапомъ?

„Ешо онъ! ешо онъ!“ восклицаетъ Гассанъ: „узнаю его по челу блѣдному, по симъ очамъ зловѣщимъ, кои ихъ роковые взгляды благопріятелиспвуютъ злодѣйспву (18). Узнаю чернаго коня его. Онъ въ одеждѣ Албанца; онъ опрется онъ прежней своей вѣры: но опспущничеспво не спасетъ его опъ смерти. Ешо онъ! ешо Джауръ проклятый! Горе пому, кшо похитилъ у меня любовь Лейлы!“

Рѣка быстрая и широкая низвергается стремительная свои воды въ море, и океанъ въ видѣ лазуревыхъ столбовъ грозные валы прошивуспавить ярому попоку; брызги влаги раздробленной уподобляются сверканіямъ перуна; ужасные удары волнъ подобно грому раздаются на препещущемъ берегѣ, и утесы моря скрывающія подъ бѣлою пѣной. Такова была встрѣча двухъ дружинъ, одинакимъ бѣшенствомъ движимыхъ: прескъ мечей, которые ударялись взаимно и ломались на чаепи; выстрѣлы ружей, свистъ убійственныхъ пуль, угрозы поражающихъ воиновъ, стоны умирающихъ ужасающъ опголоски долинъ, обыкшіе впорилъ паспущескимъ пѣснямъ. Невелико число рапующихъ; но всѣ они помялся жаждою крови: ни одинъ не просить пощады, всякой спарается наносить одни лишь смертельные удары. Соединенные узами любви спраспной, въ объятіяхъ взаимныхъ находянъ сладость удовольствій;

но восторги любви никогда не сравнятся съ напряженіемъ, съ усиліями двухъ непріятелей. Схвапившись взаимно, руки ихъ уже не выпускають своей добычи. Друзья сближаются и разспаюцца; любовь смѣется надъ неразрывнымъ союзомъ: соединенные враждою не иначе разлучаются, какъ уже послѣ смерти.

Сабля Гассанова разлепѣлась на часпѣ; оспалась лишь рукоять, обогренная пролившею кровью. Рука его держитъ еще сей опломокъ желѣза, споль мало принесшаго пользы мщенію; но рука его, ахъ! опдѣлена оцъ пуловица; чалма, разсѣченная въ самыхъ плопныхъ сгибахъ, покапшлась по песчаному скапу; верхняя одежда, оспріемъ сабли, раздранная, приняла цвѣль угрюмыхъ облаковъ упра, предвѣщающихъ намъ день бурнаго ненастья. Куски палампора (*) его раз-

(*) Шаль, которую носятъ знатныя особы.

бросаны по куснамъ окровавленнымъ; грудь его покрыва равами; самъ онъ лежить на земль протерпый, обращенный лицемъ къ небу; открытые глаза еще грозятъ непріятели взоромъ ненависти, которая одна пережила всѣ спасы.

Стоящій надъ труномъ врагъ разсматриваетъ печальные остатки; чело его также мрачно, какъ и покрываго пѣнями смерти.

„Такъ! Леила погружена въ волны моря; но сія, обогренная кровію, земля будетъ могилой Гассана. Тыя Леилы управляла булашомъ, произившимъ въроломное сердце. Онъ зываль къ пророку, и пророкъ не спаетъ его опъ моей меспи; зываль къ Алль, и молишва его неуслышана. „Безумецъ! ты невняль прозьбамъ Леилы, и хочещь, чѣобы твои были уважены! Все мною предусмопрѣно; я заплашилъ симъ мяшежнымъ солдапамъ, дабы наказашъ врага въро-

„ломнаго; жажда мести, удовлетворе-
на, и я одинъ удаляюсь. . . .“

Велблуды возвращаются на пасыбище; мать Гассанова смотритъ съ балкона и видитъ росу, падшую на лугахъ зеленыхъ; звѣзды блѣднѣютъ при появленіи зари утренней. „Вопль уже и день!“ говоритъ она: „Гассанъ долженъ быть недалеко.“

Она идетъ въ садъ; мучимая невѣдомымъ безпокойствомъ, всходитъ на высокую башню, уснаряется къ горамъ свои взоры: „Для чего же не ѣдетъ онъ? Ничѣмъ не замедляется быспропта коней его, и имъ не страшны жары знойнаго лѣта. Для чего даровъ брачныхъ не шлетъ передъ собою? На кого жаловаться мнѣ: на него ли собственное сердце, или на медленность коня его? Но я виновата! Вижу Ташарина; онъ уже на вершинѣ горы ближней: ѣдетъ по прощѣ, ведущей въ долину; вижу, за сѣдломъ его подарки отца сына. . . .“
„Но посланный медленно ѣдетъ; не

„уже ли не знаешь онъ, что я щедро наградила бы за поспѣшность и за пруды путешествія упомишельнаго?“

Ташаринъ сходилъ съ коня у воротъ замка; нѣчто держилъ онъ въ препещущихъ рукахъ своихъ. На смугломъ челѣ его видно выраженіе печали; но, быть можешь, это дѣйствіе усмалости: одежда его обрызгана кровью; но, быть можешь, еша кровь пролила шпорами изъ боковъ коня лѣвиваго. Ташаринъ обнажаетъ даръ, кошорый былъ покрытъ епанчею. . . . О ангель смерти! ещо голова Гассана!

„Сынъ швой праздновалъ кровавую свадьбу!“ сказала Ташаринъ: „я уцѣлѣлъ; но не состраданіе спасло жизнь мою: меня пощадили для того единственно, чтобы доставить къ тебѣ сей горесливный подарокъ. Миръ храброму, испуслившему послѣдній вздохъ подъ ударомъ смерти! Проклятіе Джяуру, виновнику его гибели, его убійцѣ!“ . . .

Чалма (19), вырѣзанная на дикомъ
 камнѣ, сполбъ шерниною кругомъ об-
 ростшій, и на которомъ почпи уже
 изгладился шекспъ Корана — вопль
 все, что найти можно въ уединенной
 долинь, гдѣ Гассанъ пораженъ ударомъ
 смерти. Тамъ почіешъ прахъ Осман-
 лиса, вѣрнаго какъ и всѣ шѣ, кои
 желаютъ преклонить колено въ Мек-
 къ, съ ужасомъ опвращающъ взоры
 свои отъ вина запрещеннаго, и сми-
 ренно чипаютъ молильву, обращаясь
 къ священному граду, какъ скоро слы-
 шатъ шоржеспвенные вопли Алла-га
 (20), раздавшіеся съ вышины минаре-
 ша. И онъ умеръ отъ руки чуже-
 спранца, среди опечеспвенной земли
 своей, умеръ съ оружіемъ въ рукѣ, и
 не опмщенъ никѣмъ изъ единовѣрныхъ!
 по крайней мѣрѣ кровь непріятели не
 пролилась на могилѣ Гассана! Но дѣвы
 съ усердіемъ принимающъ его въ селе-
 ніяхъ небесныхъ, и сверкающіе очи
 гурій всегда будущъ встрѣчатъ его
 съ улыбкою; онъ благосклонно при-

въспивуюшь его, помавая изумрудными своими покровами; сладкимъ поцѣлуемъ награждаюшь онъ храбраго. Кло погибъ, сражаясь прошивъ одного изъ Дзяуровъ; пошь заслужилъ вѣчное блаженство (21).

А ты, вѣроломный убійца, ты будешь преданъ мспишельной косѣ *Мокнира* (22); избавишься мукъ, имъ уголованныхъ, единспвенно для шого чшобы скипашься вокругъ Геблисова престпола (*). Неугасимый огонь будешь вѣчно пожирашь швое сердце, и никакой языкъ неможешъ изъяснишь мученій, копорыя содѣлаюшь его наспоящимъ для тебя адомъ. Но сперва ты будешь посланъ на землю бродишь вампиромъ, и шрушь швой убѣжишь изъ могилы (23). Ты будешь спрашилицемъ мѣспъ своего рожденія, мучишелемъ жены, сеспры, дѣлей своихъ, и въ мрачные часы ночи, обяпый

(*) Геблись — Плушонъ восточныхъ народовъ.

ужасомъ , будешь насыщаться кровью своего семейства.

Твои жертвы узнають отца своего прежде смерти ; будутъ проклинають его и услышатъ взаимныя проклятія ; дочери твои погибнуть во цвѣтъ возраста , и на одной изъ нихъ исполнится особенное мщеніе рока , именно на юнѣйшей , на любимой съ большею нѣжностію : она еще будетъ называть себя своимъ родителемъ , и сіе священное имя болѣзненно расперзаетъ твое сердце . Тщешно желалъ бы ты пощадить ее : увидишь послѣдній румянецъ исчезающій на ея ланитахъ , послѣднюю искру погасающую въ ея взорахъ , навѣки омраченную лазурь влажныхъ зѣницъ ея . Тогда нечестивая рука твоя испорхнетъ одну косму длинныхъ волосовъ ея , и что могло бы служить залогомъ любви самой нѣжной , то послужитъ для вѣчнаго напоминанія объ адской твоей злобѣ . Зубы твои скрежещутъ , опчаяніемъ движимые , и изъ губъ твоихъ падаютъ ка-

пли чистѣйшей крови (24). Возвратись въ мрачную могилу свою! иди къ полчищу злыхъ духовъ, копорые съ ужасомъ побѣгушь ошъ ненавистной шѣни!

»Какъ называете вы *Налофра* (25), »копораго вижу на сей уединенной »пропикъ? Нѣкогда я замѣпилъ черпны лица его въ мѣспѣ моего рожденія. Однажды вечеромъ, сидя на берегу моря, я видѣлъ его скачущаго на конѣ быспромъ. Только лишь одинъ »разъ я замѣпилъ черпны его; но смяшеніе сердца шакъ глубоко напечатлѣно на нихъ было, чпо я не могъ »забышь ихъ. Чело его нынѣ споль »мрачно, споль угрюмо, чпо, мнѣ кажепся, я узнаю на немъ печать смерти.

»Минуло уже шесть почти лѣтъ, »какъ онъ пришелъ къ братіи нашей; »въ сей уединенной обители конечно »ищепъ онъ забышь какое нибудь великое злодѣяніе, намъ невѣдомое; по »никогда неприходишь онъ молишьса »съ нами вмѣспѣ вечерней порою, ни-

»когда непреклоняеть кольна передь
 »судилищемъ покаянія; мало нужды
 »ему до набожныхъ пѣсней нашихъ,
 »до еиміама, воскресимаго нами передь
 »олпаремъ Хрисповымъ; одинъ въ сво-
 »ей келли онъ занимается размышле-
 »ніями; его вѣра, его происхождение
 »намъ вовсе неизвѣсны.

»Онъ пришелъ къ намъ опть мѣспъ,
 »гдѣ поклоняюся Магомелу; но въ
 »немъ невидно признаковъ Мусульман-
 »ской породы: лице его больше пока-
 »зываетъ Хриспіянина. Еслибъ не укло-
 »нялся онъ опть святыхъ мощей на-
 »шихъ, еслибъ не убѣгалъ опть Боже-
 »спвенной прапезы великаго и спраш-
 »наго таинства; я почелъ бы его опт-
 »спутникомъ, кающимся о своемъ опт-
 »падении опть лона Церкви. Наша оби-
 »тель приняла опть него богатые вкла-
 »ды. . . . Но я, будучи на мѣспъ на-
 »чальника брапіи, я ниже одного дня
 »непоперпѣлъ бы между нами споль
 »спраннаго челоуѣка; или же я велѣлъ
 »бы запереть его на всю жизнь въ од-

ной изъ пемницъ монаспырскихъ. Въ
 изспуленіи своихъ мечпаній онъ ча-
 сто говоришь о жершвѣ, брошенной
 въ море, о сраженіяхъ, о бѣгствѣ, о
 мщеніи, объ издыхающемъ Туркѣ. Его
 находили на епой скаль объяпаго мрач-
 нымъ изспуленіемъ: онъ кричалъ, что
 видипь окровавленную руку, ни къмъ
 другимъ незримую; что рука сія ука-
 зуешъ ему мѣсто его могилы, ве-
 лишь ему повергнушь въ бездну... «

Чело его, мрачное, мало похожее
 на обыкновенный образъ челоуька, по-
 крыто чернымъ наглавникомъ. Молнія,
 иногда сверкающая изъ спрацныхъ
 очей его, выражаешъ одно лишь вос-
 поминаніе о пропекшемъ; пускый,
 часто измѣняющійся цвѣць лица его
 пугаешъ того, кто дерзнулъ бы дѣ-
 лашъ надъ нимъ свои наблюденія. Въ
 немъ узнають волшебную, неизьясни-
 мую силу, которой невозможно сопро-
 шивляпсья.

Пшица, препещущая олъ ужаса,
 неимѣешъ силы улешьп олъ змѣи,

успремляющейся на нее, свою добычу; такъ въ очахъ сего человѣка естъ нѣчто поразительное, нестерпимое для наблюдающаго взора.

Боязливый инокъ, попавшись ему на встрѣчу, уклоняется въ сторону, какъ бы увѣренный, что поражающій взглядъ его и горькая улыбка возбуждають въ одно мгновеніе и страхъ и виновныя мысли. Сія улыбка рѣдко проясняетъ чело его, и обыкновенно кажется она только лишь насмѣшкою надъ несчастіемъ. Блѣдныя губы его мгновенно становятся неподвижными, точно какъ бы скорбь или досада не позволяли ему имѣть другихъ мыслей, кромѣ только печальныхъ. Лице его никогда не выражало свободной веселости сердца. Иные въ чертахъ его открываютъ слѣды чувствъ прежнихъ, и съ прудомъ узнають нѣкоторыя осязатки благородства въ его зловѣщей фізіономіи, точно какъ бы преступленія не до конца еще унизили сію гордую душу. Простой зришель

видишь одну лишь мрачную наружность пресупника, угрызаемого совестью; наблюдаешь внимательный узнаешь в ней высокой ум и знаменитое происхождение. Ахъ! къ чему послужили ему сии дары драгоценные, которые осквернены злодѣяніемъ, и которые сокрылись подъ завѣсою горести! Безъ сомнѣнія не подлую пварь Небо наградило ими; со всѣмъ тѣмъ человекъ сей возбуждаетъ нынѣ ужасъ и отвращеніе. Слранникъ едва замѣчаетъ оспатки развалившейся жижины; но замокъ, разрушенный бурей или войною, привлекаетъ взоры уцѣлѣвшими на немъ даже немногими зубцами; одѣтые плещемъ своды, уединенная колонна, служатъ памятниками прежняго великолѣпія.....

„Смотрите, какъ онъ, закутавшись мантіей, идетъ между столбами вдоль готическаго храма. Съ ужасомъ замѣчаются его движенія, и онъ, мрачными очами взираетъ на священныя обряды вѣры. Когда раздается

„съ хоровъ гимнъ благочестію, когда ино-
 „ки моляпся, преклонивъ колѣна; онъ
 „удаляется въ сей припворъ, едва освѣ-
 „щаемый блѣднымъ огнемъ препещу-
 „щей лампы. Опшуда слушаешъ онъ
 „моливвы наши, никогда несоединяя
 „съ ними своихъ моленій. Смоприпе,
 „подъ пѣнію епой спѣны онъ кинулъ
 „за хребетъ свой черный наглавникъ;
 „густыя, въ безпорядкѣ віющіяся куд-
 „ри покрыли блѣдное чело его; вы по-
 „думаете, что Горгона, взявъ съ голо-
 „вы своей самыя опврапительныя змѣи,
 „вооружила ими голову сего злаго ду-
 „ха; облеченный въ наши одежды, онъ
 „вовсе не исполняетъ всѣхъ монастыр-
 „скихъ правилъ, и дозволяетъ роспи-
 „волосамъ своимъ. Вклады его сущъ да-
 „ры гордыни, а не пламеннаго благоче-
 „стія; онъ произнесъ никакихъ обѣ-
 „щанствъ, не объявилъ никакихъ условій.

„Но церковь наполняется хвалами
 „Всевышнему. Замѣчайте блѣдное лице
 „его, замѣчайте епу ледяную наруж-
 „ность, дышащую опчаяніемъ и гор-

дынею. О Свяшый Францискъ, великій угодникъ Божій! удали челоуѣка, всего опъ жершвенника, да не явишя гнѣвъ небесный въ какомъ-либо ужасномъ чудотвореніи. Духъ шмы, принимаемая видъ челоуѣческой, неможешь выбрать другаго, болѣе для себя личнаго. Именемъ вѣчнаго милосердія свидѣтельствуюсь, что сіи взоры не принадлежатъ ни землѣ, ни небу.»

Сердца крошкія и нѣжныя удобно предаются любви; но онѣ боязливы, онѣ спрашались печалей, сопустшествующихъ любовной спраспи; онѣ слабы, и недержатъ идти на встрѣчу гореспямъ; никогда не предаются онѣ любви совершенно: нѣтъ, въ мужеспвенныхъ шолько сердцахъ язвы любви могутъ бытъ неисцѣлимы.

Мешалль, изъ рудника вышедшій, долженъ горѣть, чшобъ очиспиться; но огонь горнила, плавя его, непременно въ немъ природнаго свойспва. Мешалль удобенъ принимаетъ все формы: можетъ бытъ оружіемъ обороны,

или смерти; можешь сделаться бронею и защитить грудь вашу; или мечем и разишь вашего сопостата. Оспришь ли конечность меча смертоносного — будь оспорожень. Такъ огонь спрасней и искусство женщины могутъ смягчить, могутъ образоватьъ мѣдное сердце; но получивъ одинъ разъ форму, оно уже не переменится: надобно разбишь его, чтобы дать ему другую.

Слѣдуетъ ли уединеніе за несчастіемъ, конецъ спраданій мало насъ утѣшаетъ; сердце, брошенное въ пустынь, съ радостію встрѣлило бы стрѣлу смертоносную, которая сказала бы, что оно не одно въ мірѣ. Мы не любимъ того, чего никто не дѣлалъ съ нами; самое счастье перестаетъ быть счастьемъ, если не вдвоемъ наслаждаемся.

Сердце, оставленное чувствами нѣжнѣйшими, принужденнымъ находится прибѣгнуть къ ненависти. И сіе мучительное состояніе подобно

тому, какое испытали бы мершвые, внезапно ощутивъ движеніе червей могильныхъ, ползающихъ по ихъ струпамъ полуиспеченнымъ, и неимѣя возможности освободиться опъ сихъ прожорливыхъ насѣкомыхъ; такимъ же должно быть и опчаяніе пуспынной пшцы, собственной кровію пипающей юное семейство, когда, съ родипельскою готовностію умереть за дѣтей своихъ, расперзавъ свое нѣдро, сія несчастная мать ненашла бы малюпокъ въ гнѣздѣ опустошенномъ (26).

Самыя жестокія муки горести можно почестъ упѣхами въ сравненіи съ пуспыннымъ ничпожествомъ, съ ужасной пуспопою сердца, которое для чувствъ своихъ неимѣетъ болѣе никакой цѣли. Кто захопѣлъ бы вѣчно смотрѣть на небо, на которомъ нѣтъ ни солнца, ни облака?

Мысль о невозможности презирашь валы океана безъ всякаго сомнѣнія ужаснѣе рева оныхъ валовъ разъяренныхъ, ужаснѣе для несчастливца,

кошорой, подобно ничтожному остатку послѣ кораблекрушенія, брошенъ на берегъ необитаемый, и кошорой медленно умирать долженъ при шихомъ, безопасномъ заливѣ. Лучше тысячу разъ погибнуть при громахъ и буряхъ, нежели медленно изнемогать на печальномъ ушесѣ.....

»Опшельникъ благочеспивый! ты провелъ всю жизнь, пересчитывая зерна своихъ челокъ, и повторяя всегдашнія молитвы. Чуждый заботъ ни пресупленій, ты провелъ молодые годы и время спароспи, давая людямъ опущеніе въ грѣхахъ, ими содѣянныхъ; свободный опъ всѣхъ золъ, за исключеніемъ только пѣхъ печалей скоропреходящихъ, опъ кошпорыхъ неизьялъ ни одинъ смерпный, улы благословляешь Небо, удалившее опъ тебя грозныя бури спраспей, исполь пагубныя для смерпныхъ, приводимыхъ къ тебѣ раскаяніемъ, ввѣряющихъ пвоему непорочному, снисходительному сердцу и тайныя грѣ-

»хи свои и тайныя скорби. Я жиль
 »мало; но часто пиль я изъ чаши
 »удовольспвій, и несравненно чаще я
 »испощаль сосудъ печалей. Ахъ! по
 »крайней мѣрь сіи дни сладоспрасшія и
 »опасноспей избавляли меня опъ скуки
 »однообразной жизни. Сегодня поржесп-
 »вужа съ друзьями, завтра сражаясь съ
 »неприятелями, я только лишь и пу-
 »гался упомисельнаго спокойспвія.
 »Нынѣ, когда уже ничего болѣе немо-
 »гу ни любить, ни ненавидѣть, когда
 »ничто невозбуждаепъ ни моихъ на-
 »деждъ, ни моей гордоспи, нынѣ луч-
 »ше желаль бы я преврапиться въ на-
 »сѣкомое презрѣнне, ползающее по
 »влажнымъ спѣнамъ пемницы, нежели
 »оспапокъ жизни своей влачить въ
 »несносной лишинѣ холодныхъ размы-
 »шлений. Чувспивую однакожь въ душѣ
 »моей мѣкое неясное желаніе вѣчнаго
 »покоя, сколь ни мучисельна для ме-
 »ня мысль о всякомъ покоѣ. Скоро
 »мольбы мой будушь услышаны; усну,
 »и въ мечпахъ сповидѣній не увижу

себя, ни какимъ былъ я прежде, ни
 какимъ хотѣлъ бы еще быть въ гря-
 дущемъ.

Моя память есть не что иное
 какъ могила счастья, давно упрачен-
 наго и для меня уже невозвратнаго.
 Ахъ, лучшебъ и мнѣ погибнуть съ
 нимъ вмѣстѣ, нежели поминуться во
 мракѣ огорченій! Душа моя неукло-
 нялась передъ оспрыми спрълами
 вѣчныхъ спраданій; неискала она убѣ-
 жища въ смерти произвольной, и пре-
 зрѣла пупи мнимыхъ мудрецовъ древ-
 ности и подлыхъ трусовъ нашего
 времени. Не смерти я боялся: муже-
 ственно полетѣлъ бы я встрѣпить
 ее на равномъ полѣ, если бы судьба
 спосадила меня подъ знаменами не
 любви, а славы. Я презрѣлъ бы смерть,
 но не для суешныхъ почестей: ничто
 для меня лавръ, котораго ищеть че-
 сполубивый обожатель славы или
 наемный воинъ. Но да предложатъ
 мнѣ награду, достойную опасностей—
 красоту обожаемую мною, или врага,

»копорога душа моя не навидишь: я
 »гоповъ пойми проливъ судьбины,
 »гоповъ бросишься на лѣсъ копій и въ
 »рѣку пламени, если должно или спа-
 »спи любезную, или пронзишь нена-
 »вистное мнѣ сердце. Имѣй довѣріе къ
 »словамъ шого, кто не щеславился
 »прежними, уже совершенными имъ
 »подвигами. Душа высокомерная и гор-
 »дая вызываетъ смерть, слабость
 »вспрѣчаетъ ее безъ жалобъ, одно лишь
 »несчастіе унижается передъ нею.
 »Жизнь моя да возвратишься къ Тому,
 »кто даровалъ мнѣ оную. Не блѣдишь
 »я передъ опасностями, бывъ могуще-
 »свеннымъ и счастливымъ; нынѣ ли
 »препечать я долженъ?

»Отецъ мой! я любилъ, я обо-
 »жалъ. . . . Слова сіи потеряли цѣну
 »свою отъ ежедневнаго употребленія
 »любовниками обыкновенными. . . . Моя
 »нѣжная спрасъ доказана лучше дѣла-
 »ми, нежели клятвами. Ешопъ мечъ
 »сохранилъ пятно крови, навѣки не-
 »изгладимое. Кровь сія пролила за ту,

»которая для меня погибла; ея жило
 »сердце одного ненавистнаго пирана...
 »Прекрапи движеніе сего внезапнаго
 »ужаса, не преклоняй колѣна, и по-
 »спуска сего не почидай въ числѣ
 »моихъ злодѣяній: пролилая мною
 »кровь принадлежала врагу швоего
 »Бога; при одномъ имени Хріста
 »Мусульманская душа его наполнялась
 »яростію. . . . Я любилъ Леилу; лю-
 »бовь проникаетъ въ самыя дикія мѣ-
 »ста, и мои вздохи не были щещны;
 »но я чувствовалъ иногда угрызенія,
 »копорохъ вопль говорилъ мнѣ, что
 »было бы лучше, когдабъ Леила оспа-
 »лась вѣрною первой любви своей. Она
 »умерла — не смѣю сказать тебѣ,
 »какою смертію: взгляни на чело мое,
 »и ты можешь быть узнаешь. Про-
 »клятіе и злодѣйство Каиново на-
 »печатлѣны на немъ неизгладимыми
 »чертами: не смѣи осуждать меня;
 »я былъ причиною казни ея, но не
 »виновникомъ, не исполнилелемъ. Ахъ!
 »я долженъ признаюсь, что палачъ

»ея сдѣлать по же самое, что сдѣлать
 »бы я самъ, когдабъ Деила оказалась
 »невѣрною передъ впорымъ своимъ
 »любовникомъ. Онъ безъ жалости со-
 »вершилъ казнь надъ виновною. . . .
 »Какъ ни справедливъ приговоръ, надъ
 »нею произнесенный, но ея измѣна
 »была доказательствомъ нѣжной ко
 »мнѣ снрасни. Она дала мнѣ свое
 »сердце, единый предметъ, непокоряе-
 »мый пиранствомъ; а я, неуспѣвшій
 »спасни ее, далъ все, что было въ
 »моей власни. . . далъ смерть врагу
 »нашему. Но смерть была для него
 »малозначущимъ бѣдспвиемъ, а казнь
 »него жершвы сдѣлала меня. . . . пред-
 »метпомъ ужаса. Ему непременно по-
 »гибнуть надлежало, и онъ зналъ о
 »близкомъ концѣ своемъ, бывъ увѣдом-
 »ленъ предсказаніями суроваго Тагира,
 »копораго предчувствіе слышало о
 »висни убійственнаго мепалла, когда
 »Емиръ собрался къ роковому пуше-
 »ршеспвію (27).

»Счастливь погибающій въ сраже-
 ннн, гдѣ смерть является къ намъ
 »безъ мукъ продолжительныхъ. Тщеп-
 нно взываль онъ къ Аллѣ и къ Маго-
 »мету! Онъ узналъ меня, и мы срази-
 »лись мечами. Я смобрѣлъ, когда
 »испускалъ онъ послѣднй вздохъ жиз-
 »ни. Покрышый ранами, подобно лео-
 »парду, копыями ловцовъ наспитну-
 »тому въ дубравѣ, онъ и вполонину
 »неощущаль шого, что чувствовала
 »я въ ту минушу. Въ умирающихъ
 »глазахъ его искалъ я униженной гор-
 »дыни. Въ каждой чертѣ лица его
 »изображалось бѣшенство, и ни одна
 »не показала угрызеній. Чего не дало
 »бы мщеніе мое, чтобы замѣлишь на
 »лицѣ его слѣды опчаяннн, шого
 »раскаяннн поздняго, которое видншь
 »передъ собою одинъ лишь ужась мо-
 »гилы, не вспрѣчая ниже луча ушѣще-
 »ннн.

»У жипелей зимняго климата
 »кровь шольже холодна какъ и воз-
 »духъ, которымъ дышашъ они. Лю-

„Бовь у нихъ недостойна своего имени: моя любовь была подобна огненной лавѣ, испоргающей изъ пылающихъ пропастей Елны. Совсѣмъ неизвѣсны мнѣ сладкія рѣчи обыкновенныхъ любовниковъ и красавиць.
 „Если внезапная перемѣна въ черпахъ лица, жаръ кипящей крови, судорожное движеніе губъ, сердце расперзанное, но издающее жалобъ, испупленіе ума, дерзость, мщеніе, если, однимъ словомъ, всѣ чувства, копорыя волновали и теперь еще волнуяють мою душу, могутъ служить вѣрными признаками любви; но моя любовь конечно была истинная: она доказана горестными опытами. Никогда не могъ я ни вздыхать, ни плакать; я могъ только желать успѣха, или смерти.

„Смерть приближается; но я по крайней мѣрѣ вкусилъ счастье въ здѣшней жизни. И мынѣ ли спрашиваюсь мнѣ жестокою судьбы, только часно презираемыхъ мною? Нѣтъ,

»душа моя непобѣдима! Успрашивши
 »все любезное въ міръ, она спраж-
 »деть лишь воспоминаніемъ о Леи-
 »лѣ.

»Она погребена въ волнахъ моря.
 »Ахъ, для чего не въ землѣ ея могила!
 »Сіе исперзанное сердце, сія душа из-
 »спупленная искали бы послѣдняго ея
 »убѣжища. Леила была существо
 »жизни и свѣта; очи мои увидѣли ее,
 »и она сдѣлалась какъ бы неотъемлемою
 »частію моего зрѣнія: куда ни обра-
 »щаль я взоры, повсюду была она свѣ-
 »япиломъ, неразлучнымъ съ моею па-
 »мятью.

»Можно ли удивляться, что утра-
 »тившій и счастье и надежду неуспо-
 »кояль пропивъ мрачныхъ мыслей, и въ
 »своемъ неисповѣдѣ жаловался на не-
 »справедливостъ судьбины? Можно ли
 »удивляться, что слѣное испупле-
 »ніе повлекло его къ пропасти злодѣя-
 »ній? И бояться ли людей тому, у
 »жого сердце расперзано? Падающій съ
 »вершины счастья думаешь ли о глу-

»бицѣ бездны? Послѣ сихъ признаній,
 »дѣла мои должны казаться тебѣ, о
 »спарецъ благочестивый, ненавистныѣ
 »оспервенѣлости коршуновъ кровожад-
 »ныхъ; вижу на чель своею ужасъ,
 »которымъ наполнилась душа моя:
 »мнѣ суждено возбуждать одинъ лишь
 »ужасъ въ людяхъ. Такъ, подобно хищ-
 »ной птицѣ, повсюду слѣды крово-
 »пролитія оставляю я за собою; но
 »робкая голубица научила меня уме-
 »реть вѣрнымъ первой любви своей.
 »Да слѣдуетъ человѣкъ примѣру су-
 »ществъ, имъ презираемыхъ: птица
 »воркующая въ кустарникѣ, лебедь
 »носящаяся на чистомъ озерѣ, имѣ-
 »ющъ по одной подругѣ, которыхъ
 »никогда не оставляютъ. Легкомыслен-
 »ный съ улыбкою жалости смотритъ
 »на исподянныхъ, неумѣющихъ измѣ-
 »няться; пускай повторяетъ онъ гор-
 »дыя свои насмѣшки: не завижду без-
 »численнымъ его забавамъ, и вѣрнаго
 »лебедя предпочитаю сему человѣку
 »низкому, чуждому силы душевной.

„Какъ ничтоженъ онъ въ сравненіи съ
 „легковѣрною, копорую оболъстивилъ и
 „немедленно оставилъ! Никогда по-
 „крайней мѣрѣ сего не заслужу я упре-
 „ка. О Лейла! всѣ мысли мои тебѣ
 „одной принадлежатъ; ты одна была
 „виновницею моего счастья, моего зло-
 „дѣйства, моихъ скорбей и надеждъ
 „моихъ. Въ мірѣ нѣтъ красоты по-
 „добной Лейлѣ, для меня по крайней
 „мѣрѣ она несуществуетъ; за всѣ пре-
 „сполы земные не рѣшился бы я взгля-
 „нуть на ту, копорая подобна была бы
 „Лейлѣ, хотя далеко не равнялась ей
 „своими красотою. Преступленія,
 „коими дни юности моей оскверни-
 „лись, и сей одръ ожидающей меня
 „смерти свидѣтельствуютъ о моей
 „вѣрности. Лейла была и осталась на-
 „всегда любимѣйшею мечпою души
 „моей.

„Она погибла, и я могъ жить на-
 „свѣтъ! Но змія обвилась вокругъ мо-
 „его сердца и лютымъ жаломъ своимъ
 „,оправляла во мнѣ всѣ мысли; я возне-

„навидѣлъ всю землю; я желалъ бы
 „укрыться отъ всей природы; всѣ
 „мѣста, прежде восхитительныя, при-
 „няли цвѣтъ мрачной души моей. По-
 „слѣднее тебѣ извѣстно; ты знаешь
 „всѣ мои пресупленія и половину
 „моихъ горестей.

„Представь себѣ львицу, въ опу-
 „стошенной пещерѣ ненашедшую дѣ-
 „шей своихъ, похищенныхъ звѣро-
 „ловами; постарайся утѣшить горестей
 „сей опчаянной махери: предприни-
 „мающей утѣшить мою хочешь лишь
 „ругаться надъ моимъ несчастьемъ.
 „Во дни юности, въ сіе счастливое
 „время, когда сердце ищетъ другаго
 „сердца, подъ прекраснымъ небомъ ро-
 „дины моей я имѣлъ друга. . . Прошу
 „тебя переслать къ нему сей залогъ
 „первой дружбы нашей. Да узнаешь
 „онъ о моей смерти. Души, подобно
 „моей, объявляя спрасію, рѣдко по-
 „свящаютъ мгновенныя мысли опсущ-
 „ивующей дружбѣ; со всѣмъ тѣмъ

„несчастное имя мое все еще ему лю-
 „безно. Онъ предсказывалъ судьбу мою;
 „я улыбался, я могъ улыбаться,
 „когда мудрость въчала мнѣ его ус-
 „пами. Да воспрепещеть онъ, узнав-
 „ши, что исполнились его предска-
 „нія. Скажи ему, что среди мятежной
 „и несчастной жизни весьма рѣдко серд-
 „це мое вспоминало о первыхъ годахъ
 „юности нашей, но что въ послѣднѣй
 „минулы успа мои благословляли
 „его память. Возврати ему сей
 „перспективъ, нѣкогда ему же принадле-
 „жавшій; опиши ему. . . . что видишь
 „передъ собою: изможденное плѣло,
 „безуспѣшную душу, слѣды спраспей
 „попустишельныхъ, засохшее дерево
 „съ разсыянными листьями, почернѣв-
 „шее спѣ палящаго дуновения бу-
 „ри. (28).

„Извѣстно тебѣ мое имя, благо-
 „честливый опщельникъ, извѣсна моя
 „ишорія; тебѣ одному ввѣрилъ я мои
 „горести, и ты обещалъ мнѣ сохра-

„вннпшь ихъ въ шайнѣ. Благодарю тебѣ за слезу великодушнаго состраданія, пролишую надъ моимъ несчастіемъ; холодныя очи мои никогда немогли плакать. . . . Похорони меня между безвѣспными мершвецами; да крестъ мой водрузишся надъ моей могилой — другаго памяшника не желаю, чшобы любопытный спранникъ не нашелъ шамъ моего имени, и дабы ничшо немогло оспанавливать пѣшеходца.“

Онъ умеръ. Монахъ, бывшій свидѣшелемъ послѣднихъ минушь его жизни, узналъ имя его и приключенія. Намъ удалось собрать предложенныя здѣсь опрывки — единственныя извѣспія объ его любезной и о смерти его неприяшеля (29).

(1) Нужно замѣлпшь для чпшашеля, чшо своенравный теній Бейрона умышленно представилъ свою повѣспшь въ видѣ развалинь, назвавъ ее *отрывками*.

- (2) Въ тихую прекрасную ночь весьма часпо случается на открытомъ морѣ слышать гармоническіе звуки цитры, любимаго инструмента Греческихъ мореходцевъ. Подъ цитру также поютъ и пляшутъ.
- (3) Лордъ Бейронъ замѣчаетъ, что на лицѣ умершаго нѣсколько часовъ сряду послѣ кончины сохраняется еще сія неизъяснимая красота и выраженіе, копорыя переживаютъ самую жизнь человека. Нѣкопорымъ, бывшимъ свидѣтелями смерти друга, извѣстна сія истина.
- (4) Аѣины суть собспвенность Кизляръ-Аги, или начальника черныхъ евнуховъ Сулпанскихъ. Онъ назначаетъ и *Воеводу!* Такимъ образомъ евнухъ серала *управляетъ правителемъ* Аѣинъ!
- (5) *Рамазанъ* — постъ, *байрамъ* — карнаваль у Турковъ. Байрамъ возникаетъ пушечнымъ выстрѣломъ при заходѣніи солнца. Въ мечетяхъ зажигаютъ огни, и начало праздника сопровождается выстрѣлами изъ орудій всякаго рода.
- (6) *Джерридъ* или *жерредъ* есть шупое копье, копорымъ всадники бросаютъ въ цѣль съ великимъ напряженіемъ и всегда съ удивительною точностію. Ето любимая забава Турковъ.

- (7) Если вы были участникомъ прѣезы хозяина, если получили *хлѣбъ и соль* изъ рукъ его; то особа ваша для него священна, хотя бы даже онъ узналъ въ васъ своего непріятеля.
- (8) Любовь къ ближнему и состраданіе суть главныя обязанности каждаго Мусульманина, предписанныя Магомеломъ. Желая похвалить Турецкаго вельможу, обыкновенно сперва говоряшь о щедрости его, а потомъ уже объ его мужествѣ.
- (9) Есть родъ кинжала, называемый у Турковъ *атаганъ*; онъ въшася на поясъ вмѣстѣ съ пистолетами; ножны его обыкновенно бывають сдѣланы изъ мешалла, часто изъ серебра, а у богатыхъ даже изъ золота.
- (10) Зеленый цвѣтъ есть исключительная принадлежность мнимыхъ потомковъ Магомела. У нихъ *вбра* составляетъ наслѣдіе, которое опъ опцевъ передается къ дѣтямъ, и которое почитается несравненно выше *добрыхъ дѣлъ*. Въ презрительной націи ничего нѣтъ презрительнѣе сихъ фамилій.
- (11) *Саламъ алейкумъ; алейкумъ саламъ* (миръ да будешь съ тобою)! Сими словами привѣщиваютъ одни лишь Мусульмане другъ друга. Хри-

стіяжину говоряць они: *урларула*; доброй путь; также: *сабанъ гирземъ*, *сабанъ серула*; добрый день, добрый вечерь; иногда изъясляюць ему и желаніе *быть счастливымъ*.

(12) Скорпіонъ, по мнѣнію нѣкопрыхъ философовъ, умерщвляеть себя собственнымъ жаломъ.

(13) Славный рубинъ Суллана Джіамшида, по причинѣ оплчнаго блеска своего, назывался *Шебгерагъ*, свѣпильмомъ ночи, опрѣзкомъ солнца и проч.

(14) *Алзиратъ* — такъ называется мостъ шириною въ нишь паупины, по которому должно Мусульманамъ идти въ селенія райскія. Другой мѣсть дороги. Но еще и того хуже, что подъ симъ мостомъ находилъсѧ адъ, въ которой, какъ легко представилъ себѣ можно, падаюць немѣющіе пвердо ходилъ по ниши паупинной. Другой мостъ, гораздо уже перваго, назначенъ для Хрістіянъ и Евреевъ.

(15) Несправедливо думаюць вообще, будтобы Магометь исключилъ всѣхъ женщинъ изъ своего рая. Въ Коранѣ по крайней мѣрь претья часъ сего обипалища добрыхъ предоспавлена жевщинамъ, которыя вели жизнь благонравную. Но весьма многіе Ма-

помешане, толкуя слова Корана по своему произволу, утверждают, что небеса будутъ залворены для ихъ женщинъ.

(16) *Бисмиллагъ!* Во имя Бога! такъ начинаются всѣ главы Корана, кромѣ одной. Симъ словомъ Турки начинаютъ свои молишвы, равно какъ употребляютъ его же при изъявлении благодарности.

(17) Усы дѣйствительно вздуваются у Мусульманъ во время сильнаго гнѣва. Въ 1809 году Капуданъ - Паша всѣхъ Драгомановъ привелъ въ ужасъ на одной аудіенціи дипломатической. Усы его вздулись отъ досады, почти какъ у шигра; съ минушы на минушу ожидали, что цвѣтъ ихъ перемѣнится; но грозные усы улеглись по прежнему, и отъ епаса, по видимому неважнаго обспоятельства, уцѣло болѣе головъ, нежели сколько было щетинокъ на усахъ Турецкаго вельможи.

(18) *Зловѣщій глазъ, злая очи!* Суевѣріе, на Воспокъ весьма обыкновенное. Воображаемая дѣйствія злыхъ очей бываютъ вообще опасны для шѣхъ единспвенно, кошорые вѣрятъ онымъ.

(19) Чалма, сполбъ и, служащій вмѣстѣ надписи, спихъ изъ Алкорана

обыкновенно украшаютъ гробницы Османлисовъ какъ на кладбищѣ, такъ и въ пущинахъ. Нерѣдко случается видѣть въ горахъ подобныя памятники, и подѣ ними лежатъ обыкновенно жертвы мясѣжа, разбоя, или мщениа.

(20) *Алла га!* Сими словами оканчивается призываніе къ молившѣ, которое громко на распѣвъ произносили муеццины съ высокаго минарета. Особенно въ тихую ночь звонкой голосъ его дѣлаешь удивительное впечатлѣніе.

(21) Ето весьма близкое подражаніе одной военной пѣсни Турковъ: „Вижу райскую дѣву съ черными очами; она раздѣваетъ свое покрывало изумруднаго цвѣта; зовешь меня: приди ко мнѣ съ поцѣлуями! я люблю себя и проч.“

(22) *Моккиръ и Некиръ*, инквизиторы умершихъ, кошорыхъ они предварительно знакомятъ съ муками осужденныхъ, показывая имъ разные опыты своего искусства. Ежели опиты осужденнаго, на предложенные сими двумя духами ада вопросы, кажутся имъ неудовлетворительны, то несчастнаго бросаютъ вверхъ косяю и потомъ обрасываютъ булавою изъ желѣза, ярко раскаленною.

Бываютъ и другіе опыты, еще болѣе ужасныя. *Монкиръ* и *Некиръ* суть должностныя, по штату положенныя чиновники, и ихъ только двое; можно себѣ представить, что при безчисленномъ множествѣ грѣшныхъ Мусульманъ рукавъ обоихъ адскихъ духовъ. никогда нѣтъ ошдыха.

- (23) Суевѣрное мнѣніе о *вампирахъ* господствуетъ на Востоку. У Турковъ вампиръ называется *вардулаха*. Греки съ ужасомъ произносятъ это слово. О вампирахъ рассказываютъ множество весьма странныхъ исторій. (Не можемъ не упомянуть при семъ случаѣ, что въ южныхъ губерніяхъ Россіи извѣстны и *вампиры* (упырь) и *вардулахи* (волколаки): это умершіе колдуны, кошорые по ночамъ приходятъ домой беспокоить оспавшихся живыми своихъ ближнихъ; они любятъ сосать кровь и проч. Свѣдущія спарушки обоего пола, если угодно, укажутъ вамъ на дома, посѣщаемыя *упырями* и *волколаками*. Теперь знаемъ, откуда зашли къ намъ басни о сихъ мерзвыхъ бродягахъ.)

- (24) По свѣжему лицу и капающей съ губъ свѣжей крови потчасъ можно угадать вампира..

- (25) Монаховъ Турки называютъ *Калобрами* — опъ Греческаго: *καλόβραρος*.
- (26) Рѣчь идееть здѣсь о пплицѣ пеликанѣ, копорая служиеть эмблеммою материнской любви къ дѣтямъ.
- (27) Суевѣрное мнѣніе о предчувствіяхъ господсвиуетъ въ странахъ Воспока. Лордъ Бейронъ видалъ шамъ *Дервишей - Тагирей*, копорые предсказывають будущее по собспвенному предчувсвию, и припомъ споль сильному, что они слышашъ свиспъ и спукъ оружія.
- (28) Здѣсь и въ немногихъ другихъ мѣсплахъ переводившій долженъ былъ сдѣлать нѣкопорые пропуски.
- (29) Авторъ дѣйсвишельно слышалъ испорію, подобную предложенной повѣспни, опъ одного изъ пѣхъ разскащиковъ, копорыхъ всегда находить можно въ кофейныхъ домахъ на Воспокѣ, и копорые спихами и прозою повѣспвуютъ о разныхъ быдяхъ и небылицахъ.

АБИДОССКАЯ НЕВѢСТА.

Турецкая повѣсть.

Часть Первая.

I.

Извѣстна ли вамъ страна, гдѣ кипарисъ и мирръ бывають эмблеммами ежедневныхъ происшествій? Тамъ слышны звуки горлицы уныло воркующей, и паче же хищный коршунъ перзаесть свою добычу. Всегда покрывая новыми цвѣтами, всегда освѣщаемая солнцемъ съ безоблачнаго неба, земля сія производитъ и лозы винограда и величественные кедры. Благоухонное дыханіе зефировъ нѣжитъ алыя розы садовъ ея; днемъ и ночью соловей поетъ въ ея рощахъ, гдѣ дѣрѣваютъ драгоценные плоды масличнаго дерева и лимоннаго. Песпроша разнообразной почвы споритъ о преимуществѣ съ роскошными цвѣтами неба и съ лазурью океана. Красавицы страны сея нѣжны, подобно цвѣтамъ, изъ копорыхъ плетуть онѣ душистыя

визи; на конецъ все восхищительно въ ней, кромѣ нравовъ муштинъ, памъ живущихъ. Говорю о прекрасномъ климатѣ Воспока, о землѣ солнца; но, ахъ! можетъ ли оно улыбаться, видя пошупки виновныхъ сыновъ своихъ (1)! Сердца въ нихъ свирѣпы; ихъ повѣспи мрачны, какъ послѣднее прощаніе любовника съ любовницей.

II.

Старый Джіаффиръ сидишь въ своемъ диванѣ; онъ окруженъ вѣрными невольниками, вооруженными подобно воинамъ, всегда внимательными, всегда гошовыми исполняшь велѣнія своего власпелина, должно ли сопупшпво-вашь ему, или охраняшь его въ часы опдохновенія. Глубокая дума примѣпна въ очахъ спарца: Мусульманинъ умѣеть во всемъ припворипься, умѣеть все скрышь, кромѣ своей гордо-спи; неподвижныя чершы лица никогда и ничего не покажутъ, что происходишь въ его сердцахъ. И однакожь

на челѣ Джіаффира въ сей разъ обнаружилось внутреннее безпокойство.

III.

„Удалились, и призовите сюда блюстителя моего гарема.“ Джіаффиръ одинъ; при немъ сынъ его и Нубіянъ, призванный исполниль приказанія своего властелина. „Гарунъ! какъ скоро толпа пройдетъ мимо дверей въѣзжихъ (ибо горе дерзновенному, которой взглянулъ бы на открытое лице Зюлейки!), призови дочь мою изъ ея перема: въ сей часъ должна рѣшиться судьба ея. Ничего не говори ей о моихъ намѣреніяхъ; опъ меня одного обо всемъ она узнаетъ.“

— Паша! вѣднія твои будутъ исполнены — вошь все, что можетъ сказать невольникъ своему деспоту. Когда Кизляръ отправился было къ шерему; но юный Селимъ прервалъ молчаніе, которое хранилъ до сего времени. Онъ воздаетъ поклонъ благоговѣнія, пошупляетъ взоры, и начинаетъ говорить тихимъ голосомъ, стоя.

на ногахъ передъ Пашею; ибо сынъ Мусульманина скорѣе умретъ, нежели опважится съспъ передъ своимъ повелишелемъ.

„Родитель мой!“ сказала онъ: „не порицай сестры моей, ни чернаго ея спража; ибо, если сдѣлана какая - либо ошибка, то я одинъ шому виною, и одинъ я долженъ подпаспъ швоему гнѣву. Упро было споль прекрасно, что сонъ казался могъ прияшенъ однимъ лишь спарикамъ или пушешеспвенникамъ изнемогшимъ: я вспаль, чтобы насладипсья роскошными явленіями, какія предспавляли мнѣ земля и море; но мнѣ было нужно, чтобы другое существо могло внимать мнѣ, чтобы могло опвѣчать на мысли, которыми сердце мое наполнялось при семъ зрѣлищѣ. Мнѣ пропивно уединеніе, и пошому я рѣшилсѣ разбудипть сестру мою: шебѣ извѣсно, что дверь гарема немедленно опворяетсѣ, лишь шолько послышашъ мой голосъ. Надзираштель еще непросыпалсѣ, когда мы гу-

ляли уже въ кипарисовыхъ аллеяхъ. Тамъ взоры наши въ одно время наслаждались землею, моремъ и небомъ. При чтеніи повѣспи о Меймунѣ (2) и одной пѣсни стихотворца Садія, мы не замѣтили печенія времени; но барабанные звуки (3) напомнили намъ, что наспаль часъ своего дивана, и я поспѣшилъ къ небѣ съ моимъ упрекимъ поклономъ. Зюлейка еще гуляешь. . . . Родитель мой! не обременяй меня своимъ гнѣвомъ; она въ совершенной безопасности; никто не можетъ войти въ рошу, кромѣ невольниковъ, охраняющихъ перемъ женщинъ.“

IV.

— Сынъ раба! опвѣстивуешь Паша сѣдобрадый: диля невѣрныхъ матерей! тщетно желалъ бы отецъ видѣшь къ шебѣ какія нибудь чертмы, приличные мушинъ. Тебѣ недостаетъ лишь полько сдѣлаться опспунникомъ опъ своей вѣры, чпобы душа спвая совершенно походила

на Грека. Рукъ швоей надлежало бы мешать копюе, напрягать лукъ, или укрощать коня дикаго; а ты ходишь пошько слушаешь журчаніе воды, или смопръшь на развивающуюся розу. О! даль бы Богъ, чшобы свѣшило, опъ копораго воспламеняется небо каждымъ упромъ, и копорое возбуждаетъ сполько удивленія въ безпечныхъ швоихъ взорахъ, даль бы Богъ, чшобы оно сообщило тебѣ искру своего пламени! Хрїстіянскими ли пушками сбивались бы зубцы здѣшняго замка, Московскіе ли солдаты разрушали бы древнія стѣны Констаншинополя: и шогда рука швоя неподнимется для пораженія невѣрныхъ. Поди! перспы швои, копорые и женскимъ уступаютъ въ силѣ, должны опказаться опъ желѣза; ихъ дѣло кружишь верепена! А ты, Гарунъ, бѣги къ моей дочери; не проспишься съ головою, если овяшь дозволишь Зюлейкѣ выходить изъ шерема.... Видишь лукъ мой? Не забудь, что онъ съ шепивою. —

Селимъ непроизносишь ни одного слова, или по крайней мѣрѣ ни одно недостигаешь до слуха сшараго Джіаффира. Укоры, грозные взгляды Паши пронзали его сердце съ большею болью, нежели какую сдѣлала бы сабля Хрістіянина! »Сынъ раба! обвиненія въ подлой прусоспи! Другой бы дорого заплашилъ за подобныя обиды! Сынъ раба! Кто же отецъ мой?»

Такимъ образомъ давалъ Селимъ полную свободу мрачнымъ своимъ мыслямъ; во всѣ спороны бросалъ онъ взгляды дерзости и гнѣва, неспараясь умѣрять чувствъ своихъ. Джіаффиръ препенещеть, вспрѣчаясь со взорами сына; въ нихъ видилъ онъ ужасное дѣйствіе своихъ упрековъ: Селимово сердце пропивъ него возмутилось. »Поди сюда, молодой человекъ! Признаю и уважаю твои качества; но естъ дѣла, копорыхъ нерѣшилъ бы я тебѣ ввѣришь: еслибъ твоя борода была гуще, еслибъ твоя рука была сильнѣе и проворнѣе; я бы радъ посмопрѣшь,

какъ ломаешь ты копье, хопя бы по
было на моихъ собственныхъ лапахъ,
или на моемъ шлемѣ.“ Джіаффиръ
произнесъ слова сіи насмѣшливымъ
тономъ, и глаза его приспально смо-
прѣли на Селима: юноша не уснупа-
еть, и гордо выдерживаетъ взгляды
своего властелина, копорой самъ при-
нужденъ былъ пошупить взоры. Спа-
рикъ несмѣетъ дать себѣ опчетъ въ
причинѣ собственнаго, произвольна-
го замѣшательства.

„Дѣло очень возможное“ такъ раз-
мышлялъ онъ „что сей безразсудный
юноша будетъ виною многихъ безпо-
койствъ моихъ; я нелюбилъ его со дня
его рожденія. . . . Къ счастью, рука
его неопасна: едва рѣшается онъ пре-
слѣдовать боязливую лань или серну,
и никогда недоспанетъ въ немъ бод-
рости летѣтъ къ шѣмъ сраженіямъ,
въ копорыхъ люди храбрые ищупъ
славы, подвергая опасностямъ жизнь
свою. Иначе, . . . недолженъ ли былъ бы

я спрашился сего взгляда, и надлежало ли бы оспавлять между живыми человека, споль близкаго мнѣ по крови? Егна кровь. . . . Но онъ, кажешся, не слышалъ. . . . Довольно. Впредь буду наблюдать его съ большимъ вниманіемъ. Селимъ сполько же достоинъ моей жалости, какъ Арабъ (4) или Хрiстіянинъ, униженно просящій пощады на рашномъ полѣ. Слышу голосъ. Епо Зюлеика: голосъ ея услаждаетъ слухъ мой, какъ гимны гурій небесныхъ. Она любимое дитя мое; епа дѣвушка для меня еще дороже и своей мапери. Опъ нее ничего неспрашился мое сердце, исполненное сладкими надеждами. О моя Пери! всегда вспрѣчаю себя съ удовольствіемъ; взоръ швой не менѣе для меня приятень, какъ запекшимся губамъ спранника вода пустыннаго ручья, возвращающая ему здоровье вмѣстѣ съ жизнью. Такою и ты являешься нешербѣливымъ очамъ моимъ. Пускай вѣрные, совершивъ пуществіе

въ Мекку, пускай благодарятъ они Пророка, что сохранилъ жизнь ихъ во время странствія продолжительнаго! Магометь даровалъ мнѣ счастье быть родителемъ, и сей даръ достоинъ равныхъ благодареній. Ко мнѣ, дочь моя! Да благословлю тебя, какъ благословлялъ въ минушу своего рожденія.»

VI.

Прекрасная, подобно женѣ первожданной, когда, улыбаясь къ милому и опасному змию, копорой скоро попомъ сдѣлался эмблеммою собственнаго ея сердца, была она обольщена, и сдѣлалась еще плѣнительнѣе; восхищенельная, подобно видѣнιάмъ скоропреходящимъ, копорыми во снѣ наслаждается несчастный, и въ копорыхъ сердце, очутившись въ поляхъ Елисейскихъ, видишь другое сердце, нѣкогда имъ любимое, или же на небѣ находишь тѣхъ, копорыхъ лишилось въ подлунномъ мѣрѣ; любезная, подобно воспоминанію о подругѣ, лежащей въ могилѣ; чистая, подобно молищвѣ, возсы-

лаемой къ Небу младенцемъ: такова была дочь Паши суроваго. Со слезами вспрыснулъ онъ милую; но не печаль заставила его пролить сіи слезы. Какой смертный не испыталъ самъ собою, сколь недостачны слова для изображенія одной искры красоты, сего луча небснаго? Кто въ силахъ не восчувствовать ея могущества и опказавъ ей въ дани удивленія? При видѣ ея человекъ ощущаетъ бѣненіе своего сердца; на щекахъ измѣняется краска и очарованные глаза его омрачаются испущеніемъ. Такова была Зюлейка; такъ сіяла неизъяснимыми прелестями, которыхъ только сама незамѣчала. Огнь любви, числова любви, умъ, мелодія (5) дышали на лицѣ ея; крошечка сердца разливалась на немъ небсную гармонию; душа, можно сказать, блистала въ очахъ ея. Гибкія, нѣжно округленные руки ея лежали крестомъ на груди, едва начинающей возвышаться; она прогнула ихъ, бросила на шею ошца, который

на дѣтскія даски съ улыбною отвѣчалъ своими. Въ сію минуцу Джіаф-фиръ почли гошовъ былъ опказаться опъ принятаго намѣренія : дикое сердце его не могло рѣшиться, не могло посягнувъ на оскорбленіе твое, которую любилъ со всею нѣжноспію родителея : одно лишь честполубіе возмогло распоргнувъ узы, которыми соединень былъ съ Зюлейкою.

VII.

„Зюлейка, милое дитя мое ! Нынѣшній день покажеть, сколько ты любезна моему сердцу ; ибо я забываю собспвенную скорбь, забываю, что долженъ буду распаться съ предметомъ нѣжнѣйшей моей попечительности : ты будешь принадлежать не опцу нвоему, а уже другому человеку ; я назначилъ тебѣ супруга. Никогда еще воинъ, болѣе храбрый, не водилъ арміи къ побѣдѣ. Хотя сыны Магомета мало уважающъ благородство крови, но я долженъ сказать, что по-

помство Каразмана (6) всегда было знаменитѣйшимъ въ неуспрашимыхъ полкахъ Тимариошовъ, храбросію евою завоевавшихъ страну, копорую иже храбросію сохраняя навѣки; однимъ словомъ, избранный въ женихи тебѣ еси родственникъ Оглу-Бея. Излишнимъ почиаю говорить тебѣ объ его возрастѣ: я не согласился бы опрока имѣть своимъ зятемъ. Ты получишь приданое, достойное сего брачнаго союза. Когда могущество мое подкрѣпится могуществомъ зятя; тогда ему и мнѣ можно будетъ презирать фирманы смерти, предъ которыми всѣ подданные Султана препенуль, и скоро узнають исполнители его велѣній, какая судьба ждетъ сихъ посланниковъ, являющихся съ роковыми сурками (7). Теперь извѣстна тебѣ родительская воля: я скажу тебѣ все, что нужно знать особѣ твоего пола. Мое дѣло пребывать, чтобы ты была послушною; будущій зять мой изъяснитъ тебѣ обязанности супружества.

VIII.

Зюленка хранила молчаніе; голова склонилась къ груди ея. Она несмѣешь дашь волю слезамъ: чувство, которое преодолѣшь спаралася, смѣняло на лицѣ ея багряносшь бѣлизною; казалось, что слова, къ ней произнесенныя, поразили слухъ ея, подобно свисту спрѣлы убійственнѣйшей! Но какое было сіе чувство? Другаго не могло бышь кроме спраха дѣвицы боязливой. Самая слеза въ рѣсницѣ красосшь споль прекрасна, что любовь почши съ раскаяніемъ жалѣеть; за чѣмъ ея осушила своимъ поцѣлуемъ; багранецъ на челѣ спыдливосши сполько любезень, что самая жалосшь несмѣешь пожелашь, чтобы его не спало. Если такъ думаль и Джіаффиръ, то онъ скоро забыль о томъ, что думаль; по крайней мѣрѣ онъ необнаружилъ своихъ мыслей. Джіаффиръ при раза ударяеть въ ладони (8); пребуеть своей лошади; кладеть въ спорону свой чубукъ, украшеннѣй дорогими камнями (9); съ

проворствомъ юноши вскочивъ на коня, скачетъ на лугъ, окруженный маграбисами (10), делисами (11), мамелюками, которые опираются участвовать въ играхъ воинственныхъ, сражались на сабляхъ или на шупыхъ копьяхъ: Кизляръ и подвластные ему Мавры остались одни при крѣпкихъ затворахъ гарема.

Между шѣмъ Селимъ, склонивъ голову на руку, водить взоры свои надъ волнами синяго моря, которое тихо вздымаясь, шепчетъ въ Дарданельскомъ проливѣ. Но невидитъ онъ ни земли, ни моря; даже не примѣчаетъ пюрбановъ на сражахъ Паша Джіаффира, подвизающихся на полѣ примѣрнаго сраженія. Воины сіи навываютъ искусству наносить вѣрные удары саблею, разсѣкая свернутый войлокъ (12); бросающъ копья, издавая дикіе вопли и оглашая воздухъ громкими восклицаніями: Олла (13)!... Селимъ ничего неслышитъ; душа его

занята единственно дочерью Джаффира.

X.

Зюлейка вздыхала. Ея взоры обратились на Селима: онъ блѣдень, безмолвень, погружень въ глубокую думу. Зюлейка немогла угадать, чюдъ было виною печали ея брата: она сама грустила, но конечно, по другой причинѣ. Сердце ея въ движеніи; но слабость или боязнь удерживающъ языкъ ея, и она все еще не смѣлтъ изъясниться. „Возможно ли!“ воскликнула Зюлейка: „братъ мой отворачаетъ взоры отъ мной, которую недавно любилъ столь нѣжно! Никогда еще не поступалъ онъ со мною какъ сегодня! О Небо! не уже ли таково должно быть наше прощанье!“ Трижды прошла она по комнатамъ, и взоры ея шщепно ждали встрѣпиться со взорами Селима. Она беретъ сосудъ, наполненный влажною сущностію розы Персидской (14) и шико льепъ благовоніе на помоспъ и на испещренныя

спѣны (15); немногія капли падають на богашую одежду Селима, орошають трудъ его, подобно мрамору нечувствительную къ привѣшу любви невинной. »Что мнѣ думаешь? Ты все еще въ мрачныхъ мысляхъ! Ешаго ли ждала я ошь брата?« И Зюлейка замѣчаетъ въ цвѣтницѣ прекраснѣйшіе цвѣты Воспока, »Нѣкогда Селимъ охотно любовался ими: изъ рукъ моихъ они и пещерь будутъ ему приащны.« Сорвавъ розу, она съ милой улыбкою преклоняетъ колѣна, и подаетъ ее Селиму. »Вопь посланница ошь соловья, съ упѣщеніемъ въ печали къ братцу (16) и съ добрыми вѣспями. Въ наспувающую ночь онь будетъ продолжашъ свои цѣсни, споль приащныя лвоему слуху, и вмѣсто обыкновеннаго, нѣскольکو меланхолическаго напѣва, въ нынѣшній разъ постарается издавашъ веселые звуки. Желая, ошь души желаю, чпобы необманулса онь въ своей надеждѣ, и чпобы новая мелодія разсѣяла печальныя швом мысли!

„Но тебѣ не понравился прекрасной цвѣтнокъ мой! О я злополучная! Почему не хочешь обратишь взоръ къ вѣрному своему другу! Развѣ не знаешь, что никто больше меня тебѣ не любилъ? Милый Селимъ, предмешь нѣжнѣйшихъ заботъ моихъ! меня ли ненавидишь, или боишься? Приди, преклони голову къ груди моей. Постараюсь утѣшить тебя въ моихъ объятіяхъ, когда уже ни слова мои, ни пѣсни, ни даже соловьиный голосъ немогутъ тебя успокоить. Не рѣдко уже я замѣчала суровость родителея нашего; но въ первый разъ еще ты кажешься разгнѣваннымъ на сестру свою. Миѣ извѣстно, что Джіаффиръ тебѣ нелюбилъ; но развѣ забылъ ты, что Зюлейка любилъ тебя никогда непереспавала? Конечно намѣреніе Нами. . . . Ешотъ родственникъ Бея Карамана, можешь быть, врагъ швой. Если такъ, то клянусь гробницею Пророка (если гробница его неопровер-

гаешь женскихъ моленій, ибо намъ запрещено къ ней приближаться), клянись, что безъ твоей воли, безъ твоего свободного согласія ниже Султанъ самъ не будетъ имѣть власни располагать моею рукою. Думаешь ли, что могу удалиться отъ Селима, что могу дѣлать съ другимъ сердце, которое все принадлежитъ одному Селиму? Когда переспану житьъ близь тебя, ты лишишься друга, а сестра твоя лишилась наставника. Никогда не наступитъ часъ нашей разлуки. Самъ Азраиль (17), когда броситъ онъ стрѣлу ужасную, разлучающую все въ Природѣ, самъ Азраиль превратитъ сердца наши въ персть неразлучную.“

XII.

Селимъ ощутилъ себя возродившимся при сей сладостной рѣчи; дыханіе въ немъ возстановилось; члены его снова получили движеніе и чувствительность: онъ спремился поднимать сестру, споявшую передъ нимъ на колѣнахъ. Испупленіе ума его раз-

съялось; мысли, долго бывшія омраченными, снова заблестали въ оживленныхъ взорахъ: сіи мысли пламенили въ душѣ его, хотя взоры сіяли не ослѣпляющими лучами. Пошокъ, долго незримый подъ ивами береговъ своихъ, внезапно разширяетъ воды подъ открытымъ небомъ; огни молній сверкають изъ черной тучи: такъ душа Селимова сверкаетъ въ очахъ сквозь длинныя рѣсницы. Конь мгновенно вздрогнувшій при звукѣ трубы военной, левъ бросающій въ разныя стороны спяю псовъ дерзновенныхъ, пираня внезапно пробужденный невѣрнымъ ударомъ кинжала — мучатся безпокойствомъ, едва ли равнымъ тому, какое свирѣпствовало въ душѣ Селима.

Наконецъ даетъ онъ свободу чувствамъ, которыя клубились въ его сердцѣ. „Теперь ты моя, моя навѣки, и одна лишь смерть разлучитъ насъ возможешь! Такъ, ты принадлежишь мнѣ, и швоя клятва, хотя одна лишь ты

произнесла ее, соединяетъ насъ неразрывнымъ союзомъ. Хорошо! любовь счастливую мысль въ тебя вдохнула: швоя клятва спасла голову не одному челоуѣку. Ты блѣднѣешь? Нечего спрашиваться; къ тебѣ сердце мое питаетъ неизъяснимую нѣжность. Ты священный предметъ для Селима; ни за всѣ сокровища Испакара (18) не дерзнулъ бы я оскорбить послѣдняго изъ волосковъ, украшающихъ чело швое. Въ нынѣшнее упрямые виды спустились надъ моею головою; меня обременили оскорбленіями, и Джіаффиръ по чпи обвинялъ меня въ подлой шрусоспи. Теперь имѣю причины показать свою храбрость. Нелюблю хвалиться мужествомъ; но шопъ, кого дерзнули назвать сыномъ презрѣнной рабыни, носишь въ себѣ такое сердце, которому неспрашны ни слова его, ни угрозы. Я сынъ его! Развѣ шолько любовь Зюлейки даетъ мнѣ право шакъ называться, или по крайней мѣрѣ имѣю надежду сдѣлаться его сыномъ. . . Но скроемъ ошъ всего швѣша нашу клятву.

„Я знаю непогрѣбнаго, которой держашь просишь руки швоей у ДжіаФфира. Никогда Мусселимъ (19) неимѣлъ души столь подлой и необладавъ богатствомъ, приобрѣшеннымъ столь безчестно. Развѣ не въ Егрипѣ онъ родился (20)? Даже Еврей можешь передъ нимъ щещславиться своимъ происхожденіемъ. Небудемъ унывать, и поспараемся хранишь нашу шайну: прочее осшавимъ времени. Я найду людей, которые возмушь мою спорону въ дни опасности: узнай, что я не лно, чѣмъ ты почишала меня донынѣ; у меня ешь оружіе, друзья, и мщеніе мое голово.“

XIII.

— Ты не лно, чѣмъ я тебя почишала? О Селимъ! о мой возлюбленный! какая печальная переменна съ шобою! Сегодня упромъ ты былъ шакъ тихъ, шакъ любезень; а шеперь вовсе на себя непоходишь. Извѣсна шобѣ моя дружба; она никогда во мнѣ неослабѣеть, она же никогда и усилишься не

можешь. Мое счастье тебя видѣль,
тебя слушалъ, былъ всегда съ побою.
Непонимаю, опъ чего ночи для меня
ненавистны; опъ того, былъ можешь,
что мы только днемъ бываемъ вмѣстѣ.
Неимѣю бодрости опказывать себѣ
въ надеждѣ жить и умереть съ по-
бою. Дай мнѣ поцѣловать твои щеки,
твои очи, твои губы.... Еще... О
Небо! успа твои пылають!... Чего
можешь претовашъ опъ Зюлейки?
Упѣшашъ меня въ грусти, беречь
твое здоровье, пользоваться твоимъ
богатствомъ, но нераспочашъ его,
былъ всегда съ побою, никогда не жало-
вался на судьбу свою, украшашъ са-
мую даже бѣдность твою — однимъ
словомъ, дѣлашъ все для тебя (поль-
ко лишь незакрывать очей твоихъ въ
последнія минулы, ибо во мнѣ самой
недоспало бы жизни, дабы исполниль
сію печальную обязанность): вопъ къ
чему спремашся всѣ мои мысли. Могу
ли сдѣлать болѣе? Требуи.

Но скажи мнѣ, Селимъ, къ чему такая скрышность? Не могу постигнуть причины; но причина должна быть, ибо тебѣ она извѣстна. Не понимаю тебя, когда говоришь ты объ оружїи, о людяхъ, которые возмутъ пвою сторону. Я бы желала, чшобъ самъ Джіаффиръ былъ свидѣтелемъ кляпвы, мною произнесенной: гнѣвъ его незаспавилъ бы меня опъ нее опречься; но я несомнѣваюсь, чшо опецъ мой далъ бы мнѣ полную свободу. Кому покажется спраннымъ нѣжное мое желаніе сохранить чувства, которые всегда я къ тебѣ имѣла? Кто другой, кромѣ Селима, видалъ Зюлеику со дня ея рожденія? Кого другаго искала Зюлеика, чшобы провести время въ прилшномъ разговорѣ? Ты дѣлила съ нею забавы ея дѣлства; нынѣ ты же повсюду ее сопровождаешь. Сїи любезныя мысли начались вмѣстѣ съ бытіемъ моимъ; для чегожъ не могла бы я объявлять ихъ въ нынѣшнее время? Какая произошла перемѣна, и по какой

причинѣ должна я скрывать истину? Мы всегда уважали ее, и всегда тѣмъ гордились.: Законы, вѣра, Богъ запрещающъ намъ смолчать на постороннихъ: сердце мое никогда не спанетъ роптать на сіе повелѣніе; не обвиняетъ оно въ жестокости и Пророка, повелѣвшаго намъ исполнять оное; повинуюсь ему, и я счастлива: ешопъ законъ ничего меня не лишаетъ, ибо себя могу я видѣть во всякое время. Меня сокрушила одна мысль о соединеніи съ такимъ человекомъ, котораго никогда я не видала. Для чего не скажешь о семъ бабушкѣ? для чего желаешь ты, чтобы я шайлась? Мнѣ извѣстно, что высокомерный нравъ Паши никогда не являлся къ тебѣ благосклоннымъ. Часто гнѣвается онъ по причинамъ очень маловажнымъ, и дай Боже, чтобы никогда неимѣлъ онъ справедливой причины на тебя сердиться! Незнаю сама, почему душа моя опвращается опъ прищворства. Не уже ли шайна есть преступленіе?

Опъ чего же чувствую шомленіе при одной мысли, что я должна сокрытъ ее въ моемъ сердцѣ? О Селимъ! еще есть время; изъясни мнѣ невѣроятное, удали опъ меня безпокойныя мысли. Небо! я вижу приближающагося Чукадара (21)! Бапюшка возвращается, и я боюсь встрѣпиться съ его взоромъ. Ахъ, Селимъ! скажи мнѣ причину етому. —

XIV.

»Спунай въ свою комнату, Зюлейка! Безспрашно могу я встрѣпиться взоры Джіаффира; мнѣ надобно оспашья, надобно говорить съ нимъ о фирманахъ, о налогахъ, о наборѣ въ солдаты людей и о другихъ дѣлахъ государственныхъ. Получены неприятныя вѣсти съ береговъ Дуная; наши Визирь перяетъ лучшихъ солдатъ своихъ, гоняясь за успѣхами, копорыхъ всѣ слѣдшвія обращая въ пользу невѣрныхъ. Сулпанъ всегда готовъ награждать побѣды своего полководца.

„Но выслушай: сего дня вечеромъ, когда барабанъ сумерекъ позовешъ солдатъ къ ужину и опдыну, я приду въ лвое жилище; оспорожно, шихомы выдемъ изъ гарема, и въ нашей волѣ будешъ наслаждашься приапно-спію ночи. Высокія спѣны сада зашипялъ насъ; никшо непрерывель нашего разговора, никшо не сокранишь времени свиданія нашего; но еслибъ дерзнулъ кто — моя сабля: уже не одинъ безразсудный испыталъ ея крѣпость. Тамъ услышишь олъ меня шаймы, о которыхъ ты никогда еще не помышляла. Повѣрь, Зюлейка, я недолженъ бышь предметомъ швоего страха; тебѣ извѣсно, что у меня есть ключъ олъ гарема. . . .“ — Мнѣ боашься? тебя, Селимъ? Ахъ! никогда еще неказалъ ты мнѣ споль неприяшнаго слова. — „Неспанемъ перяшь времени; спупай, Зюлейка; ключъ у меня въ кармаиъ: спражи Гаруна уже получили нѣкоторую награду, и еще болѣе получили надѣюся. Въ ету

ночь, Зюлеика, такъ, въ нынѣшнюю
ночь ты узнаешь мою испорію, мои
намѣренія и причины моихъ опасеній.
Нѣтъ, милый другъ мой! нѣтъ, я не
то, чѣмъ кажуся.

Часть вторая.

I.

Сильными вѣтрами воздымаются
волны Геллеспонта, подобно какъ въ
ту бурную ночь, когда неуспрашимый
любovníкъ, единственная надежда Се-
спосской красавицы, дерзнулъ пре-
даться опасностямъ моря, повинуюсь
законамъ любви, забывшей простерть
къ нему руку помощи. Леандръ узрѣлъ
блескъ огня на краю горизонта, огня
возженного любовною надъ своимъ ше-
ремомъ, и ни ревъ разъяренныхъ вѣп-
ровъ, ни колебаніе пѣнистыхъ волнъ,
ни дикіе крики морскихъ птицъ, ничто
не могло напомнить ему объ опасно-
сти предпріятія. Тщешно буря за-
крывала небо облаками, тщешно воз-
дымала разъяренную влагу: очи его
ничего невидѣли, кромѣ фarosа любви,

единой звѣзды на горизонтѣ, которую онъ обыкъ привѣлспвовашъ; до слуха его недоходили никакіе звуки, кромѣ голоса возлюбленной: „о воды Геллы! неразлучайте болѣе любовниковъ!“ Такова древняя повѣсть; но любовь еще разъ можетъ возжечь въ юныхъ сердцахъ спрасль, споль же пламенную.

II.

Сильно дююшъ въпры, и Геллепоншъ шяжело кашпшъ грозныя, ревущія свои волны; пары ночные опускаюшся мало помалу и покрываюшъ сіи поля, обагреныя кровопролитіемъ бесполезнымъ. Пусшыня, гдѣ возвышался городъ, колпорымъ нѣкогда спарець Пріамъ гордился; могилы, единые слѣды его Царспва, все исчезло все, кромѣ безсмертныхъ мечпаній, восхищавшпхъ слѣпаго спарца, рожденнаго на утесахъ острова Скію.

III.

„Привѣлспвую васъ, берега, воспѣныя Гомеромъ! Спобы мои попирали священную землю вашу; я имѣлъ

дерзость ввѣряться волнамъ моря, которое васъ омываетъ! Почто еще и теперь немогу мечтать и плакать съ побою, о божественный Пѣвецъ Ахилла! немогу спривидѣвать по симъ мѣстамъ древности, благоговѣнно приближаться къ каждому холмику дерновому, какъ бы вмѣщаль онъ въ себѣ прахъ одного изъ героевъ; видѣть наконецъ сіе море, которое ты называлъ широкимъ Геллеспонсомъ (22)! Ахъ! какое сердце ледяное дерзнуло бы здѣсь вопрошивишься твоей Музою?

IV.

Ночь протекла тѣни свои надъ моремъ Геллы; но луна еще недоспигла вершины горы Иды, откуда нѣкогда она сіяла надъ героями Греціи; ни одинъ воинъ не проклинаятъ нынѣ лучей ея, и паспужи счастливые всегда ихъ благословляющъ. Спадамъ пасупся на могилѣ полубога, постигнушаго стрѣлами Париса. Сія высокая громада земли, вокругъ которой величественно ходилъ сынъ Юпи-

гера Аммона (25), сей памятникъ, воздвигнушый народами, увѣнчанный Царями, представляешъ нынѣ одно лишь пустынное мѣсто, неимѣющее никакого имени. О сынъ Пелея! какъ тѣсною должна бышь полоса земли, копорую ты занимаешъ въ епой могилѣ! Спранникъ, ищущій узнать ее, только лишь произносилъ одно швое имя. Прахъ людей обыкновенно долговѣчнѣ надгробнаго камня, на копоромъ вырѣзана ихъ исторія; но швой даже и прахъ пошерянь!

V.

Въ нынѣшнюю ночь Діана долго будешъ освѣщать пасѣуха со стадомъ и разгоняшъ опасенія мореходца. Между тѣмъ, до появленія благоливornaго свѣшила, ни одного маяка не доставлено на утесахъ, ни одной свѣшочи, къ копорой могла бы направилъ пушь ладія, носимая волнами; всѣ огни, въ разныхъ мѣснахъ сверкавшіе вдоль залива, мало помалу исчезли. Одинъ лишь огонекъ мерцалъ въ сіи часы

безмолвія: епо лампа, освѣщавшая шеремъ Зюлеики. Дочь Паши сидишь на шелковыхъ подушкахъ; прерасные персы ея бѣгають по благовоннымъ зернамъ янпарныхъ чепокъ (24). При ней ушварь, навсегда незабвенная: епо священный шализманъ (25) ея машери; онъ осыпанъ изумрудами и содержилъ въ себѣ спихи изъ Корана. Сія драгоценность имѣеть силу уполять скорби здѣшной жизни, и помогаетъ достигнуть благъ, обѣщанныхъ въ лучшемъ мірѣ. Подлѣ молиивенныхъ чепокъ лежишь Коранъ (26), украшенный богатою живописью; лежалъ свипки, блестящіе эмблемматическими изображеніями и заключающіе въ себѣ стихотворенія Персидскихъ поешовъ. Далѣ покоишься лира, о колпорой Зюлеика, вопреки своему обыкновенію, пеперь совсѣмъ непомышляеть. Вокругъ золотой чеканной лампы распавлены душистые цвѣты въ Кипайскихъ сосудахъ; богатѣйшія пѣкани Ирана, восхипительные аро-

мапы, копорые Ширазъ приносишь Пашѣ въ дань ежегодно, все наконецъ, что можешь лишъ очаровать чувства, — все собрано въ роскошномъ жилищѣ его дочери. Но что дѣлаешь Зюлейка, богиня сей храмины? чего ждешь она въ сію ужасную полночь?

VI.

Закупавшись въ одну изъ одеждъ черныхъ, копорую могушь носить только лишъ знатные Мусульмане, и копорую взяла она, дабы защишить ошь холодныхъ вѣтровъ грудь, безцѣнную для Селима, Зюлейка съ робкою оспорожностію идешь по кривымъ дорожкамъ сада; она препенцель при каждомъ глухомъ спонѣ вѣпра, при каждомъ движеніи листвьевъ. Уже достигла она до спези менѣ трудной, и боязливое сердце ея можешь бишься свободно. Юная дѣва слѣдуешь за безмолвнымъ пушеводителемъ и въ шайномъ спрахѣ жалѣель о перемѣ, ошь копорого удалялась; но могла ли она оспавишь любезнаго Селима? могли ль

уста ея произнести упрекъ тому, кого любила она споль нѣжною любовію?

VII.

Наконецъ дуспигаютьъ они гропа, изрыпаго Природою, расширеннаго человѣческими руками: сюда обыкновенно приходила Зюлеика играть на люпнѣ, или же выучивать на изустъ стихи Корана. Нерѣдко, погружаясь въ думу глубокую, спаралась она соспавить себѣ понятіе о Магометовомъ раѣ. Пророку не было угодно опкрыть смерпнымъ обипапельницамъ здѣшняго міра, въ какое убѣжище переселяются ихъ души; но Селиму извѣстна будущая судьба его, и Зюлеика не понимала, какимъ образомъ онъ возможелъ долго оспаваться въ жилищѣ блаженства безъ милой подруги, которую споль нѣжно любилъ въ здѣшнемъ свѣшѣ. Ахъ! и кто въ райскихъ селеніяхъ будетъ любить его, подобно Зюлеикѣ: какая гурія спанелъ распочать для него споль нѣжныя ласки?

VIII.

Съ этого времени какъ Зюленка посѣщала сію пещеру, въ ней, по всему кажепся, многое перемѣнилось; но можеть бытъ пора ночная причиною обмана, которой мгновенно исчезнешъ при дневномъ свѣтѣ. Лампа издаешъ лучи умирающіе, слабое подобіе мерцающаго неба. Но и при нихъ Зюленка усмаприваешъ въ одной впадинѣ странныя вещи, привлекшія на себя все ея вниманіе. Тамъ навалено было множество оружія; но ето оружіе не походило на то, какое делисы употребляютъ въ сраженіяхъ. Полосы и рукоятки сабель сдѣланы по образцу чужеземному; одна изъ нихъ еще обагрена кровію. Пяпно сіе конечно должно бытъ признакомъ злодѣйства; ибо какимъ образомъ можно проливать кровь, не дѣлая въ то же время преслушенія? На доскѣ стоишъ чаша, наполненная, какъ видно, необыкновеннымъ напитокомъ. Чпб значиль все, видимое ею? Она обра-

щаетъ глаза, ищетъ Селима. Не уже ли епо Селимъ сдоишь передъ нею?

IX.

Онъ сбросилъ съ себя богатую верхнюю одежду; голова его не была уже покрыта высокой чалмою, и виски его явились обвилыми тканью багрянаго цвѣта. Кинжалъ, осыпанный камнями, достойными украшать діадиму, уже болѣе неблеспаль у его пояса, на кошоромъ висящъ писполелы простыя, безъ всякаго украшенія. Перевязь поддерживаесть его саблю; на плечо его небрежно накинула епанча бѣлая съ капишономъ; какуюносящъ по морямъ спранспвующіе Кандіюшы; узкимъ изъ золотой ткани кафшаномъ стянута грудь его, какъ броню; верхняя часть спунени каждой ноги покрыта серебряною бляхой. Въ семь уборъ его бы можно принялъ за молодаго галіонджія (27), если бы взоры и движенія не показывали въ немъ начальника.

X.

„Я сказала тебѣ, что я не то, чѣмъ донынѣ ты меня почитала; истина словъ моихъ теперь для тебя подтвердилась. Расскажу неизвѣспную тебѣ исторію. О! у многихъ Мусульманъ исторгнешь она проклятія, когда узнають, что она справедлива! Не время нынѣ припворспвованъ! Не могу спертѣль, чтобы ты доспалась Осману; но еслибъ успа твои не опкрыли мнѣ, какое нѣжное участіе принимаешь во мнѣ Зюлейка, я бы могъ, я бы долженъ былъ не объявлять тебѣ глубочайшей тайны моего сердца: Въ сію минушу не говорю о любви своей: время и опасности, на которыя усспремляюсь, лучше всего докажутъ тебѣ истину. Между тѣмъ общайся мнѣ, никому другому не отдавай руки своей, кромѣ Селима. О Зюлейка! Селимъ не брашь тебѣ.“

XI.

— Ты не брашь мнѣ? О Небо! Оспрекись опъ пагубныхъ словъ тво-

ихъ. Не уже ли осуждена я жить одною въ мірѣ, жить и оплакивать свою долю? Недержаю проклиная день своего рожденія. Ахъ! ты не будешь любишь меня болѣе. Вспревоженное сердце мое предчувствовало несчастіе; но яви ко мнѣ милость, Селимъ! Почитай меня всегда шѣмъ, чѣмъ была я для тебя донинѣ, — своей сеспрою, своимъ другомъ, всегда своею Зюлейкой. Можешь быть, ты приведи меня сюда, чтобы поразить ударомъ смерти! Ищешь ли мщенія? Передъ тобою ольврышая грудь моя, и я спокрашно почшу себя счастливейше, сходя въ обитель умершихъ, нежели оставаясь здѣсь для тебя чуждою; можешь спаться, ты меня даже ненавидишь. Знаю теперь, олъ чего Джіаффиръ поступалъ съ тобою, какъ со врагомъ своимъ. Ты оскорбленъ ольцемъ моимъ, и я болѣе уже не сеспра тебѣ. Ахъ! если угодно тебѣ пощадить жизнь мою, дозволь мнѣ по крайней мѣрѣ быть швоей рабою. —

XII.

»Ты, моей рабою! Ахъ, Зюлеика! я, я швой невольникъ! Успокойся, нѣжный другъ мой! Судьба швая навсегда сопряжена съ моею; клянуся въ помъ гробомъ нашего Пророка, и мысль сія дабудеть цѣлебнымъ бальзамомъ для швоихъ гореспей. Начертанные на полось моей сабли стихи Корана (з8) пакъ да управляюшь ея движеніями, какъ я сохранию произнесенную мною кляпву. Должно перемѣнить имя споль сладосное для швоего сердца; но, Зюлеика, связавшія насъ узы не совсѣмъ распоргнушы. Хошя онецъ швой непримиримѣйшій врагъ мнѣ; но мой родипель былъ для Джіаффира шѣмъ, чѣмъ шы меня въ опношеніи къ себѣ почипала. Сей варваръ низложилъ своего брата, моего родипеля, и пощадилъ мое младенчество; онъ скрываль опъ меня испину, и получишь за шо свое возмездіе; воспипаль меня, никогда не оказывая мнѣ родипельскихъ попеченій. Я находился

при немъ какъ племянникъ другаго Каина (29); онъ безпрестанно наблюдалъ за мною, смотрѣлъ на меня какъ на скимна, уже грызущаго цѣпь свою, уже гошоваго ее распоргнуть. Родительская кровь кипитъ въ моихъ жилахъ; но для любви къ Зюленкѣ я опущу мое мщеніе, хотя и не могу долѣе оправдываться при Джіаффирѣ. Узнай теперь, о моя любезная! какія употребилъ онъ средства, чтобы роднаго брата принести на жертву своей коварной, варварской полипикѣ.

XIII.

»Откуда возникла распря отцевъ нашихъ? какимъ образомъ вражду свою prosperли они даже до ненависти? Зависть ли, любовь ли сдѣлала ихъ врагами? Теперь мало намъ въ томъ нужды, и мнѣ сіе неизвѣстно. Самыя легкія оскорбленія доспащочны нарушили покой двухъ сердець, исполненныхъ неукротимой гордыни. Рука Абдаллы спрашна была на полѣ брани; его имя и теперь еще славится въ

пѣсняхъ Босняковъ, и мяшежныя орды Пасвана свидѣтельствуютъ объ его храбрости. Я долженъ говорилъ единственно объ его смерти, жестокомъ дѣлѣ мщенія Джіаффира; долженъ объявилъ тебѣ, какимъ образомъ сдѣлалась извѣстною мнѣ пайна моего рожденія, возвратившая мнѣ свободу, которую похитилъ у меня онъ уже неимѣешь власти.

XIV.

»Сражавшись многіе годы, сперва за жизнь свою, потомъ за свое могущество, гордо властвовала Пасванъ (30) въ степяхъ Виддина. Паши, вѣрные Султану, соединили свои войска. Джіаффиръ и Абдалла, равные по начальству, привели дружины изъ своихъ пашаликовъ. Бунчуки ихъ (31) развѣвались при соединенной арміи на равнинахъ Софійскихъ. Шаптры были раскинуты, каждому Пашѣ назначено свое мѣсто, и братья могли бы дѣйствовать, не мѣшая одинъ другому. Но къ чему распросстраняться? Абдал-

ла погибъ; Джіаффиръ велѣлъ приготовишь ядъ шонкій, убійственный, подобный душѣ его. Абдалла подкрѣплялъ въ бѣнѣ силы свои, упомненная звѣриною ловлей; могъ ли думать онъ, что братъ угошовалъ ему подобное пипіе для утоленія жажды? Подкупленный невольникъ подаетъ роковую чашу; несчастный касается къ ней губами, и смерть уже въ его внутренности (32).

„Если ты сомнѣваешься въ истинѣ словъ моихъ, о Зюлеика! выступи Гаруна: онъ подтвердишь ее.

ХУ.

„Скоро послѣ сего злодѣйства война прекратилась, хотя и неуспѣли покорить Пасвана. Джіаффиру досталась въ наслѣдство область моего родителея: ты не знаешь, какую силу въ нашемъ Диванѣ даетъ богатство даже самому лютому изъ смертныхъ. Доспояніе Абдаллы получилъ шопъ, кто обогриль руки свои въ его крови невинной! Правда, онъ истощилъ

на то почти всѣ сокровища, незаконно
приобрѣтенныя; но скоро же и вознагра-
дилъ онъ себя за свою потерю. Желаетъ
ли знаешь, какими средствами? Взгляни
на поля невоздѣланныя; вступи безупѣшнаго
селянина, у котораго испоргнулъ онъ плоды
поповыхъ нрудовъ его. Но для чего
пощадишь сына своей жертвы? Какимъ
образомъ рѣшился держашъ меня въ
своемъ домѣ? Ешто мнѣ неизвѣстно.
Спыдь, раскаяніе, угрызенія; слабость
младенца, которой не могъ возбуждать
никакихъ опасеній; желаніе имѣшь усы-
новленнаго опрока, не получивъ отъ
Неба въ даръ собспвеннаго сына; какой
нибудь скрышной умысль; наконецъ
даже прихоть — вопшь гадательныя
причины, которыми я обязанъ сохра-
неніемъ своей жизни: но я не могу
жить въ мирѣ съ Джіаффиромъ; же-
сткой нравъ его неможешь смягчить-
ся, а вопіющая кровь родителя тре-
буешь мести.

XVI.

„Невольники отца своего не все ему верны; Джаффирь имеетъ враговъ въ своемъ собственномъ домѣ. Еслибъ я открылъ имъ свою пайну, мало бы минулъ оспалось ему жить на свѣтѣ: недовольнымъ нуженъ лишь предводитель, копорой управлялъ бы ихъ усиліями, и копораго рука указывала бы имъ, гдѣ поражать должно. Одному Гаруну извѣстна исторія, уже близкая къ своей развязкѣ. Въ сералѣ Абдаллы онъ отправлялъ ту же должность, какую отправляетъ нынѣ у его брата, и былъ свидѣтелемъ послѣднихъ его вздоховъ: но что въ силахъ сдѣлать проспой невольникъ? Опмстишь за господина? ахъ! ешо было бы уже слишкомъ поздно. Избавишь сына его отъ подобной участи? на ешо онъ и рѣшился. Между тѣмъ какъ побѣдитель враговъ своихъ, гордый коварствами Джаффирь наслаждался своимъ приумфомъ, Гарунъ привелъ меня въ его чертоги, и вешщепны были молебны

раба о сиропѣ безпомощномъ. Происхождение мое положено хранить въ тайнѣ опъ всего свѣша, особливо опъ меня, и сія предоспорожность успокоила пирана. Скоро потомъ Джіаф-фирь, оставивъ Ромелію и берега Дуная, переселился на сей опдаленный берегъ: изъ всѣхъ людей, при немъ находившихся, одинъ Гарунъ зналъ меня и мою тайну. Нубіянинъ во всемъ ошкрылся мнѣ: онъ понялъ, что тайны пирана суть цѣпи, опъ которыхъ съ радостію освобождается плѣнникъ. Такъ правосудный Алла злодѣйству даешь рабовъ, даешь орудія и сообщниковъ; но никогда не даруешь ему вѣрнаго друга.

XVII.

„Зюлейка! повѣсть моя должна показаться тебѣ ужасною; но еще ужаснѣе то, о чемъ теперь опъ меня услышишь: открою тебѣ всю испину, сколько бы слова мои ни оскорбили твою нѣжность. Ты вздрогнула, увидѣвъ на мнѣ сію одежду. Знай же, что

я часто имѣлъ ее на себѣ, и что долго еще носишь ее буду. Въ Галіонжѣ, принявшемъ твою кляпву, видишь — начальника морскихъ разбойниковъ, для кошорыхъ нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ ихъ сабель. Лице твое покроется бѣдноспію, когда услышишь ихъ ужасную исторію. Ты видѣла ешо оружіе: оно принесено моими солдатами, и они теперь недалеко отъ здѣшняго мѣста. Эта чаша наполняется для разбойниковъ, мною предводительствуемыхъ; вливаемое сюда питье даетъ сердцамъ ихъ опвагу и веселіе. Пророкъ можешь извинишь сіи рабскія души: имъ надобно пить вино, чтобы сдѣлаться нарушителами своего закона.

XVIII.

»И чему иному надлежало случиться со мною? Принужденный всегда [жить въ чертогахъ, и быть въ нихъ изгнанникомъ; осмѣиваемый, когда изъявлялъ желаніе испоргнувшись изъ ненавистнаго покоя, къ кошорому

меня осудили — я не имѣлъ ни коня, ни копія: Джаффиръ опасался научить меня употребленію того и другаго, и онъ же, о Магомешъ! онъ же, деспотъ, много разъ имѣлъ подлую дерзость оскорблять меня въ полномъ диванѣ, какъ будто слабая рука моя отказывалась попрысать желѣзомъ или управлять бродами! Оправляясь на войну, никогда не бралъ онъ меня съ собою; держалъ меня въ своемъ домѣ, лишеннаго надежды, славы, и осматривалъ подъ наблюденіемъ Гаруна вмѣстѣ съ подлыми его рабами. Но чтобы не все подвергать случайностямъ войны неизвѣстной, онъ отсылалъ меня въ крѣпкія сѣны Брусы до прекращенія непріятельскихъ дѣйствій, и такимъ образомъ оплачивалъ опять меня мою Зюлеику, чья нѣжность смягчала мою душу и по крайней мѣрѣ облегчала мою горечь. Гарунъ, видя, что духъ мой изнемогаетъ въ невольномъ бездѣйствіи, распоргалъ оковы мои на нѣкоп-

рое время, хопя не безъ боязни разскавался онъ съ своимъ плѣнникомъ. Онъ бралъ съ меня обѣщаніе возвратиться къ тому дню, когда исполнится срокъ начальства для Джіаффира. Языкъ мой не въ силахъ выразить радости, копорую ощутило мое сердце, когда, въ первую минушу свободы, увидѣлъ я землю, море, небо и солнце. Духъ мой, казалось, проникнулъ до глубины ихъ и открылъ все, что ни есть въ нихъ чудеснаго; одно лишь слово можешь дать себѣ понятіе о томъ, что происходило въ моемъ сердцѣ: свобода! я былъ свободенъ! Изнеможеніе мое исчезло, хопя и былъ я отдаленъ отъ Зюлеики. Мнѣ принадлежалъ весь міръ! что говорю я? самое небо, все мнѣ принадлежало!

XIX.

»Ладія вѣрнаго Мавра перенесла меня въ даль отъ здѣшняго берега. Желая видѣть острова, составляющіе багряную діадиму преспарълага Океана, я посѣтилъ каждой изъ нихъ одинъ

послѣ другаго (33). Но въ какое время и гдѣ именно соединился я съ морскими разбойниками, которые со мною вмѣстѣ поклялись шоржеспвовать побѣду, или погибнуть, — ещѣ часѣ моей исторіи ты узнаешь, когда исполнятся желанія наши.

XX.

„Морскіе разбойники, должно сказать себѣ, живутъ не подъ властію законовъ; они грубы въ своихъ поступкахъ и жестоки нравомъ. Люди всѣхъ націй, всѣхъ исповѣданій находятъ мѣсто между ними. Но опкровенность въ рѣчахъ, быспропа въ дѣйствіяхъ, повиновеніе къ начальнику, безстрашіе духа, готовность на всѣ предпріятія, взаимная дружба и вѣрность къ товарищамъ, кляшвенная обязанность мстить за погибшихъ — всѣ эти выгоды, съ которыми они будутъ полезны для моихъ предпріяній. Многіе изъ нихъ отличаются превосходнѣйшими качествами: такихъ призываю въ совѣтъ свой, и они

приносятъ съ собою всю гибкость ума, все благоразуміе Франковъ. Нѣкоторые спремятся къ высшему предназначенію: епо послѣдніе папріоты, сподвижники Ламбра (34), пришедшіе въкусишь между нами первые начашки свободы. Не рѣдко вокругъ огнища вершеча спорящъ они о мечшашельныхъ планахъ освобожденія Райясовъ опъ злосчасшнаго ихъ ига (35). Пускай веселятся они, бесѣдуя о равенствѣ правъ, опъ вѣка невѣдомыхъ людямъ. Впрочемъ я, я также люблю свободу.

„Ахъ! ничего сполько не желаю, какъ спранспвовать по морю подобно Папріарху Океана (36), или рисшашъ по землѣ подобно Тапарамъ (37). На берегу шашерь, на морѣ ладья — вопъ чшѣ предпочишаю и городамъ и сералямъ! Въ пустынь пускай конь мой скачешъ, куда хочешъ; на морѣ пусть ладья моя плаваешъ по волѣ вѣпровъ. А ты, о Зюлеика! будь пушеводною звѣздою спранспвующему спвоему дру-

гу; дѣлай со мною ладію и будь счастливою въ своей долѣ, будь голубицею мира и надежды въ ковчегъ моего убѣжища; посреди бурь жизни будь радугою для того, кто ошказался отъ чаянія наслаждаться счастьемъ въ здѣшнемъ мірѣ смяшеній и коварства; будь для меня лучемъ вечера, котораго улыбка разгоняетъ облака и котораго пророчесловенный блескъ предвѣщаетъ тихое утро. Я же буду благословлять тебя, какъ набожный странникъ благословляетъ пѣніе муецдина, раздающееся съ высокихъ минарель Мекки. Ты будешь восхитительна для меня, какъ прелесть голоса мелодическаго въ устахъ юной красавицы, прелесть испоргающая дрожащую слезу у нѣмага удивленія. Звуки голоса твоего будутъ для меня столь же милы, какъ напѣвъ родины для слуха изгнанниковъ. Бесѣдка изъ свѣжей зелени ждетъ тебя на сихъ островахъ прелестныхъ: она прекрасна, какъ Едемъ въ первые дни послѣ созданія

міра (38). Солни мечай извлекутся изъ ноженъ обороняшь тебя, по мановенію Селима: ты велишь — и они ударяшь, оспановяпся, или же испребляшь враговъ нашихъ. Дружина принесеть къ спопамъ супруги моей корыспи народовъ. Медленные годы бездѣйствія, наслажденія тарема. . . Можно ли предпочеть ихъ симъ забошамъ? чпó говорю я! не забошамъ, а ушѣхамъ жизни!

»Не ослѣпляюсь мечтами о будущей судьбѣ моей: повсюду мнѣ предспояшь безчисленные опасности; но нѣжность Зюленки всегда будетъ наградою прудовъ моихъ, хопя бы Фортуна переспала благоприятспвовашъ мнѣ, хопя бы даже мои друзья мнѣ измѣнили. Во время величайшихъ бѣдспвій, когда все вокругъ меня перемѣнипся, о! и тогда какъ буду счеспливъ я, видя швою вѣрность! Душа швая да будетъ въ швердоспи подобна Селимовой; душа Селима да будетъ мила тебѣ, какъ швая собственная.

Намъ должно услаждать всѣ наши горести, дѣлить всѣ наши утѣхи, сливать всѣ наши мысли. Зюлеика! мы навсегда неразлучны. Храбрые ждуть моихъ повелѣній. Мы всѣ друзья между собою, и враги всѣмъ прочимъ людямъ. Ахъ! и мы повинемся бурному стремленію, которое мачиха Природа вдохнула въ сердца человѣческія. Взгляни на мѣста сіи, гдѣ кровопролитіе прекрапилось, и гдѣ духъ завоеванія оспанилъ жестокіе свои подвиги: повсюду царствуетъ безмолвіе пустыни, и вопль чпо называющъ миромъ! Я человекъ, и я, какъ другіе, хочу слѣдовать моей склонности, хочу пользоваться моими силами. . . .

„Еще нѣсколько словъ, и я кончу. Тебѣ оспанаешь произнести одно лишь слово, и неизмѣримое пространство будетъ раздѣлять насъ опять враговъ нашихъ; говорю, опять враговъ: ибо не заслуживающъ ли они сего имени? Погаснешъ ли когда-либо ненависть ко мнѣ въ сердцѣ Джіаффира? Не долж-

на ли ты ненавидѣшь Османа, когда онъ вознамѣрился разлучить тебя съ Селимомъ?

XXI.

»Въ назначенный срокъ я возвратился къ моему спражу, чѣмбы предохранить его отъ подозрѣній и отъ смерти. Тайна морскихъ моихъ походовъ извѣстна очень немногимъ, и никто не разгласилъ ее; никто, въ отсуствіе мое, не объявилъ, что я плавалъ отъ одного острова къ другому. Съ того времени, хотя и весьма рѣдко я оставляю твердую землю, дружина моя ничего не предпринимала, и ничего не предприметь, неизвѣстивъ меня и не получивъ моихъ повелѣній. Я составляю планы нападеній, и я же распределяю добычу послѣ побѣды: справедливость пребудетъ, чѣмбы я чаще воздавалъ за труды моимъ воинамъ.

»Но уже слишкомъ долго я обременяю слухъ твой. Время не терпитъ отсрочки; ладья моя готова, и мы

Оспавимъ за собою только лишь страхъ и ненависть. Завтра Османъ явился съ своею свипой, а нынѣшняя ночь должна распоргнуть твои цѣпи. Слѣдуй за мною, Зюлейка! отправимся, если желаешь спасти жизнь епому высококомѣрному Бекю, а можешь спашься и своему родителю. Есть другія узы, копорыми привязана ты къ здѣшнему свѣлу. Оспречешься ли опъ кляпвы, добровольно произнесенной тобою? Не пугають ли тебя пайны, копорыя опъ меня услышала? Еслибъ и здѣсь я оспался, то конечно не для того, чпобъ видѣшь себя въ объятіяхъ другаго. Ахъ! одному мнѣ да угрожаютъ опасности!»

XXII.

Безмолвна и неподвижна была Зюлейка, подобно матери несчастной, копорая превращена въ испуканъ мраморный въ самое то мгновение, когда послѣдняя надежда ея исчезла навѣки. Все предспавляло образъ Ниобы въ юной дѣвицѣ, споль же злополучной,

хотя и младшей лѣтами. Еще успа
 ея не успѣли вымолвить ниже одного
 слова, еще глаза ея не могли дать оп-
 вѣла на взгляды Селима, какъ вдругъ
 показался дрожащій свѣтъ пламенника
 въ галлерей сада, въ слѣдъ за нимъ
 другаго, пошомъ прешьяго, наконецъ
 многихъ.

»Бѣги отсюда!« восклицаетъ Зю-
 леика: »теперь ты для меня драго-
 цѣннѣе брата!« Факелы съ быспро-
 шую приближаются по темнымъ ал-
 леямъ. Ихъ несутъ солдаты, воору-
 женные обнаженными саблями, коихъ
 гладкая сталь отражаетъ огненную
 багряность. Они бѣгутъ, преслѣду-
 ютъ, удаляются, опять приходятъ!
 и все съ убійственнымъ въ рукъ ору-
 діемъ и съ пупеводнымъ пламенникомъ.
 Позади всѣхъ ужасный Джіаффиръ, съ
 пѣною во рту отъ бѣшенства; онъ
 приближается, потрясая мечемъ сво-
 имъ. Уже они у входа пещеры. Ахъ!
 мѣсто сіе должно быть могилою Се-
 лима.

XXIII.

Селимъ неспрашивая, „Все кончилось!“ сказалъ онъ: „наступилъ часъ мой... Одинъ поцѣлуй, Зюлейка! послѣдній въ жизни! . . . Но поварищи мои должны быть недалеко отъ берега; они услышатъ сигналъ и узнаютъ огонь моего оружія. Насъ немного, предпріятіе безразсудное. . . . Нѣтъ нужды! опважимся на послѣднее усиліе!“

Онъ спремился ко входу пещеры, и ехо вдали впорилъ выспрѣлъ его нисполеша. Зюлейка не прецещеть; ни одной слезы непроливаетъ: опчаяніе оледенило ея очи и сжало въ ней сердце. „Они не слышатъ вѣсповаго звука! О небо! придущь и увидятъ меня уже мершвымъ. Выспрѣлъ привлечеть ко мнѣ всѣхъ враговъ моихъ... Теперь выходи изъ ноженъ, о мечъ моего родилеша! Никогда еще не выдерживаль пы сраженія споль неравнаго. Проспи, Зюлейка! возврапись въ замокъ; пы будешь шамъ въ безопасно-

спи, ибо гнѣвный Джіаффиръ накажетъ себя одними лишь укоризнами. Иди оспорожно; берегись, чшобы не повредили тебя удары мечей и пули. Безпокойшься о жизни опца своего? Не бойся, Зюлейка! Клянуся, что скорѣе погибну самъ, нежели рѣшусь поразить его; шакъ, даю обѣщаніе щадить его, хотя онъ обременялъ меня оскорбленіями, хотя пролилъ кровь Абдаллы, моего родителя. Но должно ли мнѣ съ покорносцік дожидаться ударовъ опъ сихъ невольниковъ? О! пускай лишь дерзнуть ко мнѣ приближись: всѣ, кромѣ его, оцущають силу меча Селимова.»

XXIV.

Быспро повернулся онъ, и уже достигаешь сыпучаго берега. Одинъ изъ отважнѣйшихъ палъ уже опъ его ударовъ; пѣло несчастнаго препенцель и опдѣленная опъ шуловица голова съ ропломъ испускаетъ вздохъ послѣдній. Еще и другой падаетъ. Но Селимъ окруженъ врагами; онъ разма-

живаесть на всѣ спороны, чѣобы проложишь себѣ дорогу, оспанавливаесться у самаго берега, видишь свою лодку. Еще пяшь ударовъ веслами, и дружина его была бы съ нимъ вмѣспѣ. Они напрягають всѣ усилія. Ахъ! успѣють ли спаси своего начальника? Уже ноги его на подводныхъ камняхъ; поварищи бросающся вѣлавъ и мечи ихъ сверкають среди морской пѣны. Наконецъ они спутили на берегъ; выходящъ разъяренные, чѣобы лишь кровь ручьями. Но кровь Селима обогрила уже горькую воду.

XXV.

Спасшись ошъ стрѣлъ и мечей солдатъ Джіаффиновыхъ, или по крайней мѣрѣ легко раненный и незамѣпившій пого въ жару сраженія, оспавленный Форшуную, обремененный изнеможеніемъ, Селимъ доспигъ уже до мѣспа, гдѣ волны разбивались о берегъ. Тамъ стопа его въ послѣдній разъ оспавляла землю, и рука его въ послѣдній разъ наносила ударъ смерти. Ахъ!

почто обратилъ онъ чело, чтобы взглянуть на ту, кого взоры его щепно искали? Пагубная минуца! горесипное доказательство любви среди опасностей грозных! Взглядъ сей долженъ стоить ему или жизни, или неволи; но любовники никогда не перестаютъ надѣяться. Селимъ опять успремилъ взоры на сопоспашовъ; скачуція волны принесли къ нему поварицей, и уже они сражаются. Вдругъ засвистѣла въ воздухъ пуля и раздалась слова ужасныя: „Такъ гибнуть всѣ враги Джаффира!“ Чей голосъ произнесъ ихъ? Какъ называется имя шопъ воинъ, котораго оружіе потрясло воздухъ, и чья пуля разсѣкла мракъ ночи? Епо ты, убійца Абдаллы! Старая злосць мѣлко направляла свои удары. Ошца заставилъ ты продолжительно бороться со смертію; но сынъ обрѣлъ себѣ мгновенную кончину. Кипящая кровь, брызнувъ изъ груди его, обагрила пѣнисную воду. Губы его усиливались издашь нѣсколь-

ко словъ послѣднихъ; но шумъ валовъ недозволилъ ихъ слышать.

XXVI.

Заря упрежня медленно разгоняетъ облака; немногіе профей свидѣтельствуютъ о военныхъ дѣйствіяхъ минувшей полуночи. Молчаніе смѣнилось вопли, копорые наканунѣ раздавались по заливу. Но и берегъ окровавленный сохранилъ нѣкоторыя знаки убійства. На песокъ оспаются еще слѣды воиновъ, багряные оппечатки рукъ и ногъ, боровшихся съ судорогами смерти; тамъ и здѣсь лежатъ куски изломанныхъ ружей. Нѣсколько далѣе оспамокъ погасшаго пламеника и ладія безъ весель; тамъ епанча бѣлая кинуша на кучѣ пороспа у самаго моря. Она разорвана на двѣ части и валы не смыли на ней пятна кроваваго.

Но гдѣ же носившій на себѣ епу одежду? О вы, желающіе плакать надъ его оспаками! плавайте по морямъ, ищите ихъ. Зыбь увлекла уже ихъ

къ водамъ Сигея, или къ камениспымъ берегамъ Лемноса. Пшицы морскія издають дикіе вопли, перзая прупъ, движеніемъ волны уносимый на минушу опъ алчнаго ихъ кліова. Сія рука, шо подъемлемая, шо опускаемая волнами, кажешся, еще грозить слабымъ ударомъ, хопя ея движенія уже не управляющся жизнью.

Что́ нужды, что́ плошь Селима лежишь въ живой могилъ? Пшица, расперзавшая блѣдное чело его, опняла лишь добычу у другихъ живошныхъ, еще болѣе презришельныхъ. Ее нѣшь уже болѣе, нѣшь единственной женщины, коея сердце облилось бы кровью при видѣ издыхающаго Селима; нѣшь шой, чьи они пролили бы слезы объ его смерти: Зюлейка собрала бы разбросанные члены его, рыдала бы надъ его могилой. Но сердце ея расперзалось, очи ея закрылись: они закрылись еще прежде очей любезнаго.

XXVII.

Чьи звуки плачевные слышу я при водах Геллы? Кто сии женщины съ мокрыми опъ слезъ глазами? Кто женщины, у которыхъ печальныя и блѣдныя лица? О Зюлейка, послѣдняя опрасль фамиліи Джіаффира! Назначенный супругъ швой опоздалъ своимъ прибытіемъ, и себя онъ вѣчно неувидишь. Можешь ли не узнать онъ вулвулеговъ (39), которые скажутъ ему объ его несчастіи? Женщины, у дверей гарема плачущія; голоса, поющіе гимнъ смерти; невольники, спящіе въ безмолвномъ ожиданіи, сложивъ крешомъ руки на груди своей; вздохи, которыми наполненъ весь замокъ; вопли, разносимые вѣтромъ — все очень скоро возвѣститъ ему объ его судьбѣ несчастной.

Ты не видала кончины любезнаго швого Селима; сердце швое оледенѣло въ шу ужасную минушу, когда онъ удалился опъ пещеры. Селимъ былъ швоя надежда, радость, любовь швоя;

Селимъ для себя все, и еша одна мысль была доспапочно умеривить себя, когда ты увидѣла, что спасши его неможешь: ты издала ужасный вопль, и несчастія твои свершились. Миръ твоему расперзанному сердцу, миръ могилѣ дѣвы! Но, ахъ! ты была счастливою! Съ жизнью ты лишилась и того, что ни есть въ ней самаго мучительнаго; твоя скорбь, хотя весьма горькая и ужасная, была и первою, копорую ты испытала. О счастливая призрапы! уже неспрашно тебѣ могущество ни опсущствія, ни спыда, ни гордоспи, ни злобы, ни мщенія, ни угрызений! А та неизъяснимая попка сердца, весьма близкая къ самому плачевному безумію; епоть червь никогда неумирающій и незнающій сна во вѣки; еша мысль, опъ копорой дни бывающъ мрачными, а ночи ужасными; чувство, копорое боится тмы, опвращается опъ свѣта, и вкрадывается въ пренепное сердце для того лишь, чтообъ извурять его! . . .

Горѣ себѣ, деспотъ неумолимый и безразсудный! Тщельно покрываешь шты голову свою пелломъ, щельно покрываешь рубищемъ свое плѣло. Селимъ пораженъ шюю же рукою, копорая Абдаллу погубила: нынѣ исторгай волосы изъ бѣдой бороды своей въ знакъ печали. Любимица швоего сердца жестокаго, обреченная шобою въ подруги Осману, сія дщерь, копорой немогъ бы даже Сулшанъ увидѣшь безъ желанія имѣшь ее своей супругою — ее нынѣ уже на свѣшъ! . . . Надежда швоей старосши, единый лучъ вечера сумрачнаго, единая звѣзда блиспала на берегу Геллеспонша: кпо погасиль ее? Кровь, пролишая шобою. Внимай, Джіаффиръ, внимай опголоску на часпые вопросы, опчаяніемъ швоимъ произносимые: гдѣ дочь моя? — *Гдѣ догь моя?* опвѣчаешь ехо (40).

XXVIII.

Есть одно мѣсто, копорого земная поверхность убѣлена камнями штысячи гробницъ, осѣняемыхъ печальнымъ

кипарисомъ. Дерево сіе никогда невя-
нешь, копя зеленъ его имѣнъ на се-
бѣ признаки вѣчной меланхоліи, или
любви, въ надлежащее время невозна-
гражденной взаимнымъ чувствомъ. Въ
эпомъ мѣстѣ сѣшоваія, посреди сихъ
рощицъ смерти земля всегда покрыва
цвѣтами. Какая ешо роза, уединенная,
пабяющая смиреннымъ своимъ убор-
ромъ? Блѣдная и помная; можно по-
думать, что ее само опчаяніе здѣсь
возрастало; легчайшій вѣтерокъ, по
видимому, долженъ оборвать всѣ ея
листья: не смотря на то, ни бури,
ни дожди ее неповредили! Пускай ру-
ки, и зимняго неба суровѣе, сломятъ
ее на стеблѣ; щещино! На другой
день вы приходите, и она снова зеле-
нѣешь; духъ незримый поднимаетъ ее
слепка и орошаетъ небесными слезами.
Дщери Геллы имѣють справедливую
причину думать, что ешо цвѣтъ не
земнаго происхожденія, когда небопл-
ся онъ убійственнаго дыханія бури, и
освѣжается безъ всякой помощи поспо-

ронней; онъ никогда невянеть, хотя бы весна опказала ему въ своей влагѣ, или солнце льпнее въ своей улыбкѣ. Неизвѣстная ппичка чрезъ всю ночь поеть на куствѣ розовомъ; звуки ея споль сладоспны, какъ пѣнне гурій небесныхъ. Меланхолическое горлышко соловья никогда не издавало подобной мелодіи; ибо всякой, кто ни слушаетъ се, не можетъ опойти прочь: всѣ оспанавливаются и вздыхаютъ, какъ бы чувствуя любовь безнадежную. Но споны такъ для нихъ приятны, и въ грусти ихъ такъ мало боязни, что всегда съ неудовольствіемъ встрѣчаютъ они утро, копорымъ прекращается очарованіе. Все еще желали бы они слушать и плакать, когда при возвращеніи дня переспаютъ слышать пихую и спраспную мелодію таинственной ппички. Нѣкоторымъ малюпкамъ даже казалось (спакоты мечпы младенческа!), будто прогашельной голосъ ея произносилъ (41) имя Зюлейки. Сказываютъ,

что имя споль нѣжное въ самомъ дѣ-
лѣ опдается въ воздухъ съ вершины
кипариса , осѣняющаго гробницу.

На землѣ , копорюю покрывается
прахъ ея , расцвѣтъ кустъ нѣжной ро-
зы: на мѣстѣ семъ былъ прежде сполбъ
надгробный ; поупру пославили его ,
на другой день его не спало. Не смерт-
ная рука перенесла на берегъ моря
ешопъ мраморъ , копорой былъ углуб-
лень и споялъ крѣпко на прежнемъ
мѣспѣ. Преданіе говоритъ , что его
нашли именно тамъ , гдѣ Селимъ сра-
жень смерпельнымъ ударомъ : тамъ о
мраморный камень ударялись волны
шого моря , копорое носило на себѣ
шрупъ его , лишенный погребенія. Мол-
ва гласитъ , что на томъ же мѣспѣ
по ночамъ видна бываетъ блѣдная го-
лова въ шкурбанѣ : пошому-шо и спю-
ящій у воды надгробный камень слы-
ветъ *изголовьемъ тѣни морскаго раз-
бойника*. На прежнемъ его мѣспѣ раз-
цвѣла роза , символъ сѣшванія ; она

разцвѣла и въ другой разъ, покрывая
 каплями росы, печальная, блѣдная,
 подобная ланипѣ красоны, проливаю-
 щей слезы, когда слушаешь она пла-
 чевную повѣсть.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

- (1) Souls made of fire, and children of the sun
 With whom revenge is virtue.

Joung's Revenge.

Огненные души, чада солнца, для
 копорыхъ мщеніе есть добродѣтель.

- (2) *Мейнунъ* и *Леила* на *Воспокъ* по
 же, что у насъ въ Европѣ *Ромео* и
Юлія. *Сади* — имя нравоучитель-
 наго спихотворца Персидскаго.

- (3) Въ Турціи бьютъ въ барабанъ при
 восхожденіи солнца, въ полдень и въ
 сумерки.

- (4) Турки ненавидятъ Арабовъ, копо-
 рые съ своей стороны плашятъ имъ
 спорицею; еще болѣе ненавидятъ
 Арабовъ, нежели Хрістіянь.

- (5) Авторъ знаетъ, почему упопре-
 билъ сію фразу. Г-жа *Сталь* въ со-
 чиненіи своемъ о *Германіи* весьма
 краснорѣчиво доказываетъ сходство
 между живописью и музыкой.

(6) Каразманъ-Оглу, или Кара-Османъ-Оглу есть главный помѣщикъ въ Турціи; онъ управляетъ Магнезіей. Тимаріетами называются Турки, по праву почти феодальному владеющіе землями, и обязанные за то отправлять военную службу. Подобно Спагамъ, они выславляютъ число солдатъ, соотвѣтствующее пространству ихъ владѣній. Вообще служатъ они въ конницѣ.

(7) Если Паша видитъ себя довольно сильнымъ и можетъ пролившись Султану; то обыкновенно по его приказу умерщвляются чиновники, отправляемые къ нему съ роковымъ смуркомъ изъ Константинополя; нередко пять или шесть подобныхъ вѣспниковъ одинъ за другимъ предаются смерти возмущившимся Пашею. Но если, напротивъ того, Паша не можетъ или не хочетъ проливаться своему повелителю; то преклоняетъ голову, цѣлуетъ подпись, руки Султана и смиренно дозволяетъ удавить себя. Въ 1810 году на вооруженіи серала выславлены были головы многихъ Пашей, подпавшихъ подобной казни, и въ числѣ ихъ находилась голова Паша Багдадскаго, храбраго молодого человека, кошо-

рой, оборонявшись опчаянно, были убиты посредствомъ измѣны.

(8) Турки бьютъ въ ладоши, когда надобно имъ позвать невольниковъ; они не любящъ распочать словъ безъ особенной нужды, а колокольчики у нихъ не въ употребленіи.

(9) Мушпуки чубуковъ Турецкихъ обыкновенно бывающъ янтарные; у богачей они, равно какъ и самыя трубки, иногда украшаются дорогими каменьями.

(10) Мограбисы — это наемные Мавры.

(11) *Делисами* называются опчаянные удалцы, служащіе въ конницѣ. Они обыкновенно начинаютъ атаку.

(12) Турки употребляютъ свернутой войлокъ, когда упражняются въ искусствѣ управлять саблею. Только ихъ страны оружіе удобно можетъ разсѣкать подобныя вещи за однимъ разомъ. Иногда употребляется весьма крѣпкая чама для подобныхъ опытовъ. Джерридъ есть примѣрное сраженіе на шупыхъ копьяхъ — игра, пребующая необыкновеннаго проворства и самая живописная.

(13) *Олла, Алла-илъ-Аллаеъ*: первое слово правильнѣе. Это есть воскли-

цаніе, слишкомъ часто употребляемое Турками, впрочемъ молчаливымъ народомъ. Они повсюду охотятся, во время игры въ шупья копы, а особливо на сраженіи. Живость ихъ на войнѣ, въ продолженіе самой битвы, представляетъ удивительную проптивуположность съ шюю медлительною важностію, которая наблюдается ими, когда сидятъ они у себя дома, курия шабакъ и перебирая зерна чешокъ (комбалою).

(14) Эссенція розы называется Апартъ-гюль. Драгоценнѣйшею почищающею Персидскую.

(15) Въ Турціи, въ большихъ домахъ, стѣны бывающе расписаны, и обыкновенно изображающе на нихъ виды Константинополя. Краски весьма ярки; но ни одно изъ правилъ перспективы не наблюдается. На панеляхъ бывающе изображены въ маломъ видѣ довольно красивые профей изъ ружей и сабель.

(16) Много было споровъ о томъ, какого свойства пѣніе любовника розы — веселое ли оно, или печальное. И теперь еще мнѣнія о семъ различны.

- (17) Азраилъ — ангель смерти.
- (18) Сокровища Сулпановъ, жившихъ будто бы до Адама. См. у Гербелота спашью: *Истакаръ*.
- (19) *Мусселимъ* значилъ вообще правитель. Епо первой чиновникъ послѣ Паши; за нимъ слѣдуетъ *Воевода*, а за симъ уже Ага.
- (20) Негрепоншъ называется у Турковъ Егрипо. Есть пословица: Негрепоншскіе Турки, Салоническіе Жиды и Аѣинскіе Греки никуда негодятся.
- (21) Чувадаръ — домашній служитель, предшествовающій своему господину, челоуьку значнаго чина.
- (22) У Гомера Геллеспоншъ названъ *ἀπειρος* — *безпредѣльнымъ* или по крайней мѣрѣ весьма широкимъ. Ученые различнымъ образомъ шѣлкують сіе слово. Лордъ Бейронъ, на самомъ берегу Геллеспонша, былъ свидѣтелемъ спора о значеніи упомянушаго эпистета, и чтобы увѣриться въ *безпредѣльности* сего пролива Геллы, рѣшился переплыть его, подобно Леандру. Онъ полагаетъ, что Гомеръ упоиребилъ гиперболу. Такъ

възреницы, увѣряя во всегдашней привязанности, подъ словомъ свѣ-
ность разумѣюшь двѣ или три не-
дѣли.

(23) Александръ Македонскій, передъ
вторженіемъ своимъ въ Персію, по-
сѣщаль гробницу Ахиллову, и оспа-
ри ея увѣнчалъ лаврами. Въ послѣд-
ствіи времени поже самое сдѣлалъ
Каракалла.

(24) Амбра, когда потерѣшь ее, из-
даетъ легкой, но весьма приятной
запахъ.

(25) На Воспокъ всѣ вѣряють силѣ
словъ, вырѣзанныхъ на драгоцен-
ныхъ камняхъ, или вложенныхъ въ
золотые ковчегцы. Епѣ обыкновен-
но бывають стихи изъ Корана, и
ихъ носятъ на шеѣ, или же навязыва-
ють на руку въ видѣ запястья. Сти-
хамъ о Корси (пресполь), изъ вто-
рой книги Корана, приписывается
величайшая сила, и набожные Му-
сульмане вырѣзываютъ ихъ на ушва-
ряхъ своихъ, какъ самое драгоценное
и высокое изъ всѣхъ нравоучитель-
ныхъ изреченій.

(26) У Мусульманъ чепки называющіяся
комболою. Рукописи восточныя, въ
особенности же Персидскія, украша-

ются богатою живописью. Греческія дѣвушки вообще воспиываются въ глубокомъ невѣжествѣ; напрошивъ того многимъ Мусульманкамъ дается воспитаніе весьма тщательное — само собою впрочемъ разумѣется, что юныя Турчанки при всей восточной своей образованности, были бы не самыми блестящими особами въ обществѣ Хрістіянокъ.

(27) Галіонжій, или Галіонжей — Турецкой мореходецъ. На корабляхъ сей націи мапросы бывають изъ Грековъ, а солдаты Мусульмане. Уборъ Галіонжеевъ чрезвычайно живописенъ. Лордъ Бейронъ часто видалъ въ немъ Капитана - Пашу подъ завѣсою инкогнито. У Галіонжеевъ ноги открыты. Уборъ ногъ, подобный Селимову, авторъ видѣлъ въ Морѣ у своего хозяина, бывшаго прежде морскимъ разбойникомъ.

(28) На полосахъ сабель Турецкихъ обыкновенно спавился названіе мануфактуръ, гдѣ онѣ сдѣланы; но и того чаще изображаются на нихъ золотыми буквами какіе нибудь стихи изъ Корана.

(29) Вообще все относящееся къ Вепхому Завѣшу не менѣе извѣстно Тур-

камъ, какъ и Евреямъ. Первые въ добавокъ еще гордяшся мнимымъ знаніемъ разныхъ весьма обстоятельныхъ подробностей касательно жизни Паптріарховъ — такихъ подробностей, какихъ нѣтъ въ нашемъ Священномъ Писаніи. У нихъ даже есть баснословныя жизнеописанія Преадамиповъ. Они почитаютъ Моисея и Соломона. Зюлеика есть Персидское названіе жены Пентефрія, и любовь ея къ Іосифу служитъ содержаніемъ одной изъ прекраснѣйшихъ поемъ на семь языкъ.

- (30) Пасванъ - Оглу, Паша Виддинскій, извѣстный мяшежникъ. Въ послѣдніе годы жизни своей онъ былъ весьма опасенъ могуществу Опшоманскому.
- (31) Бунчукъ есть знамя Пашей; оно состоитъ изъ лошадиного хвоста, къ копы привязаннаго.
- (32) Одинъ изъ Пашей подобнымъ образомъ былъ отправленъ Али - Пашею. Барваръ послѣ женился на дочери умерщвленнаго имъ челоуѣка. Ядъ выпанъ былъ въ кофе, которое на Востоку обыкновенно пьютъ прежде сорбета, вышедши изъ бани.
- (33) Турки совсѣмъ незнаютъ другихъ острововъ кромѣ Архипелажскихъ и

пѣхъ , которые лежатъ на ближайшемъ морѣ.

(54) Ламбро-Качіони извѣстенъ подвигами своими 1789 го и 1790 года, равно какъ и предпріятіями, клонившимися къ возстановленію Греціи. Архипелагъ былъ театромъ морскихъ его поисковъ. Ламбро и Рига почитались отважнѣйшими изъ людей, мечшавшихъ о независимости Еллады. Послѣдній достался въ руки Туркамъ, и казненъ по повелѣнію Султана.

(55) Райясами называютъ всѣхъ плавающихъ въ казну *gарагъ*, то есть поголовную подать.

(56). Плаваніе Праотца Ноя принадлежитъ къ малому числу путешествій, Мусульманамъ, какъ думаютъ они, весьма извѣстныхъ.

(37) Кочевая жизнь Арабовъ, Татарь и Туркомановъ описана во многихъ книгахъ; она для сихъ людей имѣетъ особенную прелесть. Одинъ Французскій ренегатъ признавался Шапобриану, что всякой разъ, когда случалось ему одному верхомъ на лошади ристать во всю скачь по пустынь, онъ объятъ бывалъ чудешнымъ неизъяснимымъ, близкимъ къ восторгу.

(38) Жакуашъ-аль-Еденъ — такъ называющіяся селенія въчности, рай Мусульманскій.

(39) Епо плачевная пѣснь женщинъ надъ умершимъ. Турецкая благопристойность недозволяетъ, чтобы невольница публично изъясляла свою горесть.

(40) „Я пришелъ на свою родину и громко воскликнулъ: Друзья моей юности! гдѣ они? — и ехо отвѣчало: гдѣ они?“ Изъ Арабск. рукописи.

(41) And airy tongues that syllable mens names.

Milton.

Т. е. и воздушные голоса произносятъ имена людей.

Нѣль нужды предпринимають путешествіе на Воспокъ, чтобы тамъ ошмыскивать людей, копорые вѣрять, будто души умершихъ являющіяся въ видѣ ппичекъ. Герцогиня Бендаль твердо была увѣрена, что Георгій I прилеталъ къ ея окну въ видѣ ворона. Нѣкопорая дама изъ Ворчестера, вообразивъ себя, что сестра ея прияла видѣ одной пѣвчей ппички,

велѣла поставишь подѣ своимъ нало-
емъ въ кафедральной церкви нѣсколь-
ко кльпоекъ съ ппичками той же
породы. Какъ госпожа еша была
достапочно и украшала церковь сво-
ими вкладами; то на странности ея
смотръли сквозь пальцы.

К О Н Е Ц Ъ .

